

"История человеческой культуры в естественно-научном освещении".

ЧЕРНОВИКИ НЕОКОНЧЕННЫХ КНИГ НИКОЛАЯ МОРОЗОВА

Подготовлены к публикации группой энтузиастов под руководством С. И. Валянского (Д. В. Калюжный, О. А. Горяйнов, Е. Э. Ермилова) и опубликованы издательством "Крафт+".

Отдельная благодарность Кириллу Люкову, первым разместившим эти материалы в Сети, и Антону (Mollari), за поиск недостающего в архиве Н. А. Морозова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

"Азиатские Христы". (9)

Глава I. Необходимое предупреждение.

Глава II. Странные события, совершающиеся теперь на нашей земле.

Глава III. Неправдоподобные обстоятельства, при которых найдено большинство наших важнейших древне-азиатских книг.

Глава IV. Буддизм в Сибири.

Глава V. Шаманство и буддизм.

Глава VI. Житейско-религиозные обряды пробужденцев.

Глава VII. Гипнотические средства буддийских учителей для поддержания аскетической корпорации.

Глава VIII. Церковная иерархия пробужденцев.

Часть I (или II)

Глава IX Первобытное религиозное чувство человека и детские сказания современных сибирских буддистов.

Глава X. Буддизм пришел в Азию не с Гималайских, а с Карпатских гор.

Глава XI. Суд над буддийской душой. Буддистские демоны Чой-Жил и Эрлик-Хан. Буддистский ад.

Глава XII. Буддийские боги и их отношения друг к другу и к людям.

Глава XIII. Монгольско-бурятская «Книга Бытия» (Ганджур-Данджур) и ее космогония.

Глава XIV. Космологические представления современного нам тунгусского, бурятского и калмыцкого буддизма.

Глава XV. Несколько мыслей по поводу классического идеизма, материалистической механизации природы и естественнонаучной энергетики.

Часть II

Глава I. Чудеса Востока.

Глава II. Несколько общих замечаний.

Глава III. Буддийские культы в Индии, на Цейлоне и в Индокитае.

Глава IV. Перерождение буддизма в Индии.

Глава V. Книга Даранаты.

Глава VI. Индусская теософия. Брамаизм и буддизм в сравнении с христианством.

Глава VII. Монашеские ордена буддистов и их поразительное сходство с католическими.

Глава VIII. Софистика индусских будистов и ее происхождение от исламистов и христиан.

Глава IX. Буддийская мораль.

Глава X. Философия индийского буддизма, рассматриваемая в связи с поздней христианской философией.

Глава XI. Первичные воззрения буддистов.

Глава XII. Характеристика наших сведений о Будде.

Глава XIII. Волшебная сказка о перевоплотенце Будителе.

Глава XIV. Современный буддийский фольклор.

Глава XV. Рождение Будды-Христа под именем Гаутамы.

Глава XVI. Некоторые размышления по поводу основателя религии пробужденства.

Глава XVII. Попытка краткого эскиза реальной истории буддизма и общий вывод о его развитии из учения европейских христиан возвращенцев (несториан) V века нашей эры.

Глава XVIII. Все дороги из Царь-Града.

Еще раз о психологии лживости и обмана. Эпилог буддизма.

Часть III

Глава I. Лингвистика - как средство установления реальной истории земных народов.

Глава II. Два основных закона распространения культурных нововведений. *(Это простые открытия, которые делаются индивидуально, случайно и сложные, которые появляются эволюционно на базе существующего знания).*

Глава III. Зенда-Веста — Святые Вести. История их открытия и образчики их сказаний.

Глава IV. Огромное количество слов явно славянского или отчасти греческого, латинского и даже немецкого происхождения, заключающихся в Зендской литературе.

Глава V. Общие выводы о позднем происхождении «Святой вести» и Парсизма.

Глава VI. Волшебная сказка об авторе Святой вести (Зенда-Весты, по-гречески Евангелия).

Глава VII. Зенд-Веста в характеристике ее современных апологетов.

Глава VIII. Древняя ли это история или просто современная литература гебров - парсов, выработанная под влиянием апокалипсиса?

Глава IX. Персы, парсы и парижане.

Глава X. Еще о парсах в Индии и о годе Осла.

Глава XI. Общее происхождение всех теософий старого света.

Глава XII. О Сассанидах, Ахменидах, Селевкидах в связи с религией Зороастра.

Часть IV

Глава I. Славяне и Христос.

Глава II. Всякое прозаическое повествование не древнее того времени, когда оно впервые записано.

Глава III. Когда написаны Веды.

Глава IV. Образчики ведических сказаний

Глава V. Браминская теология по европейским представлениям.

Глава VI. Секта Джанов.

Глава VII. Общая характеристика индусских культов.

Глава VIII. Развитие горноазиатских религий под влиянием ислама и современного христианства.

Часть V

Глава I. Суеверия и фокусничества в религиозных культурах.

Глава II. Магия в Великой Ромее.

Глава III. Схематический очерк развития спиритизма и оккультизма — в христианской Европе XIX века.

«Голос безмолвия» как высший образчик псевдо-индусской апокрифической религиозно-философской литературы нашего времени.

"Миражи исторических пустынь". (10)

ПРОЛОГ.

О погружении старинных построек и их развалин в землю, о их хронической деформации как средстве удостоверения их возраста.

Часть I.

Глава I. Основные законы умственной эволюции человечества.

Глава II. Несколько слов о семитических языках и о их письменности.

Глава III. Первые впечатления от открытия клинописной азбуки.

Глава IV. Еще несколько слов о солнечном — юлианском, о лунном — агарянском, и о солнечно-лунном — мессианском календарях.

Пятой (V) главы нет, да кажется и не было. (Н.А.Морозов)

Глава VI. Два месопотамские гороскопические камня, изображенные в книге Иеремиаса.

Глава VII. Солнечные и лунные затмения в месопотамских клинописях.

Глава VIII. Массивные памятники «старинного» времени. О любви и влюбленности в современной исторической науке. Первые впечатления от находки «Кодекса Амона» — учителя (Аму-Раби) современника Авраамова в Месопотамии.

Глава IX. Общая и частная характеристика свода законов Аму-Раби, современника Авраамова, и поразительно высокий государственный и гражданский строй, существовавший в то время на земном шаре.

Глава X. АММОН-РАВИН списан с библейского АРОНА (или Моисея), библейские АРОН и МОИСЕЙ с Ромейских АРИЯ и ДИОКЛЕТИАНА, и все старо-Вавилонское царство Амму-Раби (Сумеро-Агадийская династия) с ромейских императоров от Диоклетиана до Гонория.

Глава XI. Арамейские (т. е. древне-сирийские) документы одной арианской колонии, найденные на острове Гезирет Ассуан, считающиеся за древнюю Элефантину.

Часть II.

Волшебная сказка о Великом Вавилоне.

Глава I. Следы библейского арианства в Месопотамии до перехода ее к магометанству. Волшебная сказка о Великом Вавилоне.

Глава II. Волшебная сказка о великой Вавилони и о Суммерийском (Самарийском) и Эламитском (элоимитском, т. е. библейском) влиянии в Месопотамии в глубокой древности. Клинописные религиозные представления.

Глава III. Филологические, географические и чисто логические несообразности наших представлений о древней истории Ирана и Ирака. Волшебная сказка о древне-персидском (–538, –330 гг.) царстве безбрачников (ахеменидов по-гречески) и лингвистические следы из него в средневековую Европу.

Глава IV. Агарянское искусство в Месопотамии.

Глава V. «Ассирийское царство» между псевдо-минус 2000 и псевдо-минус 606 годом в сравнении с готским владычеством в Италии во времена Одоакра и Теодориховых готов.

Глава VI. Первая попытка выбраться из топкого Месопотамского болота европейских средневековых историков. Страшный повсеместный перепуг от чрезвычайно эффектного появления кометы Галлея весной 837 года и распадение Римской империи Карла Великого на три части от Каролингов к Ахеменидам.

Глава VII. Наглядное изображение теории вероятности. Вторая попытка выбраться из топкого болота историков. Сравнительный ономастический разбор династии Сирийских Селевкидов-Андиохов и французских Капетингов-Клобучников.

Глава VIII. Третья попытка выбраться из месопотамского болота. Ономастическое сравнение первого периода династии Арсакидов-Портенидов (псевдо –250, –542) Северного Ирана с династией ахеменидов-Безбрачников псевдо-древне-Персидского царства (псевдо –559, –338) и с первым периодом династии Сассанидов-ставленников средне-персидского царства (псевдо +226, +432). Отожествление их всех с Велико-ромейскими автократами от Константина I до Аркадия (+307, +408).

Глава IX. Размышления по поводу предшествовавшей главы. Новые доказательства огромного значения Велико-Ромейского императора Юлиана Философа в развитии средневековой теократии и мистической литературы. Отголоски двух метеоритных катастроф в Библии.

Глава X. Ономастическое сравнение первого периода Парфянских Арсакидов с их вторым периодом. Параллелизм в обоих. Странная ономастика последнего отдела партенидов (Вологецы), хронологические параллелизмы второго периода Сассанидов со вторым периодом Велико-Ромейских царей. Хоз-Рой справедливый — азиатское отражение Юстиниана. Омайяды и Меровинги, Аббасиды и Каролинги. Гарун-аль-Рашид — азиатское отражение Карла Великого. Все старинные сведения об арабских государствах в Азии — испанского происхождения.

Часть III.

Чудеса псевдо-азиатской беллетристики

Глава I. Основной закон эволюции человеческой литературы.

Глава II. Еще немного об арабах. Приключения сына смоковницы. Арабская культура – ромейско-египетская культура. Египетские биографии – романы на надгробиях.

Глава III. Звезда-царица. Библейский миф о разжаловании звездочки «Метки» Овна из цариц весеннего равноденствия. Книга «Эсфирь», комета Галлея 837 года.

Глава IV. Носильщик и три сестры. Образчик французских галантных сказок XVIII века в псевдо-арабском сборнике «Тысяча и одна ночь».

Глава V. Когда и где возник сборник сказок «Тысяча и одна ночь».

Глава VI. Рустем и Зораб. (Образчик поддельных рассказов из царственной книги Шах-Наме)

Глава VII. Песнь о Раме (Рамаяна)

Глава VIII. Наль и Дамаянти (Образчик скелетного романа европейского типа, попавший в Индусскую Мага-Барату)

Глава IX. Библейский спор о боге. Библейская книга Иов, как образчик средневековых представлений о боге.

Глава X. Былины Сундас и Упасундас. Образчик действительно национальных сказаний в индусской Мага-Барате

Логика небес и сенсационные находки европейских авантюристов XIX века. (11)

(Восточное эхо крестовых походов. С востока ли был свет?)

Часть I. Логика небес.

Общий метод исследования и определения времени старинных документов, содержащих многократные указания на положение планет.

Глава I. Начало астрономических эфемерид.

Глава II. Основной логический разбор находки эфемеридного типа. Диаграмматические изображения времен вступления Сатурна, Юпитера, Марса Венеры и Меркурия в последовательные "знаки Зодиака".

Глава III. Логика Солнца и солнечные календари. Способ определений в старинных эфемеридах не показанных в них долготных перемещений Солнца и история календарей, рассказанная ими самими.

Глава IV. Солнце и планеты. Общий способ определения последовательных положений солнца по последовательным положениям Венеры и Меркурия, и определение по ним календаря, употребленного автором исследуемой эфемериды.

Глава V. Астрономия и астрология.

Часть II. Сенсационные находки европейских авантюристов XIX века.

Глава I. Сенсационная астрономическая находка Генри Бругша в Египте, предназначавшаяся сделаться дневником "отца астрономов" Птолемея Александрийского.

Глава II. Подстрочный перевод этой эфемериды.

Глава III. Логика Сатурна по отношению к эфемериде Бругша.

Глава IV. Логика Юпитера.

Глава V. Логика Марса.

Глава VI. Логика Венеры.

Глава VII. Логика Меркурия.

Глава VIII. Логика Солнца.

Глава IX. Общий обзор астрономической осмысленности эфемериды Бругша и определение по ней точного времени гелиоцентрического обращения планет, которыми пользовался вычислитель этой эфемериды.

Глава X. Историко-астрономическая разведка 1 и 2 дощечек псевдо-птоломеевой эфемериды Бругша.

Глава XI. Историко-астрономическая разведка дощечек Бругша.

Глава XII. Историко-астрономическая разведка дощечек Бругша и печальный вывод по поводу этой “находки”.

Глава XIII. Поразительная находка патера Штрасмайера в Месопотамии, предназначенная сделаться предсказаниями “дедушки астрономов” Гиппарха.

Глава XIV. Подстрочный перевод первой таблетки пантера Штрасмайера, помеченной 125 годом от “Царя Аршака”.

Глава XV. Подстрочный перевод второй таблетки патера Штрасмайера, помеченной 137 годом от “царя Аршака”.

Глава XVI. Астрономическое определение времени обеих псевдо-эфемерид Штрасмайера и вывод об их подложности.

Глава XVII. Простой ли это подлог или описание схождения всех планет в Деве в 1247 году?

Глава XVIII. Нелепая клинописная астрономическая таблица, приведенная в книге Куглера “Астрономия и звездопоклонство в Вавилоне” под шифром <...>.

Летосчисления и календарь (черновые куски). (12)

СЧЕТ МЕСЯЦЕВ В БИБЛИИ ЮЛИАНСКИЙ ИЛИ ЛУННЫЙ?

НАЧАЛО ЛЕТОСЧИСЛЕНИЙ.

История летоисчислений и юлианский календарь, как памятник эпохи Юлиана Философа.

конец Календарей.

ЕГИПЕТСКИЙ КАЛЕНДАРЬ.

Библия и часы.

Глава I

Необходимое предупреждение

Приступая к изучению религий Азии, невольно чувствуешь, как спускаешься в низины умственной человеческой культуры, где царит еще глубокий мрак.

В умственной жизни буддистов, браминов и даже исламитов не было Линнеев, открывших путем глубокого всестороннего изучения различного материала естественную классификацию животных, основу научной зоологии; у них не было Декандалей, сделавших то же самое для мира растений, давшего начало научной ботанике и ее дальнейшей разработке; не было Дарвинов, давших на основе этих естественных классификаций эволюционную теорию возникновения жизни. У них не было своих Коперников, положивших начало правильным представлениям о движении небесных светил в непрерывном пространстве и о действительном состоянии земли в солнечной системе, не было Ньютонов, подведших все это под строгие законы небесной механики, давшие возможность для всегда сбывающихся научных предсказаний небесных явлений взамен обманчивых пророчеств древности; не было Лапласов, давших эволюционную теорию происхождения миров, не было Ляйелей, положивших начало эволюционным представлениям о последовательном развитии земного шара. У них не было своих Лавуазье и Менделеевых, положивших начало современной теоретической химии; у них не было Пастеров, открывших микробное происхождение всех заразных болезней и давших новые верные средства бороться с ними. У них не было ни Колумбов, ни Куков, открывших для их народов заморские неведомые земли, не было Ливингстонов и Пржевальских, сделавших то же на суше и давших возможность ученым Пекина, Калькутты, Тегерана и Самарканда знать о Западной Европе много более того, чем знали ее собственные ученые. У них не было своих Уаттов, изобретших паровые машины, не было Сантос-Дюмонов, положивших начало управляемому воздухоплаванию.

Хотя у них было не менее, чем в Европе дыма и нагретого воздуха, поднимающегося вверх, но никому из них не приходило в голову употребить их на поднятие воздушных шаров и улететь с ними в высоту. У них не было Эдисонов, изобретших фонограф и Яблочковых, открывших электрическое освещение. Их математика — простая арифметика, и даже алгебра на деле возникла не у них, а в Мавританской Испании. У них не возникло романтизма, вероятно, благодаря многоженству, а потому до сих пор нет и романа, и вся их литература стоит на том же сказочном уровне, как европейская в средние века. Их живопись была до европейских учителей лишь первичная без перспективы, их музыка первично однообразна, их театр — простой балаган, в сравнении с европейским.

И если мне скажут, что взамен того у их ученых высоко было развито искусство гипноза, то я отвечу, что и оно, подобно только что перечисленным мною здесь открытиям и изобретениям, вернее всего пришло туда из Европы, в которой было потом искоренено христианством в союзе со светскими правителями как приводившее на низком уровне средневековой психики, к вредоносным и даже губительным последствиям. Ведь это же и была та «черная магия» с вызываемыми привидениями и галлюцинациями слуха и остальных органов чувств, которую христианские авторы относили к действию сатанинских сил и самое слово культ имеет своим корнем созвучие **КЛД**, символизирующее всякое колдовство.

И это самое европейское колдовство, надолго истребленное в Европе, а теперь возобновляемое на научной основе, как психотерапевтическое средство, переселившись в Среднюю Азию, и оттуда в Индию, осталось там на той же средней ступени своего развития, на которой оно было в средние века в Европе. Отсюда ясно, что не с Востока старого света оно шло на его Запад, а, как и все новейшие открытия, совершенно наоборот.

Говорить о древней высокой культуре китайцев, индусов и тибетцев, после чего эти народы одряхлели и «впали в детство», есть простая игра слов. Это так же нелепо, как утверждать, что какой-нибудь человек, родившись взрослым и состарившись, снова стал уменьшаться ростом и наконец обратился в мальчика для того, чтобы начать снова расти и развиваться, как только теперь начинают азиатские народы, буддийской, браминской и даже исламской умственной культур.

На европейское происхождение современных азиатских культов, т. е. колдовских учений, мы можем указать немало признаков. Вот, например, хоть лингвистические корни.

Индусская троица браминов называется Тримурти, т. е. по-славянски Три-Морды. Это словопроизводство не шутка, а действительный лингвистический корень индусской троицы, показывающий, что она пришла туда с Балканского полуострова, из Великой Ромеи, которая, как я показывал уже в VI томе, была в средние века еще полубалканским, полу-Анатолийским государством, с незначительным развитием греческой литературы, и слово морда тогда значило просто лицо.

Таким чисто славянскими словами переполнен весь санскрит, который поэтому и должен быть признан за перенесенный на Дальний Восток

ромейскими провозвестниками христианства, тем более, что и сам индусский Кришна есть ни что иное, как ромейский Христос, но только в его дальнейшем развитии. И самое слово Кришна имеет смысл (помазанника на царство) только по-гречески, значит, пришло тоже из Великой Ромеи. И вот по европейской теологии Христос воскрес из мертвых только один раз, и потом улетел на «седьмое небо», где и остается до сих пор, сидя рядом с богом-отцом, под святым духом в виде голубя, на каком-то троне, невидимом в самые сильнейшие из наших телескопов. А по индийскому учению, этот самый бого-человек воскресал уже восемь раз и восемь раз погружался в нирвану, т. е. в блаженное небесное успокоение от житейских забот. Но ведь эти восемь раз, больше одного разве, являются его семи-повторным эхом и значит, произошли уже после первого раза, который мы имеем в евангельском учении. Вот почему хотя бы индусская фантазия, по обычаю всего средневекового и даже новейшего мифического творчества и относила их в незапамятные времена, но само составление такого мифа мы не имеем права без самых веских доказательств, отнести за пределы конца средних веков, когда первое и единственное воскресение стало основанием христианского учения.

Пойдем теперь и далее. Нирвана индусов переводится новейшими востоковедами не в смысле абсолютного ничто, как делали ранее, а в смысле успокоения после смерти. А в русском народном языке и, по-видимому, в других славянских, умерший называется покойником, т. е. успокоившимся от житейских дел. Но ведь это та же самая идеология посмертного состояния, уподобляемого сну без сновидений при освобождении сознания от оставленных им телесных уз, подвергающихся потом уничтожению. Значит, и представление о нирване, как будто пришло на восток со славянского ромейского запада. Но можно сказать и более этого.

Подобно тому, как Ромейский Христос, прибыв в Калькутту, оказался там воскресшим вместо одного раза восемь, так и христианский бог — единый в трех лицах (три морды) — превратился на том же пути уже в многоликого, и появились изваяния со множеством голов, а с ними и лиц на одном туловище. И это размножение лиц наглядно показывает, что представление о боге едином в трех лицах, выработанное ромейской теологией путем частых умствований о боге-отце, боге-сыне и о святом духе деградировало на пути в Индию в изображении трех человеческих лиц на одном туловище, вроде теленка о трех головах. А затем уже в самой Индии, число таких голов на одном божественном туловище доводилось и до сорока. Так слово личность в смысле персоны, по смешению смысла в славянских языках превратилось в простое лицо, а затем и в целую голову.

Таким же образом от корня чело произошло слово человек, первично челолик, т. е. обладающий челом.

Само собой понятно, что не ромейская религиозно-философская троица выработалась из этих первичных уродливых представлений, а деградировала в них, распространившись в народе, наиболее образованная часть которого еще не дозрела до принесенных в нее с Запада философских представлений. И это обстоятельство наглядно показывает, что религия браминов (т. е.

служителей бога-слова¹), пришла от западных богословов, а следовательно тоже не за тысячи лет до христианства, а не ранее как в средние века.

Рассуждая таким образом, мы легко приходим к выводу, что и буддизм возник довольно поздно, как будто даже не ранее крестовых походов. Все его последователи считают, что он возник уже при полном развитии брамаизма, по таким же причинам, как и протестантизм в недрах католицизма, и с этим нельзя не согласиться.

Что такое значит буддист? И это слово идет от славянского корня — от глагола будить — и значит, пробужденный. Европейские ученые, стремясь придать восточным верованиям глубоко философский характер, толкуют это слово в смысле пробужденного к умственной жизни. Но это едва ли так. В тех же славянских языках, с которых так много взято азиатских религиозных терминов, называют умершего усопший, т. е. уснувший, а потому и слово пробужденный скорее всего здесь нужно понимать в смысле воскресшего из мертвых. И мы действительно видим, что в буддизме под этим словом понимается перевоплощение в новое тело после смерти, т. е. воскресение в новой личности после пребывания более или менее долго в нирване, т. е. царстве успокоения, царстве покойников. Первоначальная идея христианского верования о единственном чудесном воскресении одного человека, эволюционировало здесь уже в многократные воскресения многих лиц, обладающих достаточной святостью, воскресший и сам (Будда), он же Кришна-Христос этой религии воскресает и умирает без конца в виде Тибетских далай-лам.

С этими необходимыми предупреждениями о низком уровне прошлых азиатских культур, не давших миру ни одного выдающегося ученого, вплоть до XIX века нашей эры, и о заимствовании ими от европейцев-христиан почти всех важнейших достижений даже и в области религиозной мысли, которую они только исказили, я перехожу к дальнейшему исследованию в котором, к сожалению, мне снова приходится разойтись в своих выводах с уже сложившимися представлениями как наших теологов, так и идущих за ними ориенталистов.

¹ Брама по-санскритски значит слово.

Глава II

Странные события, совершающиеся теперь на нашей земле.

*Есть многое в природе, друг
Горацио,
Что и не снилось нашим
мудрецам!*

Так поведал нам когда-то один из действующих лиц в драме Шекспира «Гамлет», но на его предупреждение до сих пор не было обращено должного внимания, хотя и следовало бы обратить не раз.

Вот, например, какому-нибудь из современных нам этнографов привиделось даже во сне, что среди людей, живущих теперь на нашей земле, не все настоящие люди, а есть и такие, которые только приняли вид людей, а при ближайшем рассмотрении оказываются спустившимися к нам небожителями совсем другой породы, чем мы? Правда, христианские теологи уже предупреждали нас, что таким существом был Христос, и что, хотя он и умер почти две тысячи лет назад, но снова возвратится в человеческом виде и будет царствовать на земле 1000 лет, хотя почему-то и медлит. И вот, оказывается, что такие именно возвращенцы с того света уже не малочисленны теперь среди земных людей, но посылаются они почему-то исключительно на малодоступных для наших ученых плоскогорьях внутренней Азии и исключительно в мужской форме. Их видят и слышат там все желающие, они учат нас тому же, чему учил по словам евангелиста Матвея, и Христос в своей нагорной проповеди и в беседах с учениками, и не имеют ни малейшего физического влечения к женщинам как, если верить евангелиям, не имел их и учитель. Уж не сам ли это евангельский Христос, ставши единым, уже не в трех, а во множестве лиц?

Называют там этих отраженцев хубилханами¹ и они занимают в средней Азии высшие священнические должности. Их даже несколько степеней, главнейшею из которых являются Будители, по-тибетски Буды (или, по европейской транскрипции, Будды), такой же квалификации, как и евангельский Христос.

¹ От кубилган — у бзе — принятие на себя различных видов, как переводит это слово О. Ковалевский в своей Буддийской Космологии, 1837.

Такого рода Будд (Христов) насчитывают очень много. Они, по великому милосердию ко всем одушевленным существам и благу им доставляемому, уподобляются родителям, пекущимся о своих детях, — восходящему солнцу премудрости, всех озаряющему и т. д. Они всеведущи: все прошедшее и будущее знают наравне с настоящим. Нет ни одной сокровеннейшей мысли, которая могла бы быть неизвестною Воистину-Пришедшему (Будде-Христу); ибо он, посредством высочайшей мудрости видит все во всех странах, как в зеркале. Зная все без исключения деяния существ, преимущественно деяния, соответствующие его мысли, он готов немедленно предстать в виде руководителя для избавления от Сансары. Воистину-Пришедший не чувствует ни малейшей радости при виде богатства или благосостояния тварей, ни печали при виде бедности; но коль скоро узрит дело правды, тотчас с беспредельной любовью спешит пособить им.

Не стесняемые временем, Будды (Христы) не подлежат закону о переселении душ, но могут являться в нашем телесном мире (Сансаре), принимать на себя по собственному произволу различные обманчивые виды материи, под именем воплощенных (Мануши-Будда) действуют по непреложным законам бога-предупредителя для пользы органических существ, не имея другой цели, кроме освобождения их от уз телесного мира, в котором твари, среди волн страстей и приманок плоти, без руководителя часто погибают. Потому «одушевленные существа должны искать Воистину-Пришедшего (Будду-Христа) и приобретя в нем надежного руководителя, не оставлять божественного намерения, творить бесчисленные добрые дела для скорейшего освобождения себя от уз телесного мира».

Отсюда видно, что по среднеазиатским представлениям евангельский бог сын приходит в этот мир уже не раз, как у христиан, а много раз, и даже не в одном, а во многих индивидуальностях одновременно и цель его прихода всегда была та же самая, как и у евангельского Христа.

Так кто же у кого заимствовал всю эту идеологию? Буддисты ли у христиан, или наоборот?

Вопрос решить не трудно, если мы отрешимся от внушений, и будем класть в основу законы здравого смысла.

Всякий миф с течением времени разрастается и усложняется, а не упрощается и сокращается, а потому и буддийская теология и связанная с нею космогония должна быть следующей стадией развития христианской, а не наоборот. А считать эти религии за развивающиеся самостоятельно и независимо друг от друга невозможно в виду общности многих деталей, каков прежде всего противоестественный целибат духовенства, а затем и ряд других общих черт. Ведь и самое выражение «воистину пришедший» есть только перефразировка христианского пасхального приветствия: «воистину воскрес!». А идея о переселении душ находит свой зародыш в евангелии Иоанна, автор которого, как видно из его последних строк, считал себя перевоплощенцем души непосредственного «ученика Христова», каким он с современной точки зрения, никогда не был, потому что и сам его «Христос» в том виде, каким его изображает автор евангелия Иоанна, не мог никогда существовать.

Итак, учение буддизма по всей его видимости, есть лишь позднейшая стадия развития апокалиптического и даже более позднего евангельского христианства, а следовательно, не спустилось, как воображают ориенталисты, с вершин Гималайских гор в дохристианский период времени, а пришло в Среднюю Азию из Европы с христианскими миссионерами, причем первоначальные детали были доведены до утрировки, особенно под влиянием индусских пандитов. Начавшись после приобщения Индии, сначала к французской, потом к Великобританской культуре, т. е. не ранее начала XVIII века нашей эры, этот процесс утрировки христианства среди невежественных масс и его приспособления к европейской философии среди более культурных слоев, по-видимому, продолжается вплоть до последнего времени и сделал наконец индусскую философию как бы завершением классической европейской. Французский философ-электик первой половины XIX века

Виктор Кузен имел полное право сказать:

«Индийская философия так обширна, что в ней перекрещиваются все философские (конечно, только идеалистические) системы, это целый философский мир, и можно сказать, что индийская философия — это резюме всей истории философии.»²

2 < ... >

Отсюда можно видеть, что если на эволюцию среднеазиатского буддизма и влияла Индия, то лишь в самое последнее время, а никак не в глубокой древности, потому что, как мы увидим далее и индусский Кришна — аналог тибетского Будды и сама индусская троица Три-Мурти тоже пришла из Великой РOMEи в средние века нашей эры.

Конечно, люди никогда не интересовавшиеся «историей истории», т. е. не исследовавшие ее первоисточники с хронологической точки зрения, опять мне скажут о каких-то «древних документах», которые имеются только в их воображении. Но разве можно серьезно спорить с продуктами воображения? А если обратиться к фактам, то всегда оказывается, что самые древние рукописи для истории Индии, Китая и Средней Азии не заходят за то время, когда в них уже появились европейцы.

Вот, например, самые старинные религиозно-космологические рукописи буддистов, приводимые проф. О. Ковалевским:

1) Зерцало Вселенной (Ииртынцу-Интоли), полученные Бергманом в 1802—1803гг. от приволжских калмыков, т. е. вероятно, в Казани.

2) Затем в 1834 году проф. О. Ковалевский нашел в библиотеке Казанского университета под № 113 более обширную рукопись на монгольском языке под названием Чихула тэкэус утхату шастир, в которую «зерцало вселенной» вошло как основа.

3) Затем он же указывает тибетскую рукопись Шиджя рабду Шалва шиджя би ди ни кгэлунг Пакба Лодой Джялцпн Балдзан дзатба шусу. Она имеется только в каталоге библиотеки Казанского университета и впервые отмечена в каталоге ее, изданном в 1834 году (под № 116). Но и она оказалась ни что иное, как пополненный тибетский перевод предшествующей монгольской рукописи (№115), сокращенно называемый Шастра, вместо Шастор.

4) Он же цитирует Монгольскую летопись, изданную в 1892 году Шмидтом в подлиннике с немецким переводом и комментариями.

Но и для этой книги первоисточником служило «Зерцало Вселенной» или та же «Шастра» (№ 115 библиотеки Казанского университета).

5) Тот же проф. Ковалевский упоминает о «Сокровище, насыщающем желания» (Эрили хангакчи эрдени). И о нем в своей книге «Буддийская Космология», изданной в 1837 году, он говорит лишь, что она находится в рукописи, хранящейся в его библиотеке.

6) Затем он указывает «Источник мудрецов» (по-тибетски Гайби джу най и по-монгольски Мэргэт гарху-ин орон) — энциклопедический тибетско-монгольский словарь, находившийся в 1837 году в библиотеке Казанского университета под № 2.

7) И, наконец, проф. Ковалевский упоминает о рукописи «Святой воскресенец Молон-Тойн и оказанная благодарность его матери» (Хутукту Молон Тойн экэ дурен ачи Харигулуксан) тоже в библиотеке Казанского университета (№№ 156, 157 и 158). Содержание ее в том, что отец Молона Тойна за добродетель переселился царство Браммы, а мать за разврат была брошена в ад. Ее сын — один из приближенных учеников Шакья-Муни (Будды), идет по всей вселенной, чтоб отыскать ее и подать ей помощь. Попутно описывается и сама вселенная.

Первые три книги представляют пополнения «Зерцала Вселенной», найденного тоже, по-видимому, в Казани, и принадлежащей, вероятно, концу XVIII века. Их нахождение в той же самой местности и только в одном экземпляре достаточно показывает и их недавность и связь. В таком же положении, насколько мне известно, оказываются и все остальные рукописи Азии. Если б они были давние, то, конечно, много раз были бы скопированы в

разных местах Азиатского континента, как, например, были евангелия и библейские книги.

Но ничего подобного тут нет. А для того, чтобы правильно судить о пригодности собираемой современными европейскими учеными азиатской рукописной литературы, надо прежде всего представлять себе, как она собирается.

Вот, например, несколько лет тому назад мой старинный друг Ольга Эрастовна Озаровская была командирована на север Архангельской губернии собирать народные сказания. Она нашла там старую женщину — замечательную сказочницу и записала с ее слов, а также со слов других крестьян и крестьянок ряд интереснейших сказок и преданий, которые и издала недавно отдельной книжкой под своим именем.

Каково историческое значение этих сказок? Конечно, никакого, потому что не знаешь, что в них придумали сами рассказчики, и что придумали их непосредственные предшественники. Но он имеет огромное этнографическое значение, невольно рисуя не только направление фантазии местного населения, но и его мировоззрение и даже самый быт.

Какова характеристическая особенность таких записей?

Та, что они локальны и будущий этнограф найдет их записанными в таком виде почти всегда только в одном экземпляре, или совсем не найдет рукописи, которую собиратель забросит как более не нужную, после того, как ее истрепят наборщики. Даже и в том случае, если вместо одной записи окажутся и еще две-три копии, с неизвестного времени и места, ее древность и большая распространенность еще не гарантированы. А одиночность рукописи есть, безусловно, верный признак ее локальности, а не распространенности, и, во-вторых, ее этнографичности, а не историчности, хотя бы предметом ее и было повествование о событиях общенародного характера, совершившихся лишь в прадедовские времена, а не за сотни и даже тысячи лет назад.

Дело в том, что литературное творчество не есть индивидуально явление как можно было бы заключить из стихотворения Пушкина:

Пока не требует поэта
К священной жертве
Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира,
Душа вкушает сладкий сон,
И из людей ничтожных
мира
Быть может, всех
ничтожней он.
Но лишь божественный
глагол
До слуха чуткого коснется,

Душа поэта вострепнется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы.
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн
В широкошумные дубровы.

Если тут он и правильно описывает индивидуальное самочувствие писателя-художника, то это еще не значит, что его пробудил к нему какой-то «божественный глагол». Глагол этот исходит несомненно изнутри его самого, а потому он и в заботах суетного света, когда его творческие силы как бы засыпают, не является ничтожеством. Писатель есть общественное явление, продукт сложных влияний и сил наследственных и социальных, а потому не может выскочить индивидуально, в одиночку, без того, чтобы те же общественные силы и влияние не вызвали и других писателей, поэтов и художников. Взятое в своей совокупности литературное творчество есть общественный процесс, неизбежно начинающийся с того момента, как успехи культуры настолько обеспечивают материальное благосостояние данного народа или хотя бы одного его класса, что у него остается свободное время, чтобы не исключительно погружаться «в заботах суетного света», а подумать и о его происхождении. Отсюда ясно, что и все повествования наших классиков и не классиков о Типпархах, Аристотелях, Конфуциях, Буддах, Христах, Магометах и Моисеях, выскочивших одиночно, есть ни что иное, как простые мифы. Да и сами эти сложные мифы не могли развиться одиночно в глубокой древности по одному «божественному гласу Аполлона», и не могли быть продиктованы самим богом, удостоившимся этого людям, как утверждают христианские и магометанские теологи, — а были продуктами сложного общественного процесса, который в ту же эпоху и в том же народе должен был создать и ряд других произведений близкого к ним уровня, так как эволюция литературного и художественного творчества шла хотя и порывами, но последовательно все вперед и вперед.

Все эти соображения, имеющие характер общего закона, должны быть нашими верными руководителями при исследовании имеющихся в нашем распоряжении исторических первоисточников. Я только что показал, как русские северные сказки, собранные О. Э. Озаровской, имеют огромный этнографический интерес, но никак не исторический. А вот, например, те рукописи по «Буддийской космологии», которые находились в 1837 году в библиотеке Казанского университета и которые я перечислял в этой самой главе по проф. О. Ковалевскому, — какой интерес они имеют? Этнографический или исторический? Локальный или общий?

О них не сказано, как они попали под разные номера каталога Казанского университетской библиотеки... Орфография их современная, имеются они в единичных экземплярах, а не так, чтобы то же самое сочинение было найдено еще где-нибудь в Монголии или Тибете или у Индийских буддистов, и

занумеровано в какой-нибудь другой университетской или неуниверситетской библиотеке.

Значит, это локальные произведения, и притом недавнего времени. Как же они возникли? Все говорит за то, что по способу Озаровской. Какой-нибудь калмык, получивший высшее образование по-русски в Казанском или Московском университете и вернувшийся на родину, стал записывать космологические и мифические устные сказания своих говорливых старцев, объединяя их на своем языке под названием «Зерцало Вселенной», «Источник мудрецов», «Сокровище, насыщающее желанья» и даже «Монгольская летопись» и потом при случае сам (или сын после его смерти) передал ее в Казанский университет или продал проф. Ковалевскому.

Значит, эти рукописи (как и все находимые таким же образом в Индии), имеют только этнографический локальный интерес, рисуют современные представления о разных космологических и религиозных предметах, но это еще не значит, что таков же был буддизм и до Чингиз-Хана (1155—1227), владения которого простирались от Пекина через всю область современного буддизма до Инда, через Тибет, на юго-восток и до Каспийского моря через Монголию на запад. Все эти неизмеримо обширные разъединенные пустынями и неудержимые в стратегическом отношении под одну насильственную власть страны, могли быть объединены только теократически и это тем более обязательно, если бы Чингиз-Хан начал свои «победы» (что совсем невероятно) из пустынной Монголии, редкие жители которой до сих пор являются самыми мирными кочевниками, разводящими верблюдов, лошадей и рогатый скот. Теократический характер власти Чингиз-Хана подтверждается и сказаниями, что он дал этим — теперь буддийским странам — их законы, на основании будто бы «старинных обычаев», и тем, что его племянник Батый (довольно созвучно с Буддой) обоготворен монголами.

Припомним также, что и Далай-Ламы появились в Тибете только с XIV века, т. е. одновременно с другой буддийской знаменитостью — Тимуром (т. е. Железным, 1383—1463), власть которого простиралась над всей центральной Азией и даже над Индией и Персией, что опять немыслимо со стратегической точки зрения, но вполне возможно с теократической, вроде, например, власти римского папы над всеми католиками. В это же время появляются в Тибете Далай-Ламы, первые достоверные перевоплощенцы вечно воскресающего Будды.

Все эти обстоятельства, и в особенности единичность и локальность большинства наших первоисточников по азиатской литературе, как будто собранных по способу О. Э. Озаровской и приведенных потом во взаимную связь самими коллекторами, заставляют считать их больше этнографическим, чем историческим материалом и вынуждают серьезного историка пересмотреть заново всю историю азиатских стран.

Глава III

Неправдоподобные обстоятельства, при которых найдено большинство наших важнейших древне-азиатских книг.

Когда культурные государства, стремясь к своему расширению, выходят из пределов своей основной национальности и захватывают иноязычные малокультурные народы, они всегда не только стремятся их ассимилировать, по внешности навязывая им свой язык и одежду, но и по внутреннему состоянию, т. е., как говорится, по духу, справедливо видя в этом, а не в военной силе, главный залог своей прочности.

В древности и в средние века, когда умственная культура и вся ее идеология были основаны на мистических религиозных началах, это проявлялось в стремлении навязать вновь присоединенным народностям свою религию, для чего в их странах основывались на государственные средства правоверные, по мнению государственных правителей, храмы, одинокие развалины которых мы и видим, например, в Сирии и северной Африке, где благодаря отсутствию удобных путей сообщения Ромейская культура не удержалась, и в средне-европейских и северных странах, где первоначальные ромейские храмы переродились в современные нам христианские церкви и соборы.

В новейшие же времена, когда теологическое мировоззрение заменилось естественно-научным, и церковь, отстав от жизни, отделилась от государства, это же стремление культурных народов внутренне и внешне ассимилировать к себе соседние некультурные, естественно стало проявляться в построении в них или на границах с ними низших, средних и высших школ.

Таким образом, например, на границе с мусульманскими татарами и буддийскими калмыками был еще в 1804 году основан Казанский университет, со специальными кафедрами восточных языков: коранического, калмыцкого (причем нелишне отметить, что калмык по-тюркски значит «отсталый») и турецко-татарских.

Таким же образом в своих ост-индских владениях англичане сначала построили ряд храмов, а потом (до 1900 года) там было уже пять университетов: в Калькутте (с обсерваторией), в Бомбе, в Мадрасе, в Алмагабаде и в Лагоре, и кроме них 156 высших и более 130 000 низших школ.

Посмотрим же теперь естественные последствия такого сочетания высшей культуры с иноязычною ей низшею. Для простоты наших соображений возьмем хотя бы ближайший к нам Казанский университет, где появился первый (из русских) профессор монгольского языка Осип Михайлович Ковалевский (1800—1873 гг.), «Буддийской Космологией» которого я достаточно пользовался здесь. Еще до поступления на эту кафедру, он был прикомандирован 27 лет от роду в Иркутск для изучения монгольского языка, затем через три года в Пекин, и наконец, от 1836 по 1862 год был профессором в Казани. Что он делал в эти двадцать девять лет своей профессорской и преподавательской деятельности, — это можно сказать и не имея о нем никаких «свидетельств очевидцев», пользуясь лишь его

собственными краткими указаниями, что в его личной библиотеке имелся, среди других книг, ряд интересных рукописей на монгольском языке по буддийской литературе. Как он их достал в Казани? Да так же, как сделали бы вы, если б были там, на его месте. Среди казанских студентов, особенно по этой специальности, неизбежно оказались бы хоть три-четыре калмыцкие юноши, родители которых, живя между русскими, пожелали приобщить своих способных детей к европейскому знанию, чудеса которого они не могли не видеть даже и в начале XIX столетия. Если даже эти студенты и были не на факультете восточных языков, то все же попадали тотчас же в ведение Ковалевского, как своего естественного покровителя, и он, как страстный ориенталист, не мог не поручать им, когда они уезжали на каникулы к своим родным, собирать в родных степях и записывать для него по-калмыцки все, что может служить образчиком их литературы, или представления об окружающем мире и о их прошлой истории. Усердные студенты, желая угодить своему патрону, действительно записывали сказания своих говорливых старцев, комбинировали их отдельные рассказы, в более или менее связный ряд, подобно тому, как это мы имеем, например, в Илиаде или Одиссее, и, возвратясь, доставляли это своему учителю не как собственную компиляцию, которая в его глазах потеряла бы всякую ценность, а как целиком записанное ими со слов одного человека, а более лукавые (какими бывают обязательно все дети первобытных народов, среди которых мистификация считается похвальной ловкостью), могли выдать свою запись, изменив нарочно почерк, и за найденный у своих родителей документ, заметив, что это более понравится их учителю.

Таким процессом и объясняется тот поразительный факт, что вплоть до напечатания всех таких документов, они оказываются униками, не находимыми более нигде, что не могло бы ни в каком случае быть, если б мы имели в этих документах образчики настоящей национальной литературы, т. е. ходячих в этой форме народных или сословных представлений какой-нибудь области. Тогда однородные рукописи, хотя и с индивидуальными легкими вариациями не выуживались бы то тут, то там современными европейскими востоко-искателями, как караси из озера, чего абсолютно нет. Есть даже нечто гораздо худшее.

Что бы вы сказали, например, если б какой-нибудь страстный удильщик рыбы стал вас уверять, что, просидев целую ночь на берегу озера, он выудил последовательно 1 щуку, 1 карпа, 1 линя, 1 ерша, 1 карася, 1 плотичку, 1 лягушку и т. д., перечислив все десятка два существ, которые можно выудить в данном озере и все по одному экземпляру? Вы рассмеялись бы, конечно, такому разнообразному однообразию, и сказали бы, что для правдоподобия следовало бы хоть кого-нибудь утроить или учетверить и сократить породы. А между тем в области литературы мы находим выуженными таким же образом по экземпляру не два десятка, а несколько сот документов из истории Востока, считаемых нами за основные. Все это, оказывается, рукописи, не имевшие распространения. Все они стоят на уровне вашего частного письма к своему знакомому, которого он никому не дал читать. И все они явно новые, так как хранить их, никому не давая, нет смысла. Особенно это «индивидуальное» творчество распространено в Индии, где 5 университетов

(не считая 150 высших английских школ), занимались такого рода спортом много долее и усерднее, чем у нас О. Ковалевский в Казанском университете. Там даже платили премию за каждую новую находку. Так почему же мы до сих пор не смеемся над такого рода нелитературной литературой?

Но тут выходит нечто даже более удивительное. Несмотря на эту унитарность имеющихся документов, часто оказывается, что после напечатания какого-нибудь из них, т. е., когда он становится общеизвестным для всех интересующих его предметом, вдруг кто-нибудь выуживает в том же азиатском океане сильно пополненную и усовершенствованную и опять единичную рукопись на том же языке или опять тоже единичный его перевод на другой азиатский язык, или даже оригинал на другом языке, если первая находка сочтена за перевод.

Все это заставляет серьезно и обстоятельно исследовать, в каком числе экземпляров найдены нашими европейскими учеными в отдаленных странах Азии документы по современной истории их народов (до их напечатания) и если окажется, что статистика дает для множества из них те же числовые результаты, как у меня здесь относительно выуженных любителем щук, линей и карасей, то и очистить от них навсегда историю Востока.

Глава IV **Буддизм в Сибири.**

Приступая к исследованию Буддизма с точки зрения свободно мыслящего человека, я прежде всего буду говорить о его состоянии в Сибири и пограничных с ней странах, так как тут я могу пользоваться нашей русской литературой, мало известной на Западе, а между тем очень оригинальной и представляющей первостепенный научный интерес.

В составе своего народонаселения Сибирь никогда не представляла единства. Там на огромном пространстве между Тоболом и Иртышом, Обью и Енисеем, вплоть до XIV века нашей эры развевывалась Татария. За Обской губой, особенно в приленских местах тянулись широкой полосой кочевья якутов, татарских единоплеменников, на север от рек Витима, Вилюя и Олекмы до Ледовитого океана, к востоку от Енисея до Охотского моря. На Камчатском полуострове считались Крашенинниковым в 1738 году три народа — камчадалы, коряки и курильцы. Коряки были смежны с чукчами, юкагирами и ламтуаммами, курильцы с камчадалами и японцами.

Все эти разнообразные племена принадлежали и принадлежат теперь исключительно Северной полосе. На Юге же Сибири разноплеменность почти исчезает.

Обстоятельные исследования Синологов не позволяют сомневаться, что в странах, лежащих на северо-восток от Великой Китайской стены, по степям, сопредельным с северным Китаем, с самых древних времен обитали лишь Тунгусские и Монгольские племена. Эти племена, и только они одни, жили на юге Сибири и при ее покорении русскими царями.

Отечеством тунгусов была нынешняя Манчжурия. Там и теперь разные

племена под общим именем манчжуров, составляют господствующее народонаселение. Границами которого служат: на юге Китай, на севере — река Амур, на востоке Японское море и на западе Великая Монголия, начинающаяся несколько выше слияния Шилки с Аргунью.

Но тунгус давно перешагнул за пределы своей страны. Он раскидывает свой шатер на Даурских равнинах, пасет стада оленей на берегах Енисея и Лены, Колымы и Алдана; является с колчаном в руке среди непроходимых гор и лесов, на всем протяжении от Амура до Анадыря. Они были долго независимы и стали платить подать русским не ранее 1657 года. Бродячие тунгусы, почти дикари, любят горы и леса, они переходят с места на место небольшими партиями и носят различные ее местные названия, с разными оттенками в языке. Они кочуют в Нерчинском крае от верховьев Нерчи до Аргуни, по Онону, Инде, Турге, Ачинге, и по другим рекам этого бассейна.

Все они носили издавна общее название Хамниганов и в XIX веке составляли наследственный удел князя Гантимура. Большинство их склонилось в XVIII веке к буддизму, а остальные еще держатся шаманства или колеблются между обоими верованиями.

Второе — монгольское племя известно в Восточной Сибири под именем бурятов. Они многочисленнее всех других инородцев и состоят под непосредственным ведением своих наследственных князей. В Даурии, за Яблоновым хребтом, их числится шестнадцать племен, и все они буддийского вероисповедания.

А по эту сторону Яблонового хребта, в Верхнеудинском округе, по рекам Уде и Хилке тянутся кочевья харинцев. В начале XIX века это племя составляло одну семью с Нерчинскими монголами и ему первому усвоено было наименование Хариата, измененного потом в Бурята.

Буряты Селенгинцы кочуют по реке Селенге, Ворге, Джиде (от дзедэ — мель) и Темнику. Они прежде всех других подверглись обаянию буддизма и очень преданы ему.

Тункинские и Окинские буряты обитают к северо-западу от Байкала в ложбинах и долинах между Байкальскими и Саянскими горами. Прибрежья реки Иркуты наиболее покрыты их кочевьями.

Идинские буряты и 27 родов Балаганских размещены ниже Иркутска на степях, прилегающих к Ангаре.

Кудинские ближе всех других к Иркутску. Их земли тянулись до Байкала и граничат с уделом Верхоленских Бурят, которых улусы рассыпаны от Восточных Высот Байкала до Верхоленского отрога, и здесь замыкается длинная цепь бурятского населения.

Архиепископ Ярославский Нил, прошедший в этих странах миссионером 16 лет и хорошо изучивший язык местного населения, так характеризует его быт в своей книге «Буддизм» (1838г.).

«Хотя от присоединения Сибири к державе Российской протекло уже около 250 лет (с 1736 года), но быт сибирских инородцев не представляет и теперь ощутимых перемен. Где искони водворялись племена, там и ныне их видим, и видим во всей простоте века Авраамова. Домо-обзаведение их ограничено убогою палаткою, потребности в пище и одежде не простираются далее того, что получает он от стад; деятельность и житейские развлечения сосредоточены в передвижении из дебри в дебрь, из степи в степь. Исключение делают собою лишь те из инородцев, которые постоянно находясь под влиянием русского народонаселения, невольно свыкаются с его образом жизни и начинают постигать, что не скитальческая беззаботность, а труд, подъемлемый в поте лица, составляет прямое назначение человека».

«Вера, — говорит он далее в своей интересной, но неудобочитаемой книге, которую я много пользуюсь здесь, — старинных обитателей Сибири имела один общий характер, следы которого видимы еще в остатках шаманства. Но единство это давно рушилось, быв потрясено силою обстоятельств.

По раздроблении огромной Монгольской монархии, сперва приволжские татары, входившие в связь с турецкими поколениями, а потом и Азийские, стали изменяться из идолопоклонников в магометан.

Религиозный переворот начался в Западной Сибири при Кучуме. Кучум взялся за меч, и к тому же расположил он и отца своего Муртазу, Бухарского властителя. От последнего прислано было войско под начальством старшего его сына Ахмет-Гирея и вместе с ним целый легион мулл. Тогда одно оставалось для народа — покориться необходимости. Лишь жившие в отдаленности от ханской столицы могли еще сохранять прежнюю свою веру».¹

«Но магометанство, вторгшись в северную Азию с запада, не проникло на Восток далее Енисея. Там осталось старинное язычество, которое известно под именем шаманства. Но взамен магометанства туда стал проникать буддизм и более столетий господствует там от Амура до Лены, над значительнейшею частью монголо-бурятского и тунгусского племени».

Так оканчивает автор свое изложение, основанное на официальных актах русских архивов, показывающих совсем недавнее проникновение буддизма на побережье реки Амура, тоже одновременно с магометанством, и продолжает еще так:

«Буддизм, порожденный во времена Гомерические, признает законоположником своим Шигемуня-Сакья-Муни, и от него ведет связанную свою эру, по которой еще (в 1857 году) считается ему 2894-й год.

Делится он на две секты — фоистов и лам. Первая удержалась в Китае, а последняя в Индии, Тибете и Монголии. Существенное между сектами различие в том заключается, что одна из них имеет иерархию, у другой, напротив, ее нет». ²

¹ Нил Архиепископ Ярославский: Буддизм, стр. 12.

² Там же, стр. 17.

Но в этой хронологии мы уже не будем верить ему на слово, а попытаемся исследовать дело самостоятельно, в остальном же на его наблюдательность положиться можно.

Буря, поднятая исламом, отозвалась страшным потрясением среди турецкого и татарского племени, от Кавказа до Урала. Бедные шаманы всюду принуждены были уступать место неумолимым муллам. И конечно, не многие бы из них, особенно в Сибири, пережили XVII столетие, если б северные области Азии не отошли к христианской России.

Но еще большее поражение испытали шаманы от буддистов в конце XVIII и начале XIX века.

В отделе о древней истории Китая я покажу, что нельзя придавать серьезного значения сообщению о южных Гуннах под 336 годом нашей эры (т. е. во время возникновения христианства в Европе), причем говорится, что тогда в царствование государей Ши-лэ, Ши-ху и Цзун-чжина двор, а с ним и аристократия, были преданы буддизму.

Но даже и без специальной критики этого указания, мы могли бы доказать неправильность представления о его большой древности.

Мы можем доказать, что буддизм слишком недавняя религия на сибирской почве, потому трудно объяснить, как мог он оставаться чуждым для Сибири, если бы он проник в среднюю Азию, да и в самую Монголию, за много веков пред этим. Ведь ламизм, вплоть до XVIII века нашей эры не находил себе приюта даже и в Даурии, сопредельной с Китайской Монголией и сопряженной с резиденцией Ургинского патриарха.

Первым его принял Цонгольский род в 1741 году, когда Пунцук добился старейшинства над ламами, со званием протоирея (Ширета).

Русское правительство с удивлением увидело, что за Байкалом, как из недр земли, вдруг возникли 11 храмов с 150-ю ламами. Воспрещено было всякое

дальнейшее размножение ламизма, но не смотря на это, лет через 15 в 1756 году, там оказалось уже 324 ламы. Но и это были только цветочки, а ягодки оставались впереди.

Преемник Пунцука Заяйга начал домогаться достоинства епископа (Бандиды), которое и успел получить в 1764 году. Это было допущено с целью прекратить отношения здешних буддистов к чужеземному патриарху (Хутукте). Но результат получился тот, что чрез десять лет насчитывалось уже 617 лам.

Потом начался временный раскол. Галдан, второй из лам по старшинству, объявил себя независимым от Заянги и основал отдельное управление.

Обе соперничающие стороны — Цонгольская и Гусиноозерская, для поддержания своего авторитета, наперерыв старались увеличить массу своих приверженцев и только в 1808 году, вместе со смертью Цонгольского епископа Кеторкоя, борьба партий прекратилась и власть сосредоточилась в лице Гусино-Фаерского Хамбо-ламы. Шаманисты всюду были преследуемы: ни леса, ни горы не укрывали их от гипноза лам, рыскавших по всему Забайкалью и даже в окрестностях Иркутска. Само христианство ощутило тяжесть их влияния. Из язычников никто почти не решался принимать его.

В 1822 году оказалось уже более 2530 лам, при 19 храмах-монастырях и пробужденство охватило две трети инородческого населения Восточной Сибири. Христианское духовенство перепугалось, и вот в 1825 году управление Сибири положило принять за предельное число 20 буддийских храмов и 293 лам; остальные же ламы обращались в сверхштатные, но в этом же году составлен был новый штат, по которому <...>

Вслед за тем, вопросом об ограничении числа лам и храмов и об изыскании средств к пресечению дальнейшего распространения буддизма занимался Сибирский комитет, и с этой же целью послан был, по распоряжению генерал-губернатора Руперта, в Сибирь чиновник особых поручений.

В 1842 году озабочивалось этим делом Иркутское общее губернское правление и составило штат в 34 храма с 580-ю ламами. При подсчете оказалось, что в этом году в Восточной Сибири было 120 035 одних мужчин, исповедующих шигемунианскую веру и 5 545 лам, т. е. в то самое двадцатилетие, когда деятельно изыскиваемы были средства к их ограничению, буддисты более чем удвоились.

В русском христианском духовенстве опять возникли тревожные вопросы: как организуется это сонмище лам, где способы к их существованию, каково их умственное и нравственное состояние.

Буддийский канон и гражданские законы, заключавшиеся в известном монгольском уложении, требуя от лам безбрачной жизни, назначая им пребывание в монастырях, вместе с тем предписывали, чтобы они принимались в духовное звание не иначе, как с ведома и дозволения русского начальства, по его выбору и действительной надобности, и под непременною условием собственного желанья со стороны приемлемого. Каким же образом такой поразительный успех?

Конечно, мы теперь можем на это ответить: действовали те гипнотические

методы, о которых я вам уже говорил при описании таинства Джанан, но в то время о гипнозе еще не было научных представлений, а в чертей уже мало кто верил. И вот при виде такого успеха ламаизма, сравнительно с успехами христианства, ничего не оставалось делать, как восклицать:

«Ламизм вербует, где хочет. Умножает свои легионы, и в то же время обеспечивает себя отовсюду. Чем больше семейств, связуемых с ними узами родства, тем выгоднее для них. В них находят ламы тайных своих агентов, чрез них склоняют общее мнение в свою пользу и становятся грозными для своих противников (т. е. христианских миссионеров).

Надлежит только явиться ламе в какой-нибудь улус, и лучшая сикера, тучнейшие яства, со всеми угожьями, будут к его услугам».

И вот начались правительственные ограничения:

- 1) Ламам поставлено в неперемнную обязанность иметь жительство только при монастырях, не иначе отлучаться из них, как по делам службы и притом всегда с ведома их епископа (Ширета).
- 2) Им дарованы: земли: хамбо-ламе пятьсот десятин, а прочим членам в меньших количествах, сообразных с их званием.
- 3). В отвращение старых злоупотреблений, строжайше запрещено им привлекать в свою веру не только христиан, но и шаманистов, и наконец
- 4) Положен твердый штат для их духовенства, который я и привожу на табл. 1.

Таблица 1.

№	Наим. Дацанов	Храмы	Сумэ	Число прихожан	Хамба (митрополит)	Ширетуй (епископ)	Ламы	Дандии
1	Гусино-озерский	1	17	4136	1	1	7	1
2	Цонгольский	1	11	6625	-	1	12	1
3	Джидинский	1	16	5113	-	1	9	1
4	Ацайский	1	9	921	-	1	2	1
5	Сортольский	1	3	2279	-	1	3	1
6	Гнгетуевский	1	4	1690	-	1	2	1
7	Учотоевский	1	6	1170	-	1	2	1
8	Бултумурский	1	17	2473	-	1	4	1
9	Аракиретуевский	1	2	2554	-	1	4	1
10	Чогагуетаевский	1	11	3035	-	1	5	1
11	Кударинский	1	2	3666	-	1	6	1

12	Иройский	1	10	2505	-	1	3	1
13	Янгасинский	1	4	3705	-	1	6	1
14	Ходонский	1	3	6400	-	1	12	1
15	Анинский	1	4	5813	-	1	11	1
16	Туггальгатаевский	1	4	4864	-	1	9	1
17	Агинский	1	-	10622	-	1	19	1
18	Ацагатский	1	1	3305	-	1	5	1
19	Яицановский	1	9	3089	-	1	5	1
20	Хохюртаевский	1	-	3698	-	1	6	1
21	Эгитуевский	1	4	5250	-	1	9	1
22	Цугилинский	1	1	5410	-	1	13	1
23	Цулгинский	1	1	2105	-	1	3	1
24	Гунинский	1	-	1067	-	1	2	1
25	Токчинский	1	-	919	-	1	2	1
26	Хожиртаевский	1	1	896	-	1	2	1
27	Тарбатараевский	1	1	898	-	1	2	1
28	Бырцуйский	1	1	1240	-	1	2	1
29	Ольхонский	1	-	1710	-	1	2	1
30	Баргузинский	1	2	3428	-	1	8	1
31	Кыренский	1	-	2695	-	1	4	1
32	Болакский	1	-	7957	-	1	14	1
33	Боргальтаевский	1	-	2709	-	1	5	1
34	Аларский	1	2	7972	-	1	15	1

Но нам здесь более всего интересен не этот штат, а то, что в единственной области, относительно которой были собраны точные официальные записи, буддизм начался только в половине XVIII века и с молниеносной скоростью стал распространяться среди первичного шаманского населения только в первой половине XIX века. Но эта область никакими непреодолимыми преградами не была отделена от остальных мест господства буддизма, относительно которых нет никаких статических сведений и надежных исторических указаний.

Так, какое же право мы имеем думать, что он в них возник еще две тысячи лет назад, но не захотел проникнуть в Забайкалье и Амурскую область? Ведь это же просто нелепо.

Глава V

Шаманство и буддизм.

Поговорим теперь немного и о смешанных с буддистами территориально шаманов.

Если верить буддийской книге Улигерундалин, то шаманство до последнего из пятисот уже бывших перерождений Будды было всеобщей религией и имело свой писанный закон и много магических книг; а представители этой веры шаманы, держа в руках своих ключ к таинствам природы — дивили свет метаморфозами и всякого рода чудесностями.

Не будем говорить ничего о предполагаемых шаманских волшебных книгах, а отметим лишь то, что и по буддийским первоисточникам религия пробужденцев сменила шаманство и что чудотворство на гипнотических основах характеризует и буддийское духовенство.

Буддийские святые, которым удалось соблюсти «Тарнин санвар», по сказанию книги Даг-Ик (гл. 8, л. 19), обладают даром восьми великих чудес. Они могут:

- 1. Исцелять все недуги.**
- 2. Летать по воздуху.**
- 3. Становиться невидимыми, если захотят.**
- 4. Делать проходимыми для себя все места на земле и под землей.**
- 5. Производить без малейших последствий резанье тела у себя и у других.**
- 6. Все видеть и предвидеть.**
- 7. Производить Пылден, т. е. белое тяжеловесное семечко, обладающее притягательной силой.**
- 8. Производить зелено-желтые изумительных свойств пилюли (Ринчин кралу). Они зарождаются в волосах у пустынножителей или в их священных книгах, или падают свыше в виде манны. Чаще же всего они добываются руками праведников из пещеры <....>, где проводил дни своей невинности Шара бычин, пока его не соблазнила Ранчиса.**

Крупинки этого Пылдена и Ринчина влагают в уста умирающему, чтоб избавить его от влияния демонов и открыть ему путь к счастливой будущности.

Буддисты считают, что все это тайна, недоступная для шаманов, а в другие мистерии (числом 81) они входят наравне с ламами, посвятившими себя исключительно богу ада — Чойжилу.

Первым местопребыванием его избранных сил была прекрасная область божественного хана, в лесах которой летает птица Галиндига. Хан этой области, по имени Об-гамби, принадлежал к числу ревностнейших последователей Шигемуни и царски покровительствовал Буддизму. Но младший брат его представлял собой жалкую жертву ослепления. Шаманы окружали его, морочили и делали из него, что хотели.

Об-гамби, источник всех средств к вразумлению брата, решился наконец показать ничтожество шаманов в сравнении с Голомою (так назывался Шигемунни в период последнего своего перерождения). И пригласил на пир и его и их. Но пиршеством распоряжался ханский брат, и потому шаманам доставлена была большая честь явиться прежде других и занять почетнейшие места. Но вот пришел Шигемунни, не видя для себя места в первых рядах, гневно взглянул на шаманов — и что же? Вдруг все они заколебались, как былинки, и мгновенно очутились за дальнейшими рядами, отброшенные туда невидимую силою. Такая катастрофа, совершившаяся над шестьюстами человек, изумила всех, но только не самих шаманов. Им казалось, что Шигемунни произвел только потешный фокус. Оградив от него себя заклинаниями — былга, тулгу, керчи, дзарик, они ринулись вперед сквозь ряды для занятия прежних мест. Но тотчас же были отбрасываемы на прежние места.

Все осталось как было, и гости начали умывать руки, как требовал того обычай. Шаманы тоже успели к сосудам. Но вода в них окаменевала, как только шаман прикасался к ней. При всех усилиях, им нельзя было добыть ни капли и к довершению позора, им среди такого великолепного пиршества пришлось еще и голодать. Подносимые им блюда улетали от них так быстро, что им не удавалось даже коснуться лакомств, коими пресыщались шигемунисты. Такие мистификации довели несчастных до уныния. Они сидели окаменелые и недвижимые. Так что все вельможи презрели черную веру и обратились к желтой. Шаманам ничего более не оставалось, как бежать от общего посмеяния и втайне придумывать средства к поправлению дела.

И вот, когда они сидели, убитые горем, к ним явился легион лукавых духов (Шимнусов) с предложением услуг, в случае обещания им покорности. Шаманы обещали. И тут же из среды их избраны были шесть представителей, которые, кроме личных достоинств, еще принадлежали к знаменитым родам, искони хранившим шесть господствующих в мире зол.

Вожди эти, приняв в свое распоряжение полчища лукавых духов и сопровождаемые ими, пробрались в местопребывание Тойна Годомы и напали на него. Произошло ужасное зрелище. Земля затряслась под ногами Годомы, стихии забушевали вокруг него; град и молнии сыпались на его главу. Все было напрасно! Годома стоял твердо и только посмеивался. Но его сторонники испугались. Это обстоятельство дало смелость врагам Будды обратиться к Об-гамби с просьбою предписать Шигемунни, чтоб он вступил в публичное состязание с представителем черной веры, и Шигемунни

согласился.

Начались приготовления, и все были уверены, что шаманству готовится роковой удар, под тяжестью которого должно оно исчезнуть навсегда. Но каково же было общее изумление, когда пронеслась весть, что Шигемуни и его 1200 священников бежали, не дождавшись дня, назначенного для состязаний, и скрываются в области Вайсали. Шаманы мчались за беглецами, оглашая путь победными криками. Туда же отправился и сам Об-гамби, чтобы узнать причину странного поступка перевоплотившегося Будды. А он повторил ту же историю и в Вайсали. Сперва он показал готовность вступить с шаманами в состязание, а потом изменил своему слову, и за день до срока ушел в область Гоосамбир. Оттуда таким же образом он переправился в Баранзу а потом в Тигисари, в Варкасон, в Габалик и далее, — в такие же таинственные страны, которые впоследствии стали усердно, но мало успешно разыскиваться буддологами. Переходя из страны в страну, от одного народа к другому, он достиг страны, где владычествовал Добропобедный и здесь решился приступить к развязке.

В первой четверти Белого месяца, после сытного обеда и находясь в наилучшем расположении духа, он воткнул в землю свою зубочистку, и она, как когда-то жезл Арона, к общему удивлению, мгновенно расцвела и представила огромное ветвистое дерево, обремененное множеством разных плодов, и все, кроме шаманов, наслаждались ими. Потом в той же стране он произвел две горы, из которых одна наполнилась бесчисленными сокровищами, а другая — цветами и травами, врачующими все недуги.

В изъявление благодарности одному хану, он пополоскал свой рот и выплюнул из него столько воды, что произвел огромное озеро, обогатившее всю страну. Одним мановением своей руки он произвел восемь больших рек. Гостя у одного хана, он испустил изо рта такой свет, который озарил весь мир и врачевал все недуги. В области Лизей-ори он наделил всех обитателей способностью узнавать, что мыслят другие. А после поражения шаманов волоса его сделались светозарными, и отразился его образ на тверди небесной, в 38 тысячах повторений (Улиг. Далай гл.3).

Слава его загремела повсюду и всех приводила в восторг и удивление. Хань и народ спешили на поклонение к великому учителю и сопровождали его до самой области Бурхан-хана.

Но шаманы ни на что не обращали внимания. Увлекаемые злым роком, они настаивали на том, чтоб сразиться с Шигемунием, и выступили против него, в числе шести сот человек.

Шигемуни в это время возлежал на львином седалище, со своими последователями Асури и Хогмузду. Остальные лица, в том числе и ханы, заняли места в почтительном отдалении от них, и все, от первого до последнего, хранили глубокое молчание, надеясь видеть небывалое в мире состязание.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Шигемуни, не удостоив шаманов ни словом, ни взглядом, решил участь их одним мановением руки. Земля затряслась, раздался оглушительный звук, похожий на рев слона; из земли

вышел огонь и выскочили гении, которые, в виде грозных богатырей, ринулись на шаманов и стали поражать их. Несчастные искали спасения в бегстве. Но река преградила им путь и погибель их сделалась почти всеобщей. Из шести сот тысяч уцелело всего двести шаманов. И они-то, рассеявшись по свету, послужили средством к сохранению «черной веры», которая и до сих пор удерживается ее последователями.

Легенда эта достаточно показывает, что на севере Азии буддизм, откуда бы он ни пришел, сопровождался жестокой борьбой с шаманами. Но по мере того, как властелины подчинялись влиянию нового вероучения, положение шаманистов становилось затруднительным. Одни из них принуждены были уступить силе, другие рассеялись по менее культурным местам.

Известно, что область этой веры некогда была очень обширна. И до сих пор последователи шаманизма находятся между манчжурами, монголами, тунгусами, калмыками, якутами, чукчами, татарами, остряками, чувашами, черемисами, вотяками, киргизами и разными другими мелкими племенами, не исключая островитян тихого океана. Их догматы и обряды, предания и поверья различаются лишь условиями жизни каждого народа. Допуская во вселенной действие двух начал — доброго и злого, шаманизм признает необходимым служить и тому и другому. У монголов эта догматика выражается в таких положениях:

Между их божествами первое место занимает Тангери, как источник жизни и всякого добра, а его дети Тенгерины представляют собой олицетворение сил природы, стихий и даже человеческих страстей. Таковы, например, 1) Багатор тенгери, гений храбрости; 2) Дайсун Тенгери — покровитель войны и девяносто девяти гениев, господствующих над горами, реками, лесами, пустынями, зверями, как это видно из следующего напева:

Девяносто девять
Тенгеринов!
Внимайте словам нашим!
Алтай хан, Кунтей хан...
Вы, владычествующие
повсюду,
Поспешите к нам!

Духи, входившие в эту категорию, делятся на благодетельных и злых. Первые из них не возбуждают опасения. Они и являются лишь там, где нужна их помощь и услуга, а последние питают всегдашнюю вражду не только к людям, но и к самому небу. Их-то шаманизм боится и вменяет в главнейшую обязанность укрощать их злобу жертвами и молитвами. Они однако те же, как и в буддийской духологии. Из них Элье является в виде коршуна, который, сидя на диком коне и впустивши когти в его гриву, стрелой мчится по горам и степям. Албин, шатаясь по дебрям и распутиям, делает оклики, зажигает ложные огни, представляет фантастические виды и заставляет путников блуждать. А Вук принадлежит к числу домовых и, поселившись в юрте, не дает покою.

Среднее место между добрыми и злыми духами занимают Онгоны, т. е. души людей, которые прославившись в жизни злыми или добрыми деяниями, не

прервали и по смерти своих прежних отношений к миру и продолжают действовать то во вред, то в пользу живых. Первые из них наносят поветрия, причиняют тяжкие болезни, губят детей, изнуряют скот и являются бичом того племени, среди которого водворились.

Обрядовая часть шаманства имеет много сходства с Докшитским отделом буддизма.

Рождение дитяти и наречение ему имени сопровождается домашним праздником. Но если опасаются за жизнь ребенка, то призывают шамана. И он, совершивши заклятия и возлияние, ставит на почетное место свою уродливую маску, составляющую принадлежность служебного шаманского наряда, и долг шамана наведываться о здоровье ребенка и исправлять при нем обязанности жреца, магика и врача.

При совершении брачных союзов поклоняются огню, совершенно так, как и буддисты. Но заплатив колым, жених вступает тут в права мужа часто без всяких формальностей. В свою очередь и жена, по возвращении колыма, считается независимую или муж передает ее другому за былык, т. е. дар. Здесь допускаются всевозможные перемены, без малейшего внимания к условиям семейного счастья.

Не веселы и похороны, потому что все убеждены, что умирающий идет в царство тьмы и он при мертвенном безмолвии, или же при завывании шамана или шаманки, так как к этому допускаются и женщины, кладется в могилу, чаще всего в сидячем положении. Многие придерживаются и старинного порядка. Они делают особой формы ящики и, положив труп, ставят их на подмостках в лесах и дебрях.

Шаманы же во всяком случае погребаются. Им делают пещеры, или гроты, складывая их из валежного камня. Усадив его труп, оставляя лишь малый просвет, куда глядит фигура шамана во всех его доспехах. Затем тут же протягивают веревку, от одного дерева к другому, и развешивают на ней бубен, лук, котел и всякий хлам, бывший в употреблении у покойника. После этого обводят вокруг могил девять раз принадлежавшего шаману коня и убивают его или отпускают на волю.

Шаманисты утверждают, что человек, берущийся за шаманское ремесло, должен иметь к нему внутреннее призвание и особое душевное настроение, признаком которого считаются: частые обмороки и состояние исступления. Заметив такие свойства в ребенке, родители приглашают наиболее известных по своей опытности шамана или шаманку, а иногда и несколько таких лиц и, при посредстве их стараются проверить свои предположения.

Если признаки благоприятны, то адепт обязуется теоретически и практически изучать не только служебный чин, но также терапию и всякого рода фокусы. Потом выбирают в лесу такое место, где бы березы представляли собою правильную аллею, или же насаждают ее нарочно не в дальнем расстоянии от улуса. На каждой стороне ее должно быть по девяти берез, в том числе две, оканчивающие собою аллею, должны быть значительной высоты. Все они украшаются девятью породами лесных животных, начиная от белки до собаки.

Шаман, облекшись в полный служебный наряд и надев такой же на своего

ученика, берет его за руку и начинает бегать с ним вокруг дерева, делая прыжки и напевы. Потом он вспрыгивает на вершину высокой березы, и становится там в нарочно приготовляемом уступе, похожем на гнездо и в той позиции еще увеличивает свои метания и крики, чему должен подражать и ученик, стоя на вершине второй высокой березы.

Сцена эта повторяется три дня, в каждый из 9 учебных годов. Если ученик пригоден, то он мало-помалу принимается за ремесло своего наставника, а в противном случае делается заключение, что духи чем-либо не довольны, и потому родители отказываются от дальнейших хлопот. Тогда последний раз после должной подготовки совершается последний акт: учитель и пригодный ученик взлезают на заповедные березы, и первый, вращаясь во все стороны на верхушке дерева, возвещает языком оракула, что определенные к изучению таинств шаманизма годы истекли, жертвенные обряды исполнены, и при помощи их, такой-то оказался вполне способным к прохождению многотрудного шаманского служения. Юный шаман произносит якобы импровизированный гимн в честь своего наставника, благодарит его и клятвенно обещается пребыть до конца жизни в сыновнем к нему послушании. А в заключение раздаются всеобщие крики, соединяемые с гулом бубнов и сопровождаются играми и пиршеством.

Глава VI

Житейско-религиозные обряды пробужденцев.

Общеупотребительные из них следующие: крещение, брачный обряд, призыв души обратно в тело, выкуп жизни опасно больного, проводы души умершего.

Разберем по очереди каждое из них.

Крещение.

В третий день по рождении ребенка сзываются родственники и приглашается лама. Священник принеся обычные молитвы, раскрывает книгу, названную Джурхейлите, и по ней определяет <...> 1) восьми-стишные начала мира и находящихся в стихийной связи с ними стихийных духов. 2) Девяти цветные знаки — служащие символами разных предметов духовного мира, знаки Зодиака, определяющие собою значение данного года, месяца, суток и даже часа. 3) День недели, обыкновенно начинающейся с субботы и служащей ближайшим указателем дней благоприятных для младенца и злосчастных. 4) Суточный отдел, заключающий в себе 360 ступеней (градусов). 5) Господствующие созвездия, особенно 25-ти звездное созвездие, и другие, могущие иметь влияние на судьбу нового человека.

Определив все эти условия, священник торжественно возвещает, что по верному указанию его книги, рождение дитяти последовало, например, «в стихии огня, под красным знаком, в год тигра, месяц Овна, в день вепря, в час дракона, в сороковом отделе суток, под влиянием десятой звезды; и потому новорожденному усвоится соответствующее имя. В этом же тоне составляется и письменный акт, для справок в последующей жизни. Затем

происходит и крещение: родственники омывают дитя освященной водой, причем священник читает молитвы и заклинания по книге пяти богов (т. е. ангелов)-хранителей.

Крещение это — несомненно того же корня, как и христианское, — оканчивается домашним праздником, носящим исключительное название праздника крещения (Милангора).

Брачный обряд.

При заключении брачных союзов сначала обращают внимание и на родство, причем по мужской линии не должно быть родства до десятого колена, а по женской — до шестого, но так как никто не знает такого количества предков (126 по женской и 510 по мужской линии), то знатные лица избегают всех однофамильцев, а незнатные принимают во внимание лишь слухи, да и действительное отдаленное родство по разрешению лам может быть устранено. Затем принимаются к рассмотрению стихии и созвездия, под влиянием которых родились жених и невеста. И если окажется, что условия рождения взаимно противоположны, если например, в роковой момент на одно лицо действовал огонь, а на другое вода, то такие лица признаются не могущими иметь друг к другу сродства, а потому и брак между ними не допускается, пока священники не найдут возможность умилостивить враждебных духов и примирить враждебные между собою стихии, путем серьезных жертвований в их пользу.

Устранив религиозные затруднения, приступают к формальному сватовству, совершенно как в старинной Руси. Родители будущих супругов сперва действуют через сватов, потом сами непосредственно, и вообще без согласия невесты, которая признается не имеющею никакого права располагать собою. Ей даже не позволяют видеть при этом жениха, и никого из принадлежащих к его стороне. Главный разговор при этом всегда идет о размерах платы за невесту, т. е. колыма, который служит краеугольным камнем всех буддийских брачных сделок. Условившись об этом, приглашают священника и вместе с ним молятся о благоуспехи предпринятого брака, чем и заканчивается помолвка. В назначенный после этого день вторично являются к родителям невесты посланцы, или сам отец жениха, вместе с ламою. Войдя в юрту, делают колено преклонение и приносят домашним божествам жертву. Она обычно состоит из кирпичного чая, который вместе с другими дарами кладется перед буддийскими иконами — бурханами. Все радушно друг друга приветствуют, с соблюдением правил этикета. При близком знакомстве, при равенстве лет и состояния обнимают друг друга, при дальности отношений — ограничиваются взаимным простертием рук и легким склонением головы; старший кладет руки на плечи младшего, а младший имеет право коснуться только ребер старика.

Излив таким образом чувства совей радости и благожеланий, се садятся вокруг огня и принимаются за трубку, мандзу, кумыс, и другие сласти кочевого быта. Задача о колыме получает тут окончательную развязку, но это все еще лишь помолвка и исполнением условий не спешат, особенно в тех случаях, когда плательщик не богат стадами, или когда жених и невеста не созрели для

брака. Только к окончательному бракосочетанию никогда не приступают прежде платы колыма во всей условленной полноте, и прежде присылки гостинцев, известных под именем Сагал, дающих повод к брачному собранию и веселью. Бывают случаи, что помолвленную невесту до брака отдают другому, а иногда и жених, проживши с невестой годы и не получив детей, отказывается от нее и отправляет ее домой.

Свадебный обряд совершается в юрте, принадлежащей отцу жениха. Невеста приводится туда под покрывалом, и переступив через порог, становится вместе с двумя подругами на колени перед огнем. Священник прерывает молчание молитвенными воззваниями, на которые невеста отвечает земными поклонами. Сперва кланяется она трижды иконам и приносит им через старосту разные вещицы. Потом кланяется огню и бросает в него кусок жареного бараньего жира; староста украшает лентами треножник, воздавая честь священной стихии огня. Далее следует длинный ряд поклонов родственникам и знакомым, старшим и младшим, ближним и дальним. И на долю каждого из них невеста бросает по куску жира, а староста раздает подарки. А те в свою очередь отблагодаривают невесту подарками. В продолжение всей этой сцены лама, сидя на почетном месте, дает своим чтением религиозный характер этому обряду.

Подруги отводят наконец невесту в палатку жениха. Там снимается с ее глаз повязка, чтобы воззреть на своего суженого, которого, впрочем, она большею частью уже видала не раз.

Обряд призыв души вернуться в тело.

Буддийская психология признает в человеке две души: материальную, т. е. дышащую душу и духовную, которая у христиан называется духом. Одной из них подчиняется физическая жизнь человека, другой умственная и нравственная; одну ставят в неразлучной связи с телом, другую, наоборот, лишь обитающею в теле.

Эта главная душа может быть похищена у человека демонами, чем объясняется сумасшествие и может оставлять тело самостоятельно при сильных потрясениях. Но как бы ни случилось это несчастье, последствия его всегда бывают ужасны. Человек, потерявший эту свою душу, быстро слабеет умом и памятью. Врачебная помощь ему не в пользу, и лишь священные заклинания подадут луч надежды на выздоровление.

Это и есть обряд призыва души обратно в тело. Когда не остается более сомнения, что душа кого-либо похищена у больного одним из демонов, то первым делом надо умиловить адского царя Чойджила, дабы при помощи его вызвать похитителя и отобрать у него эту душу. С этой целью делают изображение девяти Иргачинов, с надписями их имен. Дождавшись полночи, кладут их в мешок из сырой пестрой кожи и завязывают пестрым арканом в девять оборотов. Избранные из общества девять смельчаков, окружив заключенных сюда иргачинов, с оружием в руках, слушают заклинания, произносимые ламою по таинственной книге Сидил. По окончании их, один из этих смельчаков, схватив аркан и перекинув его через плечо, вытаскивает мешок из юрты и трижды бежит вокруг нее в сопровождении толпы,

старающейся как можно более встревожить духов ночи своим диким воплем, стуком оружия, звуками труб и бубнов. А когда мешок с иргачинами снова появляется в преддверии юрты, его встречают стрельбой и поспешно выбрасывают истуканов на землю, замечая, как они падают — на спину или вниз лицом. Упавших вниз лицом раздробляют тут же молотом; а лежащие на спине признаются требующими еще жертв. Их опять кладут в мешок и подвергают новым усиленным заклинаниям, повторяя вместе с тем и беготню. И эта репетиция с дополнительными в ней обетами, определяемыми книгою Сидил, повторяется до тех пор, пока все иргачины попадут под сокрушительный молот.

Осколки их снова забираются в мешок и более не выходят из него. Их влекут в пустыню, зарывают и кладут над ними черный камень с надписью, что хитрые духи удовлетворены и не станут впредь причинять вреда семейству, для которого совершился обряд.

Все обещанное при этом иргачинам, в том числе и бывшие в деле орудия, отдаются совершителям этого таинства.

Но и этим не всегда кончается дело. Очень часто случается, что больной не чувствует никакого облегчения. Тогда приступают к новым предположениям о причине гнездящегося в нем зла. Прежний совершитель обряда, очевидно, не имел достаточной опытности и не соблюл всех предписанных правил. Семейство больного вторично обрекается на совершение заклинаний, пока тайноведы не скажут, что душа больного, хотя и освобождена из-под власти иргачинов, но не может возвратиться в тело, не найдя к нему дороги; или даже не хочет, пренебрегая его недостатками.

Чтобы помочь последнему горю, раскладывают вокруг больного его лучшую одежду и все то, чем наиболее он дорожит, и сам он отмывается, окуривается и вообще приводится в возможно хорошее и успокоительное положение. Тут же должны находиться и ближайшие родственники, друзья и приятели больного. И все эти лица три раза важно обходят юрту, и умиленно зовут по имени бедную скиталицу, высшую душу, умоляя ее возвратиться в тело.

Для удобства ее возвращения в забытое ею, или потерянное жилище, проводится как путеводитель пятицветный шнурок, на протяжении девяти аршин, от головы больного за дверь юрты.

Священник, облаченный в свою священную одежду, читает во всеуслышание об ужасах ада и об опасностях, каким подвергается душа, самовольно отделившаяся от тела. Он обращается к присутствующим и к самому больному с вопросом: пришла ли? И все в один голос отвечают: пришла, пришла, пришла! Все спешат с приветом к возвратившейся страннице и в знак радости, бросают на больного семена. А шнурок, послуживший проводником для души, свивают в моток и надевают больному на шею, с тем, чтобы он семеро суток носил его не скидая. Все члены семейства обязуются не ругать больного в это время и не пугать его какой-либо нечаянностью, но и всячески угождать ему. Иначе душа, не привыкшая еще к телу, вторично расторгнет с ним свою связь и подвергнет жизнь и здоровье пациента новой и горшей опасности. Так, еще в XIX веке лечили буддийские священники-доктора от горячки и всех болезней, сопровождавшихся бредовыми явлениями.

Аналогичным способом лечились вплоть до настоящего времени и все опасные болезни.

Обряд выкупа жизни.

Когда все средства, принятые к исцелению обычного больного, оказываются не действительными, приступают к совершению обряда, называемого выкупом души, — нечто вроде православного соборования.

Совершителями этого обряда по преимуществу были ламы Докшитского чина. Под их руководством делают из травы чучелу, одевают ее в лучшее платье пациента и дают ей по возможности приличную позу. Вокруг чучелы расставляют лепные изображения всех тех духов, которые любят тешиться горем и бедою человека. Изображения эти украшаются атрибутами каждого такого духа. Вместо же жертв им кладут волосы разных животных, приносимых в выкуп за душу. Тут же должен находиться в полной сбруе лучший конь больного, или его вол, чтобы изгоняемый дух мог беспрепятственно уехать в пустыню.

Сделав такие приготовления и дождавшись глубокой ночи, священники приступают к обряду. Сначала чтение идет тихо, духи умаливаются оставить больного и переселиться в сделанную чучелу, взяв в придаток и предложенные жертвы. Но, мало помалу, тон начинают изменять, изменяя и положение чучелы: она делает поворот и становится лицом к священнику. Чтецы постепенно доходят до неистового козлогласия и ему аккомпанирует такая же музыка. Искуснейший из лам выходит в Докшитском всеоружии на арену, пляшет под текст бубнов и других музыкальных инструментов, и достигнув апогея своего исступления, яростно мчит по всем направлениям юрты, пророчествуя что-то бессвязное, режет себя, а иногда и больного своим ножом, бросая на очаг какие-то химические составы, производит пламя, треск, дым и удушающее зловоние, чтобы принудить духов оставить в покое больного и переселиться в чучелу, или уехать куда-нибудь. И действительно, хозяин не видит уже более своего любимого коня или вола. Какой-то дух уехал на нем, а куда? — про то знает лишь совершитель таинства. Тогда сожигают чучелу вместе с изображением чертей в некотором отдалении от жилища. А их одежда, и все животные, обреченные в жертву, достаются ламам.

Подобные обряды, совершаются и при общественных бедствиях, с целью умиловления злых богов. Близ места, осененного деревьями, делается деревянная статуя, представляющая собою одного из враждебных миру духов. Ей дается грозный вид, и она облекается во все воинские доспехи. А самое место и осеняющие его деревья украшают разными мелочными вещицами.

Следуя общему правилу заклинания, сначала упрашивают богов, особенно Ормузду, а потом сыпят проклятия на Асури и на все мятежное царство, находящееся, как известно, под священной горой Сумбером. Провозглашается победа над враждебными духами; представитель их — Линга — расстреливается и погребается на том же самом месте, где был выставлен для позора. А вся орда продолжает пировать и веселиться. Иногда же, вместо расправы с Лингою, укрощают местных духов и заклиняют их в одном из

находящихся при каждом храме малых часовен. В них духи-заклученцы содержатся безвыходно круглый год, потом, вынеся их, чествуют жертвами, и опять на год заключают, пока время не наложит на них свою руку.

К обрядам, избавляющим от бед, относятся и гадания. За это дело берутся ламы красного ордена. Авгур-гипнотизер прежде всего оглушает своих адептов сотнями вопросов, как бы не относящихся к делу, но нужных в гадании. Он намекает на разные мистерии, касающиеся демонологии и тех способов, которыми мудрецы всегда умели пользоваться для узнания сокровенных таинств. Затем он раскрывает книгу судеб, и она дает искомый ответ.

Но в некоторых случаях считают нужным прибегать и к высшим степеням гипноза. Гадатель, сев на землю, держит в одной руке книгу, а другую кладет на миниатюрный столик, к которому привязана длинная веревка. И вот все видят, как после более или менее продолжительного чтения столик подчиняется движению его руки. Гадатель сначала выносит его из юрты, потом следует за его самостоятельным движением. Столик вырывается наконец из-под его руки и мечется в ту и другую сторону, он взлетает на воздух и несется, волоча веревку. И зрителям кажется, что гадатель хватается за нее и скачет на коне вслед летуна, тщательно наблюдая, куда и как он разворачивается и как упадет.

Но если указания столика не определительны, пользуются еще стрелой. Священник ставит ее острием на ладонь и слегка придерживает, а его помощники монотонно начинают читать. Стрелка начинает двигаться на ладони все быстрее и силится вырваться из рук. И вот ее заставляют писать на песке, подобно тому, как пишут и теперь карандаши в руках наших европейских сомнамбул. Но это уже не относится к обряду «выкупа жизни», о котором мы начали говорить.

Обряд проводов души умерших.

Надо одеть тело покойника прилично, закрыть ему лицо хадаком и положить на правый бок, чтобы одна рука могла находиться под головою, а другая на бедре. Левая нога должна быть несколько согнута. Эта поза называется львиною. Перед изображениями святых зажигаются свечи, берутся за чтение «молитвенной книги», которое продолжается до ближайшего из счастливых для данного человека дней. Тогда приводят к его юрте оседланного коня и ставят против двери с левой стороны, а человек, держащий его, садится внутри юрты на цыпочки.

По окончании отпевания, старший священник восклицает: хек! хек! хек! И вслед за этим, нарочно избранный человек дотрагивается до покойника рукой, а иногда стрелою, или другим оружием. Все выходят из юрты и садятся на коней, а покойника кладут на телегу или сани.

Пришедший в безмолвии, под предводительством священника, на место погребения, бросают белый войлок, длиной около сажени; вколачивают по его углам четыре палки. Покупают это место обыкновенно очень дорогой ценой, судя по которой устраивается и весь церемониал службы, с большею или

меньшею торжественностью.

После выкупа земли под войлоком, каждый из священников, обходя три раза войлок, проводит борозду по земле. Четыре малые сосудца, с монетами и всякими блестящими безделицами, зарывают по четырем углам купленной земли.

Начинают рыть могилу. Заупокойное пение и чтение лам оживляется только звоном колокольчика: другим музыкальным инструментам не дают места.

Изготовивши могилу, зарывают посреди нее такой же сосудец, как и по углам. В нее кладется покойник, обращенный лицом на запад.

Погребение кончается. Все бывшие при нем возвратясь, совершают очищение, т. е. остановившись перед огнем очага, умывают руки теплою водою, над раскаленными камнями совершается каждение, выслушивается очистительная молитва, а юрта еще до прихода гостей уже перенесена на другое место.

Поминки по умершем у зажиточных людей справляются в течение 48 дней, по утру, в полдень и вечером. А люди бедные обязаны исполнить это по крайней мере четыре раза: в 3, 7, и 49 день. Жертвенное животное делится на многие части, и одна из них поступает на долю души покойника и сжигается. Остальными же частями пользуются священники, которые еще получают по животному за каждый совершенный ими обряд и общую благодарность за все свои труды при поминках.

Подобно символу веры христиан и буддисты имеют такой же, называемый ключом закона. Вот некоторые из его членов:

1) Я верую, что все в мире имеет свое начало, все твари живые разделены на шесть великих степеней. Сонм хубилганов, священный сонм, красит собой все страны света, все времена.

2) Я верую и в лам, верую в Бога, верую в закон.

3) Верую в Идамов, Докшитов и в грозных богинь.

4) В четыре начала божественных натур.

5) В бодисадов и Хутукт, Праванов и Брадигабут, со всеми прочими отделами богов и гениев благих: я верую и поклоняюсь им.

Следующие за сим два члена содержат молитву о избавлении от бед и даровании всем и каждому счастья в жизни настоящей и будущей и этим дело ограничивается.

Но так как все это писано на языке чуждом для монгола, то закон делает к их плебейм снисхождение, позволяя им зазубрить лишь второй член, который по-монгольски так читается: Ламадор итегемой, Бурхан-дор итегемой, Ном-дор итегемой (верую в лам, верую в бога, верую в закон).

Но кроме этого символа веры, в устах и в сердце истинного ревнителя благочестия не должна умолкать молитва, заключающаяся в шести словах: Ом, ма, ни, бад, ме, хом.

Таинственность этих слов наделала немало хлопот ученым ориенталистам. О них написаны целые диссертации и сочинен ряд гипотез. Но весь этот руд в глазах буддистов напрасен. Это, — говорят они, — символ шести классов живых существ, воззвание ко всем живущим, а тем более к богам, заведывающим ими.

Но и они не приводят для этого никаких доказательств. Так, до сих пор это и остается неразъясненным.

Не менее остроумна в этом культе и так называемая «молитвенная машина» курду. Это шестисторонний цилиндр, расписанный по наружности шестью священными цветами — белым, зеленым, желтым, черным, красным и синим, — вращающийся на своей оси. Ось эта до последней возможности обвивается бумажными свитками, тысячекратно повторяющими только что приведенную молитву вместе с другой, коротенькой к сонму богов. Внутри же цилиндра дается место богу милосердия — Ариабодю. А иногда помещаются и книги молитвенного содержания.

Шесть сторон цилиндра, — говорят нам, — указывают на шесть классов мировых существ. Но «душа всего» сосредоточена около оси, как представительницы священной горы Сумбера.

Кто с благоговением вращает этот цилиндр, тот ставит себя в такое близкое соотношение ко всем существам, что они как бы трудятся с ним и для него. Каждый оборот курды равен тысячам молитв. А если вращаются тут еще и священные книги, то каждый кругооборот заменят собою весь труд прочтения всех священных книг.

Кроме цилиндрической, есть и ветреная курда (салкин). Это разноцветный лоскут, исписанный молитвою и поставленный в виде флюгера на юртах, могилах, и других меатх, имеющих почетное значение. Каждое их колыхание есть совершение написанной повесившим молитвы.

Кроме таких молитв и пост занимает почетное место между средствами к нравственному усовершенствованию пробужденцев. Хотя времена постов у них и не установлены, но все (кроме малых и старых), обязуются поститься по крайней мере единожды в год, соблюдая при том постнические правила, изложенные в особой книге.

Все постники поступают в распоряжение избираемого на сонме лам духовного отца, пред которым позволительно каждому раскрывать свою совесть, хотя и нет закона, положительно обязывающего к исповеди.

В первый день постники могут раз вкушать пищу, почему день этот и считается полупостным. Но на другой день, в собственном смысле постный, не дозволяется ни есть, ни говорить, ни даже глотать слюну. Должно лишь терпеливо выслушивать три раза в день длинные поучения и повторять клятву воздержания от грехов. Ночь же надо проводить в бодрствовании и молитве. На третий день дозволяется снова принять пищу, по примеру первого дня, но

не прежде, как по прочтении ламою молитвы на разрешение пищи и самых уст.

Такой подвиг, с переходом от поста к полупосту и обратно, требует для совершенства своего 16 дней. И кто совершил его, тот получает полное разрешение от грехов.

Что же касается до слабых и не могущих почему-либо выдержать 16-дневное затворничество со семи условиями аскетизма, то закон позволяет им сокращать это до одного дня или подкреплять себя в полупостные дни питьем мандзы (род чая). К тому постящимся дают чрез каждые двое суток по чашке настоя из имбиря, корицы, шафрана и других ароматических трав и корней, и напиток этот для постников кажется нектаром бессмертных обитателей Олимпа.

Интересно, что все расходы, коих требует содержание постников, часто приходящих огромными толпами, относятся на счет самих храмов или частных благотворителей.

Глава VII

Гипнотические средства буддийских учителей для поддержания аскетической корпорации.

Буддизм, возложивши на адептов своих ярмо подвижничества, не мог достигнуть этого без гипнотических средств, и они им применяются и теперь. И мы должны предварить читателя, что эти мистерии в сфере буддизма почти то же, что у каббалистов врата ведения — с откровенным чрез них Сефиротическим небом. Буддисты верят, что их мистериями человек вводится в мир чудес и в общение с богами.

Вот почему они считают нетерпимым всякое присутствие стороннего лица, особенно же иноверца, при своих тайнодействиях и строго возбраняют открывать профанам что-либо касающееся до таинств.

Адепта сначала готовят чтением мистических книг, затем над ними производится джанан, причем внушается, что у адепта происходит сближение с богами, простирающееся до того, что душа его рада бы навсегда покинуть земную свою оболочку и вознестись к родному ей лону вечности.

К участию в этом таинстве допускаются оба пола, не моложе 15 лет. Собравшись в указанном месте, все усаживаются рядами на земле, подражая, по возможности, в позах тому богу, которого избрали своим патроном. Священник облачается во все свои одеяния и садится на возвышенной кафедре. По правую его руку ставят жертвенник со всеми его принадлежностями, а впереди столик с чашею, жезлом, колокольцем и другими атрибутами Будды.

Готовящиеся к таинству делают поклонение и подносят жрецу мандал, т. е. вогнутый металлический кружок величиною с чайное блюдце, с приложением к нему монет и разных вещиц.

Мандал устраивается так, что за ним тянутся лоскуты шелковой ткани

(хадаки), привязанные один к другому как длинная веревка. Это нужно для того, чтобы все участники таинства могли касаться ближайшего шелкового куска в то самое время, когда мандал будет в руке священника-гипнотизера.

Прикоснувшиеся становятся духовными его детьми, а он их духовным отцом.

Пока все это происходит, чтение и монотонное пение не умолкают. В песнях прославляется Будда и тот бог, для которого совершается таинство. Не забываются и другие боги, да и сам совершитель обряда, в честь которого поются гимны.

По окончании песнопения, Ачиту Лама, не изменяя своей неподвижности и являясь вдохновенным, обращается к присутствующим со специальной речью, приблизительно такого смысла:

«Внимайте словам премудрости! Счастье, которым боги наделяют вас, есть удел немногих. Недостигаемо царство Суковади, а вы теперь близки к преддверию его. Тесно соединена душа ваша с телом; но под могучим влиянием таинства, она готова выйти из тела на три шага, чтобы сблизиться с существами горнего мира, чтобы насладиться лицезрением даже верховных Будд. Умейте же воспользоваться этим. Обратитесь делом, словом и мыслию к священному таинству. Сосуд вашего тела и души, нечистый, сокрушенный, опроверженный, обратите в сосуд, достойный вмещать в себе сокровища богов. Пребывайте в том убеждении, что жизнь наша — сон, а смерть — путеводительница к счастливым перерождениям. Все чувства ваши да погрузятся в эту бездну судеб».

Этим оканчивается первый акт таинственного обряда. Переходом ко второму служит приношение жертвы, состоящей из плодов и семян, сопровождаемое гимном. Удаляют всех лишних людей от шатра на такое расстояние, чтоб ни одно слово, ни один звук не могли быть слышны ими. Адептов приводят в стройный ряд, требуют от них благоговейного молчания и неподвижности, простирающейся до того, что самые глаза их должны быть все время обращены к собственному носу.

Когда все собрание представит из себя недвижимые изваяния, главный Лама унылым гробовым голосом запекает песни на исход души. Один за другим, к нему пристают и прочие ламы. Составляется хор, мертвящий все чувства.

По мере приближения конца, возрастает сила плачевного тона, и наконец, переходит в припев, многократно повторяющийся в смысле: слава смертному уметь умирать.

Вдруг все смолкает и раздаются слова главного:

«Хек, хек, хек» — сила этих слов после всех приготовлений обаятельна. Под ее таинственным влиянием все адепты, и только они одни, засыпают. Они могли бы и совсем не проснуться, если бы не была им подана скорая помощь. Заранее приготовленные ламы, не теряя ни минуты, принимаются вытаскивать людей из шатра, брызжут водою в лица и обливают водою головы; и чуть проявится жизнь, заставляют загипнотизированного произнести: га-га-га, т. е. говорят ему это слово сами. И если это удалось,

опасность заснуть навеки считается минувшею.

Скорое возвращение к самосознанию при этом обряде принимается за добрый знак, а медлительное и трудное восстановление сил приводит к заключению о недостойности человека идти далее по ступеням священства и об отчуждении его от дара совершать таинства. Такому не дозволяется участвовать даже в подобных действиях.

Бывают также и крепкие натуры, на которых первое хек главного ламы не действует и он не засыпает. В таком случае повторяются усыпляющие припевы вместе с хеком и человек наконец подчиняется таинству.

Вера в непобедимую силу хека господствует над всяким буддистом. Все убеждены, что слово «хек!», произнесенное их патриархом (Хутукту) и подобными ему священниками, может всякого умертвить, как и слово «га» в его устах — воскрешать умерших.

После этого адепту внушается, что ему отпущены все прежние грехи; что он признан умершим для настоящей жизни и перешагнувшим в область бессмертных богов, что он свободен от страха смерти, где бы ни был застигнут ею, боги защищают его, или немедленно принимают в свои обители.

Таким образом, все буддийское духовенство состоит из пожизненно загипнотизированных людей, и в то же время из гипнотизеров: одно не только не мешает другому, но даже как будто содействует.

Этим, собственно говоря, и оканчиваются основные ритуальные таинства, но время от времени у пробужденцев происходили и экстренные всенародные моления, на которые стекались верующие со всех сторон. Они называются у монголов ванами и я здесь расскажу только о двух из них: Абиагарин-ване и Мидор-дзогин-ване.

Чтобы понять разницу между ними, необходимо знать, что как в Тибетском, так и в Монгольском священном кодексе, одни места писаны на обыкновенном книжном языке, другие же на языках, известных под общим именем: тарнин-келе. Писанное на последних считается в высшей степени таинственным, но для буддистов оба языка то же, что были иероглифы для европейцев в старое время.

Когда избранным слушателям, с соблюдением установленных правил, прочитываются лишь те места закона, которые писаны на обыкновенном книжном языке, тогда действие получает название Абиагарин-вана, и на совершение его требуется сорок дней. А если к ним присоединяется и остальное все, то обряд называется Мидор-дзоргин-ван и требует для себя уже не сорок, а шестьдесят дней.

В этом случае значительная подготовка требуется от совершителя. Он должен уже совмещать в себе благочестие с духовной опытностью, и с основательным знанием священных языков.

Он должен быть уже в сане патриарха (Хутукту) или по крайней мере в сане митрополита (Хубилгана), с неоспоримыми правами на совершение таинств и с самыми положительными доказательствами по крайней мере трех своих перерождений.

А как люди, которым внушена память о нескольких прежних жизнях, редко встречаются даже и там, где качается колыбель буддизма, то легко себе представить, как редки были мистерии такого рода. В северной Монголии даже и предания не сохранилось о бывших в ней когда-нибудь Ванах. И по всей вероятности ни один из них не был там совершен до 1842 года, когда из Срединной империи явился, как бы из другого мира, таинственный пришлец, называвшийся Лу-дуп. Он вскоре обратил на себя внимание своими религиозными, врачебными и другими познаниями. Но не легко было решить — кто он? Ученейшие из лам взвешивали, определяли все обстоятельства и наконец, признали, Лу-дуп прошел ряд славных перерождений, а в настоящем периоде жизни своей подвизается по воле судеб, для восстановления буддизма во всей его чистоте.

Вслед за астрологическими вычислениями, так благоприятствовавшими пришлецу, не замедлили явиться и фактические доводы. Нашлись люди, трубившие повсюду, что Лу-дуп перешагнул реку Селенгу, пока спутники его заботились о переправе; что страшные высоты Цохолды и другие горы посещаются им среди глубокой ночи, для развлечения после дневных занятий; что самые мощные и злейшие духи бессильны против Лу-дупа.

Обаянию его не было предела. Оно до того возросло, что не взирая на февральские морозы, решились приступить к совершению сорокодневного Абиагарин-вана.

Местом действия был избран Цукгольский храм, находящийся в Нерчинском округе при реке Ононе. Там Лу-дуп, в качестве патриарха, торжественно явился на сцене.

Дальнейший рассказ я беру из слов миссионера Николая Нилова-Доржеева, родом из монголов, принявшего потом христианство. Он был очевидцем этого вана во все его сорок дней и ему мы обязаны наибольшею частью тех сведений, которые так скрывают ламы.

Отец его кочевал в первой половине XIX века в степях, прилегающих к реке Онону и находящихся между Нерчинском и Акшинской пограничной крепостью. А Нагмат — так назывался его сын — еще с самого юного возраста стал проявлять особенную любовь к чтению и уединению. Отцу не оставалось ничего как предназначить его в Ламское звание. После домашнего обучения он был записан в школу Гуджиртайского храма-монастыря и находился в ней под опекою лам до 18-летнего возраста, когда уже диаконом-гецулом, отправился он за 500 километров для слушания уроков Дандарапа, управлявшего Цуголским храмом и считавшегося за ученейшего человека между монголами. Несмотря на свою молодость (21 год), он удостоился священнического (Гелунского) сана.

В степном быту бурят такое возвышение составляло тогда чуть не предел всех желаний. Но для Нагмата новый сан служил лишь переходом в новую область духовных подвигов. Он принял обет пустынножителя и сделался строгим аскетом и трехлетний период его странствования представлял ряд необычных приключений всякого рода.

Он узнал многое и о буддизме и о христианстве, взвешивал достоинства

обоих и вдруг с ним случилась галлюцинация. Он с необычной ясностью увидел во сне крест, который озарен был чудесным светом, между тем как глубокий мрак покрывал буддийскую Даурию.

И в тот же день с ним встретился будущий Ярославский архиепископ Нил, из книги которого «Буддизм», вышедшей в 1858 году, я почерпнул главную часть своих сведений. Подж его влиянием Нагмат, освободившись от своего профессионального гипноза, обратился в христианство и в конце 60-х годов переводил Библию на монголо-бурятский язык. По его-то сообщениям и составлено то, что говорится далее.

Приготовляясь к Абиагарин-вану в 1842 году, более всего заботились об устройстве посреди храма большого (не менее кубической сажени) жертвенника. Его покрыли шелковыми тканями четырех священных цветов, исписанными 360-ю именами «богов четырех корней». На них находились жертвенные принадлежности во всей полноте и стройности; а возле колоссальные кресла для Лу-дупа и стол для вещей, которыми пользуются боги, как отличительными знаками своего достоинства.

После этого, избрав благоприятнейшее положение созвездий, священники в своих профессиональных одеждах отправились толпой к жилищу своего патриарха. Это был смиренный шатер, не в дальнем расстоянии от храма. Легион жрецов приближался к нему тихо и безмолвно, безмолвствовал и народ.

Но вот завеса поднялась, и все пришло в восторженное движение. Все музыкальные инструменты, сливаясь с голосом многих сотней лам и тысячей народа, громовым эхом отозвались на пространстве Цугольской пустыни и возвестили о торжественном шествии патриарха на великий подвиг Абиагарин-вана.

Он явился в полном облачении, сделал придя в храм обычные поклонения богам, трижды (по течению солнца) обошел алтарь и сел на приготовленном для него месте. Священники спешили принять его благословение и поднесли ему от всего собрания просительную жертву, с благоговейным подъятием рук и всенародным коленопреклонением.

Сорокадневные беседы Лу-дуп начал речью о важности действия, к которому приступают теперь слушатели. Торжественные поучения и собрания для этой цели происходили каждый день три раза. Только при вечерней службе допускались к нему почетные лица, обращавшиеся с просьбою об избавлении их от злых духов и других злополучий, и ночь посвящалась на совершение разного рода заклинаний.

Пусть же читатель мысленно перенесется на утесистые берега Онона: перед ним одинокий храм-монастырь и необозримая пустыня. И вот среди мрака зимней ночи является таинственное существо, озаряемое лишь блуждающими огнями. В руке его красное копьевидное оружие Докджур; его одежды блещут серебром и бряцают тысячей навешанных на него звонков; его унылая песня потрясает душу, и кажется, духи гор и долин внимают ей, выглядывая из пещер исполинскими тенями.

Но никто не смеет приблизиться к дивному магу: от всех отделен он заветною

чертою. Целая орда людей, слившись в одну массу и сомкнутая в кольцо, стоит перед ним цепенея и покоряется всякому его внушению, особенно когда произнося свои заклинания, он выполняет под звуки музыки священную пляску. Потом он входит внутрь горящего шатра и там борется с явившимися демонами и прогоняет их своим копьем.

Восторг народа доходит до исступления. Пустыня оглашается криками:

— Эне-ину бурхану ике агога куцун мун. (Это великая сила божия)

И вот на подвижных, довольно высоких устоях построили квадратный амвон около 6 метров в поперечнике, с 4 ступенями, из которых каждая имела с лишком два с половиною метров в ширину. По углам нижнего яруса и в центре верхнего поставили столб, высотой до 6 метров и скрепили их между собою, вверху, тремя рядами перекладин, оканчивающихся звездчатыми фигурами. Такую же фигуру поставили и на вершине центрального столба.

Этот остов оснастили наподобие корабля. И как снасти, так и столбы обвешивали шелковыми материями четырех священных цветов, стараясь при этом, чтоб под этими флагами исчезли из виду все другие части здания. На пирамидальном основании из четырех ступеней сделали лепные изображения всяких видов живых существ, начиная от человека. Тут же положили и жертвенные вещи, посвященные богам.

Это здание по имени Гандой, было символом и как бы представителем горы Сумбера и четырех главных ступеней мира. Оно же было ручательством, что боги не попустят враждебным духам причинить народу бедствия на целых пятьсот лет!

Под влиянием таких представлений о Гандое, буряты и тунгусы отовсюду неслись к Цугольскому дацану и в сороковой день, долженствовавший положить конец Абиагарин-вану, венчая его всесожжением, рев труб не умолкал, жрецы суетились, а народ не сводил глаз с Гандоя. Около трех часов пополудни началась служба.

Шествие из капища открывали грозные духи Докшиты, изображения которых в числе десяти несли на длинных шестах. За шестами следовали ламы всех рангов, со всеми атрибутами их звания, и наконец, сам Лу-дуп.

Приняв от всех приветствие и поклонение, он начал с высоты седалища своего великую жертвенную службу перечислением по именам всех существ горного мира. Все они приглашались к жертве и посредничеству. Обряд продлился до ночи; и не смотря на то, что был чужд кликов, произвел глубокое впечатление, так как патриарх казался таким набожным, что у зрителей, при его молитвенных воззваниях текли слезы.

И вот было вызвано огромное число людей для перенесения Гандол, — устроили шеренги оруженосцев и стрелков, зажгли костры, факелы и китайские огни и Лу-дуп переменял свою одежду на докшитскую.

Теперь все отзывалось тревогой: ибо надлежало иметь дело уже не с мирными, а со злыми духами. Сам патриарх не скрывал своего смущения. Голос его дрожал, глаза сверкали; во всех движениях его обнаруживалась таинственная борьба. К довершению всего забушевавшая ночная буря

заставляла думать, что даже стихии принимают участие в деле и вместе с патриархом стараются извлекать духов тьмы из их глубоких жилищ.

Так начался «черный обряд». За исступленными заклинаниями стали раздаваться свисты и громы музыкальных орудий, неслись отовсюду клики и вопли, стрельба и все, что только может служить к увеличению ужаса. Духи, — кричали ламы, — стремглав неслись к Гандою, хотя и знали, что их ожидает тут не честь и не радость.

Лу-дуп, отбросив первое смущение, обличил многих из них за проступки против буддизма, напомнив всему их сонму о преградах, которые издавна постановлены для пользы человечества между могущественными богами и членами темного царства; указал им на предстоящее сожжение, как на великую жертву, долженствующую служить достаточным выкупом и требовал от духов честного слова, что они, до истечения определенного срока, не станут ничего затевать на общую беду тех стран и лиц, от имени которых приносится в жертву Гандой.

Бедные духи должны были покориться необходимости и принять Гандой в качестве искупления. Был дан сигнал, и толпы народа, как бурный поток, устремились к сооружению, подняли его и потянулись с ним в пустыню на запад от храма.

Там он представил из себя во мраке пылающий столб, и искры с дымом полетели вдаль, как духи. Все зрители были уверены, что теперь для них открыты врата мудрости.

С наступлением летних месяцев, сцена, подобная Цугольской, повторена была в Гусино-озерском храме тем же Лу-дупом. Многочисленность присутствовавших при этих «ванах» уже мешала применению массового гипноза.

Глава VIII

Церковная иерархия пробужденцев.

Шигемунианская церковь, в общем своем составе представляет нечто похожее на Римско-католические духовные ордена. Как эти ордена различаются между собою не только цветом и формой одежд, но и частностями своего устава, так и в буддизме духовенство, обязанное вообще к безбрачию, делится на четыре ордена: желтый, красный, белый и черный. И каждый из них имеет свои отличительные признаки, как внешние, так и внутренние.

Так, ламы желтого ордена в своих нарядах дают более места желтому цвету и главнейшею своею обязанностью считают благотворительность. Это орден будды Шигемуня, как наивысшего образца милосердия и любви.

Второй орден — красный — отличается от первого преимуществом красного цвета и его члены находятся в постоянных сношениях с Докшитами, грозными духами, у которых просят помощи против враждебных сил, и деятельными

помощниками признаются: Ямандага, имеющий 36 рук, 16 ног и звериную с рогами голову; Гомбо, оказавший величайшие услуги Буддизму; Сендуме и Лхамо, прославившиеся превращениями и чародеяниями.

Остальные два ордена, т. е. белый и черный — сходны с красным и своею целию и условиями обрядовых действий. Покровителями их признаются те же грозные духи, только не красные, а белые и черные.

И все эти ордена имеют оккультный характер и входят в одну и ту же иерархию, похожую на папскую или на русскую патриархальную. Мы с первого же взгляда отмечаем ее такие же степени посвящения. Вся разница только с названиями чужого нам языка. Вот приблизительное сопоставление:

Русские	Буддийские
1) Причетчик	Убашь
2) Дьячек	Ховарак
3) Дьякон	Гуцул
4) Священник	Гелун
5) Протоиерей	Ширегету
6) Епископ	Бандида-Хамбо
7) И возрожденцы архиепископы	Шаваран и Хубилган-перевоплощенец
9) Патриарх	Хутукту
10) Наместники Будды	Далай-Лама
11) — Христа	Баньчень-Богда

Как у нас причетники и причетницы, так и у них Убаши и убасаницы являются лицами, срединными между клиром и мирянами. Принимая малое посвящение и даже иногда как монахи новое имя, они не обязуются ни к какому служению в храме. Давая восемь благочестивых обетов, они не отторгаются ни от семейных уз, ни от житейских попечений. Отличительными признаками их звания служит желтый, или красный пояс, трижды охватывающий своего адепта; затем четки, состоящие из 109 бусинок и Чаша, которою они должны пользоваться только для себя (признак того, что от общих церковных сосудов были уже и здесь заразные болезни). Кроме того к ним приставлялся еще неотлучный наставник — бакши, из пожилых и набожных лам. Это же относится и к женам причта; только вместо пояса они носят перевязку через левое плечо. Соответствующие русским льячкам буддийские Ховараки или Баньди занимают в храмах должность не только прислужников, но и музыкантов. При своем посвящении они получают четки, чашу и пояс — шире и длиннее, чем у причетника. Им дается также, судя по их ордену, желтый, красный, или черный особого покроя кафтан, составляющий их служебную и частную одежду. Они уже принимают на себя 14-ть обетов, в том числе и обет целомудрия.

Гецули или Унзаты соответствуют православным диаконам. Посвящаемому в этот чин даются между прочим два лоскута красной и желтой материи и пояс в

7 аршин длиною. При каждом из них находится еще помощник. В старину ими бывали и женщины, как и при средневековых храмах дьякониссы, но теперь это не допускается.

Священники — Гелуны — получают желтый камзол с красными обшлагами и ряд других принадлежностей костюма, в том числе желто-красные шапки, похожие на петуший гребень, и другие шапки с длинными наушниками, упавшими на грудь, или увешанные кистями, прикрывающими собою затылок.

Они одеваются в мантии желтого или красного цвета с коротким семизубным воротником, лежащим на плечах. Эти мантии накидываются поверх других одежд и ими пользуются при разных церемониях. Непременной принадлежностью священников является разноцветный коврик с разными нашивками, длиною в три локтя, служащий защитой против враждебных сил.

Все эти атрибуты священнического чина принадлежат, с малыми изменениями, всему высшему духовенству так называемого желтого ордена. А если служба совершается по красному обряду или в честь «девяти духов» (Докшитов), то священник является в особой форме, вроде хитона, надеваемого поверх обыкновенных одежд. Он тоже бывает разных цветов, судя по рангу Докшитов, которым приносится жертва.

Другими признаками священнического сана являются длинный красный кафтан, похожий на русский подризник, на котором сверху донизу нашиты эмблематические изображения гениев, привешены кисти, позвонки, побрякушки и все то, что может служить для произведения звука и пестроты, металлические поручи, украшенные моржанами и всякими блестящими мелочами, остроконечная черная каска. Ее всегда увенчивают литыми изваяниями пяти будд и стольких же мертвых голов. От макушки этого шлема висят черные волосы, закрывающие лицо. Кисти и длинные наушники его падают на грудь и плечи.

Отметим, что для служения по обряду трех последних орденов мало еще обыкновенного посвящения в священники, требуются еще особые таинства. И кто удостоился этой чести, тот, будучи даже мирянином, имеет право служить по обряду Докшитскому, хотя на деле и не бывает этого.

Протоиереями — Ширету — называются как и у православных священники, управляющие храмом. Право на это достоинство приобретается долговременною службою в священническом звании, принятием четырех таинств, а более всего знанием веры. При каждом Ширете, на случай болезни или смерти, находятся два кандидата, старший и младший; а для почета и в помощь при богослужении он имеет двух прислужников. В русской Монголии половины XIX века огромной известностью пользовался Цугольский Ширет, для монголов это был истинный оракул, и буряты говорили, что все глубины мудрости ему доступны.

Епископы «пробужденцы» (Бандида-хамбо) считаются посланцами от Далай-Ламы и его соперника Баньчень-эрдени. В середине XIX века у русских бурятов был только один — у Гусинского озера, которое Буряты называют Кулун-нур, в угрюмой степи, прилегающей в Забайкалье к Новому Селенгинску.

Соответствующими нашим митрополитам — Шавараны, Хубилганы и Биширелту — начинают собою ряд священников-перерожденцев, приходящих к нам из другого мира. Из них хубилганы принадлежат к низшему разряду перерожденцев, для того, чтобы быть таковым, довольно сознать себе три перерождения. Они, — говорят нам, — обладают способностью мгновенно переноситься с места на место; являться, где их не ожидают, и помогать бедствующим, когда считают это нужным.

Шавараны сознают в себе несколько перерождений и проявляют светлость ума, чистоту воли и пламенную привязанность к пробужденству. И, наконец, Биширелты, сверх упомянутых совершенств, имеют еще силу делать чудеса.

Патриархи (Хутукту) — считаются ламистами за святых, которые, прошедши длинный ряд перерождений, стяжали себе высокие духовные совершенства. Сановников этого класса в Китае находится четыре: Ургинский, Уамдомский, Цзяря кутукту и Пекинский.

И вот, наконец, поднимаясь все выше и выше по этой иерархии, мы добрались до самих Далай-Ламы и Баньчень-богды — наместников Христа, что-то вроде римских пап.

Стоя во главе Буддийской иерархии, Далай-лама и Баньчень-богла живут — один в Северо-западном Тибете, а другой в Юго-восточной его части, и оба кажутся обреченными на то, чтобы быть во взаимном столкновении.

Коренным местопребыванием Баньченя была Индия. А для доступа к нему были необходимы трехмесячные очистительные подвиги и еще благоприятное положение светил, без чего никакие очищения не помогут. Счастливцев, введенных в чертоги Баньченя, восходил еще в середине XIX века через многие отделения все выше и выше. Затем он достигал некоего таинственного храма, изумляющего великолепными и дивными гиерог-лифами. Там ему являлся сам светозарный Баньчень-богда.

Совершенства Далай-ламы при всей высоте его уступали Баньченевым. Но тот и другой, хотя и жили в мире, но к миру не принадлежат, ибо их души свободны от всех влияний зла, и от всех ощущений, привязывающих человека к земле. Они и теперь исполняют лишь предопределение высших судеб и живут среди людей единственно для их общей пользы.

Буддисты, допуская существенное различие между своими митрополитами и обыкновенными людьми, смотрят на первых как на освященных самою природою, а для освящения низших степеней своего священства считают нужными разные обрядовые действия.

Действие поставления на низшие степени совершаются не в храме, а в юрте. При-четники и причетницы становятся простым священником; даваемые ими обеты могут быть по произволу возобновляемы, с повторением самого обряда.

Но посвящение в льячки (Ховараки) и в Шимнанцы может совершать только епископ (ширет), с одним или двумя священниками, причем епископ, перекинув через плечо нечто вроде римской тоги (оркимджи), садится и вслух прочитывает род символа веры, по окончании чтения которого посвящаемый подносит епископу умиловительную жертву, от которой тот берет несколько

зерен и бросает на воздух богам. Ставленник же, сделав по три земных поклона, становится на колени. Ему подают деревянную чашу, четки и пояс. Совершитель обряда прикрывает его руку краем своей тоги и выслушивает обет поставляемого. Тут возлагается на него священный пояс: и если это дьячек — то остригаются последние его волосы, нарочно оставляемые для этого действия на макушке головы, при сплошном обритии ее в ходе приготовления к принятию нового звания, а если он еще причетник, то лишь укорачивается, но не совсем обрезается его коса.

Подобным же образом совершается посвящение в дьяконы. Но действие происходит уже в храме, при участии по крайней мере пяти священников и епископа, причем дается обещание чистоты, бесстрастия, бдительности и милосердия на все, имеющее жизнь. И кто верен своей клятве, тот не может ступить, не уверившись наперед, что какое-нибудь насекомое не потерпит от него вреда.

А удостоиваемые священнического сана обязаны сначала исповедать грехи свои духовному отцу. Совершителем обряда над ними бывает архиепископ с сонмом лам. Они в полных облачениях усаживаются на своих местах, перед первенствующим из них кладут с одной стороны колокольчик, чашу, жезл и бубенчик, а с другой священные одежды для готовящихся к принятию священства.

Все посвящаемые разом выводятся на арену храма, хотя бы им было и несколько десятков.

Там, сделав обычные поклонения, и выслушав учение веры, приносят они умиловительную жертву, а потом снимают с себя всю одежду донага и делают по три поклона пред «буддами» и первенствующим священником. Приняв первую облачительную принадлежность — опять начинают кланяться. И это повторяется столько раз, сколько дается им вещей. В заключение же всего, посвящаемые дают 255 обета, изложенные в IV томе Кейба Джумнейн, и приносят благодарную жертву и по выходе из храма, ставши рядом, с книгами в руках, благословляют каждого подходящего к ним.

Производство в дальнейшие чины, в том числе и объявление перерожденцами ограничивается как в России, так и в Китае пожалованием от правительства.

А чтоб читатель не подумал, что я шучу или издеваюсь над буддистами, вот выписка из уложения Китайской палаты внешних сношений, изданного в 1826 году Липовцовым.

«Да будет известно всем Монголам и прочим народам, исповедующим ламскую веру, чтоб те, которым предоставлено право доносить по принадлежности о смерти какого-либо патриарха-перерожденца (Хутукты), или Ламы высшей степени, и объявлять места их возрождения, отнюдь не указывали на тех детей мужеского пола, кои соединены родством с самим Далай-ламою и с Баньчень-эрдени, а также и на детей и внуков всех Монгольских ханов, разностепенных князей и Тайцзиев, главноначальствующих над дивизиями, иначе подвергнутся они строжайшей ответственности. Но они могут указывать на детей Тайцзиев, которые не отправляют никаких общественных должностей, равно на малолетних сыновей простых монголов и Тангутов, и могут возвестить, что умерший переродился, или сделался перерожденцем в том, или другом семействе».

«Ни под каким предлогом не должно открывать новых перерожденцев, особенно по смерти Лам, начальствовавших в незнатных монастырях, в которых прежде не являлось перерожденцев.

Никакой перерожденец не может быть признан таковым, если не будет утвержден в сем звании законным порядком от установления властей... Избрание же и утверждение «перерожденцев» должно производиться следующим образом: писать в жребиях, нарочито для сего приготовленных, имена младенчествующих кандидатов на достоинство перерожденцев; жребий класть в чашу, находящуюся в большом золотом духовном сосуде, состоящемся в Тибетском храме Чжоо, или в Пекинском жуля-сун-хуля-кигурун. Вынимать же оные жребии надлежит в Тибете Далай-ламе, вместе с тамошним генералом, а в Пекине членами Палаты с главным Пекинским патриархом; счастливый жребий должен решить сие дело, которое приводится в исполнение вышеозначенными властями».

«Что же касается до возрождения (Синеозерского) Номун-хагана, то избрание его не должно подводиться под общие правила. Но по уважению к тому, что с высоким его духовным саном соединена светская власть — управление целым княжеством, надлежит смотреть при сем случае не столько на род и происхождение избираемого, сколько на расположение и преданность к нему того народа, который имеет поступить в его управление. Таким образом народное желание должно сопровождать жребий избираемого в золотой сосуд-бумба, и извлечь его из оногo к общему удовольствию» (т. 11, стр. 203-7).

От таких ограничений не изъяты ни Далай-лама в Тибете, ни его соперник Бань-чень-эрдени в Китае. И при их перерождениях, Нирвана не может поступить, не испросив предварительно согласия земных властей...

Буддийские храмы известны в Сибири под именем дацанов, они построены в пустынных местах, по образцам, заимствованных от Тибета и Китая.

Сонм лам в предшестве протоиерея (ширета) и сопровождаемый

многолюдную толпою, отправляется к избранному пункту и там, принеся молитвы духам, господствующими над стихиями, и определив размеры будущего здания, роют в намеченных углах его и на середине ямки фута в три глубиной. В них зарывают по сосуду, наполненному разными семенами, с приложением к ним монет и других вещиц, более или менее ценных и составляющих посильную жертву каждого из прихожан. Над ними вколачивают не-большие палочки из акации, исписанные молитвами, и протягивают между ними пятицветный шелковый шнурок, а площадь внутри устилают белыми волоками.

Тогда начинается третий и последний акт. Толпа, выстроившись в одну линию, приступает к черте, обозначенной шнурком, и принимается рыть борозду, употребляя все домашние орудия от стрелы до сохи. Тут же должен участвовать и род единорога. Все это походит на вакхический хоровод, повторяется трижды, и столько же раз поливают прорытую борозду молоком верблюдиц, коров, овец и других доящихся животных, исключительно белых.

Само собою разумеется, что и ламы в это время не остаются праздными зрителями. Их пение и бряцание в гонги и дамары сопутствует каждому акту.

С большею торжественностью совершается освящение храма, с оглушительною музыкою и пением, и он посвящается какому-нибудь святому.

В окончательном виде строится монастырь, представляющий группы зданий, имеющих название частью религиозное, частью хозяйственное.

Средину храмового двора всегда занимает главная кумирня, отличающаяся от других зданий как размером своим, так и пестротой кровли, с несколькими коническими возвышениями, увенчанными замысловатою фигурою, которую составляют резные изображения — солнца, луны, бубенчики и т.д.

Окна допускаются с двух сторон — восточной и западной. Над окнами широкий навес, осеняющий собою круговой балкон так, что в храм проникает лишь полусвет. Да и он значительно уменьшается, заслоненный связками тканей — во множестве развешиваемых на перекладинах между колоннами.

Седалищем для лам служат низкие скамьи. Они тянутся и по середине, и по сторонам. Во главе седалищных рядов заметны постепенные возвышения и наконец почетные кресла, причем изображения богов остаются у них за спинами на северной стороне храма.

Первое место между ними занимают «боги венца» и сам Шигемуни, т. е. Сакья-Суни, с неразлучными его спутниками, ламами Чодбо и Зунхаба, соответствующими Петру и Иоанну. Они на пьедесталах, за жертвенниками, а иногда и на самих жертвенниках, которые служат для Буддистов предметом глубокого благоговения.

На одном из них, кроме мандала и толи — символов неба и земли, постоянно находятся следующие приношения:

Вода трех сортов, как жертва морей, семена — от земли, благоговения — от воздуха, лампада — от огня, опресноки — от человека и музыкальное орудие — от всего мира.

Жертвы эти каждый день должны переменяться, но есть и такие предметы,

которые считаются неприкосновенными. В эту категорию входят:

- 1) Пирамидка, сложенная из шариков, приосененных как бы зонтом. В ней видят образ далекой горы Сумбера и всех таинственных сил природы, которые предполагаются и в самих шариках. Кто пользуется ими с умением, тот легко становится чудотворцем, могущим поспорить со всеми магами древних и новых времен.
- 2) две золотые рыбки — представительницы трех исполинских рыб, которые, охватывая землю, не позволяют ей уклоняться от равновесия.
- 3) Сосуд с сладкою и ароматною водою, служащую символом той сладости, какую вкушают небожители.
- 4) Таинственный цветок, как эмблема царства Сукавади.
- 5) Раковина, принимаемая по Буддийской символике за глашатая, возвещающего славу богов.
- 6) Сетчатый платок овальной формы, которым выражается готовность человека принести в жертву тело.
- 7) Четырехцветная хоругвь, напоминающая собою о четырех обрядах.
- 8) Курду — обыкновенная молитвенная принадлежность, являющаяся в разных видах и формах, судя по месту и назначению.
- 9) Священное колесо, изображающее собою вселенную и все превратности судьбы. Оно называется первым из «семи сокровищ».
- 10) Сановник, которого принимают за идеал благотворительности, — второе из семи сокровищ.
- 11) Дивная жена — олицетворение благ жизни — третье сокровище.
- 12) Слон великан, на спину которого мифология возлагает тысячи священных книг, и заставляет его переходить из края в край, из страны в страну, для повсюдного распространения света веры — четвертое сокровище.
- 13) Огненный талисман, напоминающий, что душа человека тогда только просветляется, когда горит небесным огнем.
- 14) Волшебный конь, который имеет то же значение, как и Пегас древних греков.
- 15) Доблестный витязь, который со всеми борется за славу Буддизма. И горе тому, противу кого обнажит он пламенный свой меч. Это седьмое и последнее сокровище храма.

А за семью сокровищами стоят пять небесных дев, при посредстве которых возносятся к небу приносимые жертвы, молен я и обеты. Их принимают за символ пяти чувств, которыми одарен человек и которыми он должен работать богу, но может быть, это пять планет.

Жертвенник осеняется балдахином, опоясанным бахромою с позвонками и массивными кистями по углам. По правую и левую сторону его находятся два небольших балда-хина, всегда пустые и неприкосновенные. Но при религиозных процессиях они торжественно выносятся из храма и почетные

«будды» шествуют под их прикрытием.

В размещении второстепенных кумиров не соблюдается никакого порядка и они мало замечательны. Из 34-х храмов, находившихся в середине XIX века в Восточной Сибири, только о Цонгольском и Анинском можно было сказать, что они пестреют замечательным разнообразием кумиров.

В Цогольском храме были колоссальные истуканы Аюли и Оточи и Махаранзы — разноцветные стражи неба. У одного из них в руках меч и рог, у другого развевающаяся змея, у третьего жезл и белая мышь, четвертый играет на лютне. За ними следуют адское божество когтистый Чойжил, шестирукий Гунгар, трехголовый Дзукдер, богиня Сендуме и мощный защитник Буддизма Гомбо. Он весь обвит змеями и украшен венцом из мертвых голов; а так как у него шесть рук, он держит в одной трезубец с изображением смерти, в другой крюк и петлю, в третьей бубен из двух сложенных друг с другом чашек, в четвертой четки, в пятой чашу из черепа, в шестой секиру.

В Анинском храме, кроме таких же или подобных им украшений, пестреют по наружности каменного здания фигуры, имеющие отношение к буддийскому двенадцатизначию: тигр, змея, дракон, заяц, конь, овен, человек, петух, собака, свинья, мышь, корова.

Второстепенные «будды» разрисовываются обыкновенно разноцветными красками на тканях и бумаге. Но бывают и резные и лепные. В последнем случае массивность и уродство составляют их главное достоинство. При каждом храме-монастыре имеются девять главных должностных лиц: настоятель, благочинный, товарищ благочинного, распорядитель, уставщик, экзаменатор, блюститель кумирного порядка, начинатель службы, казначей. И если к этому читатель присоединит десятки и сотни музыкантов, певцов, чтецов и всякого рода прислужников с множеством лам, то он получит верное понятие о буддийском храме.

Первую драгоценность буддийских храмов составляет собрание священных книг (Ганджур-данджур), число которых считается до 360, по числу градусов небесной окружности.

Но книг канонической важности только 108. все они приписываются частью самому Шигемуню, частью его ближайшим ученикам Ананде, Собади и другим. Остальные 252 носят название Данджура, и их признают индийскими комментариями на первичное учение. Но большинства их как будто никто не видел. Их авторы по числу $9 \times 9 = 81$ причислены к разряду гениев с почетным титулом Индийских чудотворцев.

На эти книги смотрят, как на закон жизни. Верят, что в них все измерено, исчислено «от кедра до иссопа, от человека до червя, от глубин тартара до превыспренного царства». Принимается за аксиому, что писаны они на Санскритском и Тибетском языках. А потом одновременно переведены, с большею или меньшею полнотою, и на другие языки, особенно китайский и монгольский, по появлению китайских императоров.

Но это все известно не по наличности данных книг, а по разговорам о их существовании где-то далеко-далеко.

По канону Индийских и Сибирских буддистов допущено в основных книгах (Ганджура) всего три части: Основные правила веры (Сутры), Уставы (вина) и Космогония (абидармы). Вот почему и весь кодекс называется трисоставным сосудом.

Но знатоки этих книг — редкое явление в Буддийском мире. Знание лам не простирается далее тех из них, без которых нельзя обойтись при отправлении богослужения. Да и вообще общеупотребительные у среднеазиатских буддистов лишь 53 сочинения. Это:

- 1) Книга Юм, которая соответствует Браманским Ведам и служит основанием буддийской догматики и морали.
- 2) Брандза-барамида, в которой говорится по преимуществу о деяниях Будды, прославляется его учение и счастье тех, которые ему верны.
- 3) Джидамба — панегирик всему сонму богов, написанный стихами.
- 4) Доди дзамлун — рассказ о борьбе Будды с последователями черной веры, в особенности о его чудесах.
- 5) Шигемуни намтар — полная биография Пробужденного.
- 6) Чихула Кереглекчи считается лучшим руководством к познанию основных начал буддийской космологии.
- 7) Санан-сецень пытается решить великие космологические задачи, касающиеся начала мира и тех переворотов, какие уже испытаны им, или еще грозят ему.
- 8) Саин-цак дает понятие о первобытном состоянии мира и в особенности о происхождении богов-мироправителей.
- 9) Арапсал — служебник желтого ордена. В его 72-х отделах содержатся службы целого года, примененные: а) к трем богослужбным временам: утру, полудню, вечеру; б) к трем отделениям богов-мироправителей, т. е. богам настоящего, прошедшего и будущего; в) к трем классам существ божеской природы, в числе которых не забыты и перерожденцы, особенно Банчин-богдо, Далай-лама и Ургинский Хутукту, известный под именем Дзибдзаг дамбейн геген.
- 10) Докшит — содержит службы красного, белого и черного орденов. В нем прежде всего чествуют девять грозных духов, Докшитов; а за ними и других страшилищ.
- 11) Гурумун-ном — содержит обряды, которые служат сближению с добрыми духами и избавляют от злых.
- 12) Сундой — дает заклинания, которые заставляют враждебные силы искать для себя новых убежищ.

Остальные 41 книга чужды делу веры и служат как бы энциклопедиею, от грамматики до метафизики и от фантастической геологии до астрологии. Но их никто не читает. Одна медицина составляет некоторое изъятие, потому что с званием священника соединено звание врача. Да и она — одно простое знахарство в смеси с шарлатанством.

Каково же богослужение?

Встав на рассвете, все богослужители, облекшись в свои ритуальные одежды, идут к храму, останавливаются на крыльце, а Гебгой спешит отворить двери. Жрецы снимают с голов их уборы и делают три поклонения. Но дверь перед ними затворяется. Не сходя с места, они начинают монотонно — многомилостивый господи отверзи нам двери сии!

Молитва пропеваается трижды. Дверь открывается. Ламы входят в сени и начинают один за другим вертеть курду, а священник делает поклонения перед жертвенниками, касаясь их лицом. Он одевается в полный наряд и усаживается в почетных креслах, причем ему обыкновенно прислуживают два помощника. Ламы, перестав вертеть Курду, обращаются к нему с знаками глубокого уважения и принимают его благословение, которое преподается им возложением на голову каждого «книги трех сокровищ».

Ламы садятся на своих местах и пропевают «ключ закона». Одни из них отправляются в верхнюю часть храма или в боковые для отправления служб духам; другие остаются на местах и продолжают утреннюю службу.

Этот обряд уже не повторяется при полуденном и вечернем богослужениях. Это — введение к службам целого дня.

При них все священники сидят с поджатыми ногами. Молитвы поются всем сонмом служащих, с большим или меньшим повышением голоса, но вообще монотонно. Одни докшитские службы допускают всякого рода экстазы.

Каждое патетическое место требует своих жестов: быстрое вращение руками или захватывание чего-то, а потом ударение в ладони напоминают о непрестанной борьбе с злыми духами и об отражении их силою молитв. Ладонь, приложенная к ладони, указывает на десять грехов и на готовность человека воздерживаться от них, а поднятие сложенных рук выражает чувство умиления.

В молитвах, на утренней службе, поименно призываются на помощь все боги. На полуденной службе прославляются деяния богов-мироправителей и тех, в честь которых совершается служба. На вечерних — благодарят богов и приносят молитвы за живых и умерших.

После молитв и хвалебных песнопений берутся за догматическую книгу Юм, историко-религиозную Мани гамбум, или за другую подобную книгу, соображаясь частью с уставом, частью с обстоятельствами и заказами, какие делаются иногда от набожных при-хожан. Цель у них одна — прочитать как можно скорее, для чего первенствующий священник берет на свою долю несколько листов из книжного свитка, а прочие распределяет по рукам всех присутствующих лам, и все разом начинают читать доставшиеся им фрагменты. Слова чтецов бьют только воздух, ничего не разберешь, но все знают, что звуки, невнятные людям, понятны богам; и чем больше слияние голосов, тем скорее достигают они небесных высот и низводят оттуда благословение.

По окончании обычных молитвословий один, или двое из младших лам отходят к жертвенному месту и там готовят пучки сушеного вереска с

разными другими травами и воду с примесью молока, называемую Аршиан. Оно подносится на блюдах участвовавшим в священнодействии, и они, начиная от последних до первого, освящают воду с молоком и траву своим дуновением, да и сами на себя дуют, при пении и музыке. Затем и воду, и траву употребляют, как врачевство против осквернения и ознобов, претерпеваемых от злых духов.

Жертва, приносимая за живых и умерших, бывает утренняя и вечерняя. По прочтении шести предварительных молитв, долг жертвователей сделать обычные поклонения, разлить мандзу и поднести ее в освященных чашках каждому ламе. А служитель храма является тогда на сцену с монологом следующего содержания:

«Светозарные воскресенцы, прошедшие море житейской суеты и поприще великого мира, служащие спасительным орудием противу трех роковых зол! И вы, достопочтенные ламы! Воззрите на предстоящих перед вами. Это благодетели. Принося сию жертву (питие, деньги и пр.), они испрашивают ваших молитв: да будут они избавлены от бед настоящей жизни, и сподобятся достигнуть совершенства в грядущем веке».

Выслушав речь, священники поют молитву, держа в руках чашки и показывая движением рук, что они приносят жертву богам. Потом мандза выпивается, а жертвователи, поклонившись, трижды до земли, становятся на колени подле ламских седалищ. В это время епископ читает молитву и препосылает благословение всем, участвовавшим в приношении жертвы.

От вводных сих действий возвращаются к общему чину службы. Диакон начинает свое пение, а ламский хор на каждый пропетый им стих отвечает припевом: тунжур! Прочитывается, наконец, благодарственная молитва, и служба кончается. Ламы выходят в предшестве своего епископа, и если благоприятствует погода или случай, совершают обход вокруг храма, а потом отправляются восвояси.

Пышнее бывает в дни великих праздников. Тогда буддийский мир дает себя видеть со всею религиозною помпой. Пустынные окрестности храмов-монастырей кипят диким, шумным народом, дающим разгул всем своим религиозным страстям: пылают костры, льется кровь жертвенных животных. Далеко несется эхо, — там гремят барабаны и множество других музыкальных орудий пронзают слух. Звенят хонхо — колокольчики, на поверхности которых изображаются облачальные принадлежности докшитского чина, и начертывается молитва, известная под именем Мани, а вместо рукояти служит изображение <...>, со скипетром, как эмблемою власти, какую имеют «боги венца». Ему помогает дамара — бубенчик, составленный из двух сосудов, для выражения той мысли, что совершаемое на земле отзывается на небесах и обратно. Гремит Кенрерре — большой, плоский барабан и дударма — малый барабан. Селнины и цаны, вроде тимпанов, производят свои звуки, особые, при их потрясении и взаимных ударах. Мычит Укырь-буре.

Глава IX

Первобытное религиозное чувство человека и детские сказания современных сибирских буддистов.

Принимаясь за научное исследование чуждых нам азиатских аскетических религий с оттенком пантеизма, мы прежде всего не должны подходить к их учителям с предвзятой враждебностью. Справедливее всего относиться к ним как к детям, еще играющим в свои игрушки, считая это за серьезное дело и воображая, что деревянные предметы понимают.

Что такое религиозное чувство?

Современный нам интеллигентный европейский теист, уже отрешившийся от рабства всем существующим культам, как эволюционно развившимся ответвлениям первичного колдовства,¹ обыкновенно ответит: «Религиозное чувство — это чувство восторженного благоговения перед чем-то таким, что мы считаем бесконечно и недостижимо лучше нас самих, что нам кажется совершенством. Это похоже на чувство влюбленного, готового на все для своего предмета. Его испытывает христианская девушка, стоя на коленях перед изображением Христа, его испытывает католический мальчик перед статуей Мадонны, и это же испытывает современный пантеист, глядя звездной ночью в бесконечную глубину небесного пространства, полного таинственной силы, по воле которой существуем и мы, хотя и не знаем, для чего мы ей нужны. Наверное, для чего-нибудь хорошего.

¹ Еще раз напомним читателю, что корень слова культ тот же самый, как и слова колдовство (КЛД = КЛТ). Точно так же и церковно-славянское слово бог и греческое Бахус — одинакового друг с другом происхождения, и это легко доказать, потому что оно только по-славянски имеет реальный смысл: богатый, бога-тырь, как и маг значит просто — могучий. Слово Бахус первоначально бохос <...> только прибавило к богу обычное окончание имен мужского пола — «ос», а затем благодаря тому, что греческий звук <...> есть при-дувное Б, как бы среднее между Б и В, а славянский звук Г, более похожий на немецкий h, неупотребителен в середине слов <...> транскрипция слова Бог <...> перешла в транскрипцию Вакх <...>. Таким образом Вакхический культ, в переводе на русский язык значит просто божественное колдовство. И это вполне соответствует уже сделанным мною выводам, что славянское влияние в средневековой Великой Ромее (Византии) преобладало над греческим и латинским, вплоть до Кирилла и Мефодия, когда славянские ученые Балканского полуострова, а с ним и Царьграда, не довольствуясь тем, что сами говорили друг с другом по-славянски, захотели и писать на своем родном языке. Но гонение на славянский язык началось уже не с Царьграда, который поощрял, а из усилившегося тогда союзом с Западной Европой папского Рима после 871 года, когда Мефодий был заточен Зальцбургским католическим архиепископом в Швабии.

В христианской теологии это чувство впервые выразил евангелист Иоанн, говоря: «бог есть любовь».

Если говорящий таким образом теист уже освободился от чар всякого обрядового религиозного колдовства, то здесь для нас остается решить лишь вопрос: откуда у теиста явилось это чувство благоговения не только перед бесконечностью вселенной и вечностью ее творческой жизни, но и вообще перед чем-то высшим, чем он?

Прирожденное ли оно для всех людей как, например, пение для жаворонка или привито воспитанием, т. е. является условным рефлексом, который можно и культивировать далее упражнением и подавлять, вплоть до уничтожения, не допуская ему проявляться в действии?

Уже одно то обстоятельство, что религиозное чувство пробуждается не у всех (как, например, половое влечение, в известном возрасте), достаточно показывает нам, что оно еще не перешло в область бессознательных инстинктов, т. е. не является очень давним и потому окрепшим в организме человека, а может быть и культивируемо и подавляемо. И кроме того оно и вообще нисколько не срослось с какою-либо из современных нам религий, так что действует совершенно независимо от них. Оно и выражается даже не столько в каких-либо современных верованиях, сколько в художественной музыке и поэзии, живописи и скульптуре высококультурных народов, а низкокультурные народы и огромные слои всех культурных, все еще играют в своих богов, как дети в куклы. Вот почему и религиозные верования того или иного

народа или его слоя нельзя изучать без связи с его поэзией, музыкой и искусством, которые служат фоном. И поразительная картина получается перед нами, когда сопоставляем наше современное европейское искусство с азиатским.

Я не буду говорить здесь о торжественной музыке, которая прямо введена в католическое и православное богослужение, как возбудитель религиозного чувства, или о пении торжественных гимнов, вроде католического «<...>», — для этого мне пришлось бы переполнить эту часть моей книги нотами. Но если у вас есть музыкальный слух и вы бывали в китайском театре или слышали хоть на граммофоне тот шум и гам, которые сопровождают азиатские богослужения, то вы и без меня уже знаете, что разница между ними в художественности так же велика, как у сонат Бетховена в сравнении с «Чижик, чижик, где ты был», играемым детьми на рояле одним пальцем.

Точно то же и о живописи и о ваянии европейцев сравнительно с азиатами.

Сравните, например, картины прерафаэлитов — вроде Ангелов Творения или «Золотой лестницы» Берн Джонса с произведениями лучших азиатских художников, лишенных даже перспективы. Но, ведь это несмотря даже на необычное трудолюбие в исполнении деталей у японцев, так сказать, лишено души:

И лед блестит, и этот блеск теплом
Не наделит зимы холодной стужу!

Все это ремесло, а не живопись. Это хорошенькие куклы и погремушки, которыми художественно образованный европеец может увлекаться только лишь в такой же степени, как хорошеньким столиком или шкафчиком с инкрустациями. А о скульптуре я уже и не говорю. Она совсем отсутствует в магометанских странах, а в буддийских и браминских проявляется лишь в нарочно придуманных чудовищно-уродливых формах, но и в Европе, впрочем, скульптура еще не достигла последней степени своего развития вследствие воздержания от употребления красок, и стоит на уровне гравюры.

Перейдем теперь и к литературе. Слыхали ли вы о чем-нибудь подобном европейскому роману? Есть ли там свои Диккенсы, Теккереи, Викторы Гюго, Шиллеры, Гете, Шпильга-гены, Тургеневы, Достоевские, Львы Толстые? Вам смешно даже и подумать? — И мне смешно.

Казалось бы, что лирическая поэзия, как самый древний род литературы, способный существовать и до изобретения азбуки, могла бы достигнуть в Азии такой же высоты, как и наша. Но где там хоть одно стихотворение на уровне наших современных?

Вот, например, хоть стихотворение о цветах: монгольского автора, записанное А. Д. Рудневым:²

На макушке высокой большой горы
И с юга и с севера сплошь
Растут всякие деревья, листья и
цветы
И все они приятны на взгляд.

Когда на прекрасных качающихся
деревьях
В осенние месяцы года
Из листвы раздается пение птиц
Это прекрасное наслаждение.
В летнее время на выросшей траве
Расцветают всевозможные цветы,
Когда видишь их красу и
жизнестойкость
Это прекрасно для глаз.
И мы все живые существа
Во время совместной с ними жизни
Прославим и воспоем здесь
Все мирные и прекрасные цветы.

Оно из лучших, но мы не видим тут еще рифмы,³ а размер плохо подходит на наш речитатив.

А вот и еще разговор с перелетными птицами:

— В засушливые месяцы
радостного лета
Крылатые птицы с звенящими
звуками
Зачем прилетели вы с дикими
криками
С берега внешнего моря?

— При сменах четырех времен
года
В засушливые месяцы жаркого
лета
Гонимые надоблачным ветром
Возвратились мы на свое чистое
озеро.

— Прилетев на свое желанное
озеро,
К которому так вы стремились
Зачем же прохладною осенью
Улетаете вы вереницами?

— Когда на вершинах высоких гор
Облака ложатся, и снег упал
И уже наступает холод
Возвращаемся мы в свою теплую
страну.

Это монотонно певучее стихотворение — как и вся первобытная речитативная поэзия. Но разве можно его сравнить, например, со стихотворением Лермонтова:

На севере дальнем стоит
одинок
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь и снегом
сыпучим
Одета как ризой она.

И чудится ей, что на юге
далеко
В равнинах, где солнце стоит
Одна и грустна на утесе
горючем
Прекрасная пальма стоит.

Или, например, из наших новейших писательниц:

Я чувствую себя как странник на
земле
И тянет вечно вдаль, и нет нигде
покоя.
Волшебная страна мне грезится во
мгле
И слышится мне там шум прибоя

Так поздней осенью в стремленье
отлетать
Томятся птицы здесь, не находя
покоя.
Скорее в дальний путь! Им хочется
опять
Услышать под собой певучий шум
прибоя

И, верно, потому тоска сжимает
грудь
И мысли тяжкие мне не дают покоя,
Что скоро я пущусь в иной далекий
путь
Где мне не услышать певучий шум
прибоя.⁴

² А. Д. Руднев, «Материалы по говорам Восточной Монголии». 1911.

³ Вот начало:

Ундор ба йсхе олян оргильдо
Обор ба аро дурен модосни
Унге бурин набчи чичек дельгерен
Уджехойе сяхан бяхо чагдаган.

⁴ Ксения Морозова. «Вестник Европы»...

Тот символизм, который составляет всю прелесть истинно художественной поэзии, еще совершенно отсутствует на востоке и душа тамошнего автора обрисовывается как еще стоящая на уровне нашего ребенка.

Перейдем теперь и к прозаической сказке.

Возьмем для примера из собрания того же А. Д. Руднева рассказ:

Молодец с железными ногтями.

Жили были некогда два брата; у старшего были простые ногти, а у младшего — железные. Они забирались в ханский и крали оттуда разные вещи. Раз ночью они оба взобрались на амбар, и старший сказал:

«Ты, как младший, залезай вперед».

Младший ответил:

«Нет, ты, как старший, входи первым».

Старший брат влез первым и плюхнулся в бочку с растительным маслом. А младший брат убежал домой.

Наутро ханские служащие, сняв голову старшего брата и привязав ее к хвосту коня, пустили коня бегать между многочисленным народом, чтобы узнать, кто будет ее жалеть. Жена его начал разбирать плач. Кто-то ей говорит:

«Если ты собираешься плакать, то снеси лучше своей еды на черную каменную плиту и заплачь, разбив вдребезги посуду с едой, чтобы все думали, что тебе стало жаль своей еды».

Она снесла лучшей своей еды на черную каменную плиту и разбив посудину с едой, заплакала. Ее не стали подозревать.

На следующую ночь его брат, человек с железными ногтями пошел один, чтобы красть в ханском амбаре. А хан, одевшись в плохие одежды, стоит у угла амбара. Вот спросил:

«Это вы зачем тут?»

Хан ответил:

«Сходи и посмотри через окошко, что мои сановники делают?»

Человек с железными ногтями запропал, затем пришел и говорит:

«Ваши сановники на печи расставляют что-то в склянках, и сговариваются, что завтра, когда хан придет, заставим его выпить».

Хан сказал:

«Отправляйся со мной, а когда мне нальют того, что в склянке, я раз хлебнув выброшу на северную стену, а ты отруби головы всем сановникам».

И дал хан тому молодцу золотой свой меч.

Наутро сановники посадили хана на золотую повозку и отвезя в его дом, подали ему что-то из склянки. Хан раз хлебнул и выбросил на северную стенку, а молодец отрубил тем сановникам головы.

После того хан спрашивает:

«Что же ты возьмешь у меня?»

Молодец отвечает:

«Ничего я с вас не возьму, а буду жить по-прежнему вором».

Хан сказал ему:

«Коли ты такой великий вор, то сходи и укради золотую душу у Шолмос-хана».

Молодец сел на лодку и поплыл. Плыл он, плыл, и вот видит дворец. Пошел к нему. А там железная дверь. Он вошел в железную дверь. Дальше серебряная дверь; он и в серебряную дверь вошел; дальше золотая дверь; он и в золотую дверь вошел. Сидит там Шолмос-хан с рогами в семь сажен, с тремя глазами, золотую свою душу он спрятал в правую стену, и говорит:

«В мой дом ни мошка, ни муха не залетала, а как же ты вошел?»

«С лекарством на большом пальце, со снадобьем на указательном пальце».

Шолмос-хан испугался и стал чай варить, а молодец взял его золотую душу и вышел. А Шолмос-хан остался, взывая:

«Ах! Золотая душа моя!»

Молодец сел на лодку и поплыл. Видит опять дворец. Пошел к тому дворцу, вошел в железную дверь, вошел в серебряную дверь, а когда в золотую дверь вошел, сидит там сын Шолмос-хана, с рогами в шесть сажен, с тремя глазами, и говорит:

«В мой дом не залетали ни мошка, ни муха, а ты как вошел?»

Молодец отвечает:

«У меня на руках лекарство и снадобье».

«А почему это у тебя только два глаза? Сделай, чтобы и у меня было два».

Тот растопил свинца полный семимерный котел, положил сына хана лицом вверх, вы-лил котел на все его три глаза, а сам побежал прочь; вышел через золотые двери, вышел через серебряные двери, а как хотел выйти через железные двери, железная дверь не открывается. Войдя в восточное помещение, подлез он под холощеного козла, привязался за его бороду и видит; ослепший сын Шолмос-хана говорит:

«Верно, ты в козлином помещении, я убью тебя».

Он похватал козлов и повышвырнул их вон; да и холощеного козла тоже вышвырнул прочь, а с ним и молодца. Тогда молодец, дразня его, запел: «что, взял? Что, взял? Вот так ты! Привязавшись за козла, ушел я, что, взял, что, взял, вот так ты!»

Сын Шолмос-хана говорит:

«Теперь уж ни один из нас другого не победит, я тебе дам этот золотой меч».

Молодец отвечает:

«Брось мне его!»

«Когда что-нибудь дают, то разве не из рук берут?»

Молодец подошел, схватился за меч и прилип. Но он отрезал себе руку, отбежал и дразнит Шолмоса:

«Что, взял, что, взял, вот так ты!»

Отсек я руку, ушел,

что, взял, что, взял, вот так ты!»

Молодец сел на свою лодку и поплыл к дому. Опять видит дворец; пошел к тому дворцу, вошел через железные двери, вошел через серебряные двери, вошел через золотые двери, и сидит там дочь Шолмос-хана, с рогами в пять сажень, с тремя глазами, и говорит ему:

«Стань скорее моим мужем!»

Он сделался ее мужем. Жена его каждый день ходила есть людей. И вот она родила мальчика с рогом в две сажени, с тремя глазами. Мальчик тот был плакса. Всякий раз, как уйдет жена есть людей, молодец взойдет на дом и смотрит, а ребенок заплачет и заставляет его в дом возвращаться. Раз, когда жена ушла и вошел он на дом, посмотреть, ребенок не заплакал. Он сел в лодку и быстро поплыл.

Жена, вернувшись домой, перерубила мальчика по середине, и нижнюю часть его тела бросила вдогонку за своим мужем. Мальчик догнал и прикрепился к лодке. А молодец перерубил поперек лодку, сел на одну половину, быстро приплыл к своему хану и отдал ему душу Шолмос-хана».

Таково же и большинство из 23 рассказов, записанных со слов самих рассказчиков А. Д. Рудневым во втором и третьем выпуске его книги «Хори-бурятский говор» 1913 г. И не имел я права сказать, что переходя к азиатским мировоззрениям, мы спускаемся к самым началам человеческой культуры?

Чтобы несколько приободрить удрученного этой бессмыслицей читателя, я приведу теперь еще самый лучший из них:

Царевич Шим-Бепиральту.

«Жил был в прежние времена в бенгальской стране хан Банга. У хана пребывал непорочный знаменитый лама, подлинный перевоплощенец самого бога отца (Абила бурхана). Это была бездетная семья. Раз, пригласив его к себе, просят у него сына. Беспорочный знаменитый лама сказал:

«Ладно», — и уехал.

В ту же ночь жена его видела сон:

«Явился, — говорит, — бог Арьябало и возложил мне на голову цветы, потом также является бог Очирвани и бросает в меня серебряным мечом, который с блеском входит мне в живот».

Хану тоже приснилось:

«Явился мне, — говорит, — бог Шанджурши, и дал мне дышущий пламенем золотой меч, а я взял и спрятал его».

И говорят они между собой:

«Это, верно, лама наш дает нам сына».

Немного спустя, жена забеременела. Появились различные знамения и когда родила она, пошел с неба дождь цветов. Младенец был преисполнен способностями и, не учась ни у кого, был очень знающ.

Немного спустя, он стал взрослым; была там на южной стороне гора и росло дерево жизни матери и дерево жизни отца. Хан послал людей посмотреть:

«Каковы, — говорит, — все цветы и листья на тех деревьях, в хорошем ли они виде?»

посланные сходили и сказали, что на дереве жизни матери цветы и листья в полном порядке, но только по обе стороны его есть логовища больших хищных зверей, и корни дерева немного вышли наружу.

Тогда мальчик и сказал:

«Пусть побольше людей пойдут туда, постреляют из луков, застрелят зверей и бьют в кимвалы и барабаны».

Они пошли и увидели, как с обеих сторон дерева жизни матери убежали: желто-пестрая и черно-пестрая свиньи. Эти люди погнались за ними, ударяя в кимвалы и барабаны и стреляя из луков.

А царевич взобрался на лестницу и говорит:

«Если есть тут злые враги, то приходите сюда».

В лук способностей вставил он стрелу знания, взвел ее тетивой милосердия, и сидит там, произнося молитву о подавлении внешних врагов.

И вот с южной стороны бегут к нему стремглав, кидаясь из стороны в сторону, спереди черно-пестрая свинья, а за ней следом желто-пестрая свинья. Он выстрелил и прострелил черно-пеструю свинью, а желто-пестрая бросилась в сторону и убежала к востоку. Царевич собрался было выстрелить и в нее, да пожалел и остановился; когда с неба вошло, как вата, белое облако; непорочный знаменитый лама, показав свою голову в облаках, сказал царевичу:

«Упустил ты из-за своей искренности зловреднейшего врага, это повредит жизни матери твоей», — и исчез.

Немного спустя, мать его заболела и умерла после этого. Царевич взобрался на гору жизни и ищет ту желто-пеструю свинью. И вот на юго-восточной стороне горы сидит красавица-девица в пятицветных шелковых одеждах, излучающая из правой щеки свет рубина, а из левой щеки — свет все исполняющего волшебного камня зендамани. Он подошел к ней поближе:

«Чья, — спрашивает, — ты дочь?»

« Я небесная дева; увидев, что идет такой красавец, перевоплощенец бога, я подумала, не заблудился ли он в безлюдной местности, и не свести ли мне его в населенные места».

Царевич подумал — не та ли это самая желто-пестрая свинья и собрался было выстрелить, как только она побежит. Но, так как она сидела, он подумал:

«Не стану стрелять, пока сидит», — и сказал:

«Я у тебя дорогу не намерен спрашивать», — и ушел прочь.

Девушка пошла к северным дверям ханского дворца и показалась сановникам. Когда царевич пришел домой, ханские сановники доложили ему:

«Тут такая девушка-красавица ходит! А что, если бы мы ее предложили вашему батюшке-хану во вторые жены, а вам в мачехи?»

«Нельзя, — говорит царевич, — вы моему батюшке не смейте даже говорить». — И вошел во дворец.

«Наш царевич, видно, не хочет себе мачехи», — сановники порешили, и за свой страх доложили хану. А хан приказал: «Эту девушку, если она как-нибудь опять тут появится, приведите ко мне показать».

И вот, когда сановники были на улице, девушка прошла мимо задних дверей, так, чтобы царевич не заметил. Хан в нее влюбился и взял себе в жены. Царевич вошел к хану. Хан батюшка говорит ему: «Я взял себе жену, а если она потом не подойдет, то спровадим ее».

«Ну, хорошо, значит, у меня теперь есть мачеха», — говорит царевич.

Тем временем новая ханская жена заложила за правый угол рта красную нитку, а за левый угол — синюю, и лежит, все отплевывая то красно-пеструю, то сине-красную слюну, и говорит: «Больна я».

«Что же мне сделать, чтобы ты выздоровела?» — отвечает хан.

«Я человек из небесных стран, — говорит она, — а люди всегда вылечиваются лекарствами, каждый из собственной страны; если бы ваш сын привез мне от десятиголового хана аракшасов цветок «медок-гушана», то я бы выздоровела».

Хан говорит сыну:

«Поезжай», а сын отвечает:

«Я не могу ехать: этот ваш хан десятиголовых аракшасов бедовый — он меня съест».

«У меня ведь войска много, — говорит хан-батюшка; возьми себе людей и отправляйся».

Отвечает сын: «Я войска с собой не возьму; если уж так, пойду один».

Он стал собираться один, хан пожалел его, но, так как он больше всего жалел свою новую жену, то и отпустил сына.

Идет царевич по безлюдной ровной белой степи, и вот на самом краю ее показалась гора. Около горы, когда он к ней подъехал, оказалось большое становище, а около становища большая река и между ними маленькая тропинка, где прежде ходили люди. Миновав эту тропинку, он поехал дальше, а там небольшое ущелье. Посмотрел он наверх в этом ущелье, а там сидит великан ужасно страшный, с бородой до колен, с железным посохом в левой руке и с золотым мечом, пышущим пламенем, в правой.

И вот зовет тот великан царевича: «Иди сюда!»

И пошел царевич к нему в большом страхе. Великан спросил его:

«Откуда ты пришел? Ты верно чей-нибудь перевоплощенец; если бы ты был простым человеком, то не след бы тебе сюда приходить».

«Я пришел из бенгальской страны; я сын Банга хана».

Старик еще спросил его:

«По какой надобности идешь ты?»

«Мать моя заболела, послала меня — принеси, дескать, из страны десятиголовых аракшасов цветок медок-гушана».

Человек ответил:

«Ты уже пришел в страну хана аракшасов; я старик аракшас, приставленный, чтобы смотреть за пограничной дорогой; тебе отсюда нельзя идти дальше, ты попадешь на съеденье аракшасам; возвращайся-ка домой; мы питаемся людьми и только три раза в месяц, в молитвенные дни, приказано нам не есть человечины. Это бог Будда заставил нас поститься три раза в месяц, в молитвенные дни. Ты удачливый человек, пришел ко мне 8-го числа, когда у меня пост; возвращайся, у меня сегодня очень добрые чувства, и я тебя не съем, это очень любопытно: сколько лет здесь ни один человек не проходил».

Царевич отвечает:

«Я пойду туда, куда шел: все равно уж лучше дамся на съедение аракшасам, чем не по-слушаюсь слов моего отца».

Аракшас говорит:

«Если ты все-таки думаешь идти, то оставь этого коня; твой конь не дойдет; я тебе дам моего могучего коня-слона: он всю вселенную в один день обходит. На нем — доедешь, куда бы ты ни захотел. К восточным дверям хана аракшасов ты доедешь либо 15-го, либо 30-го числа. Дом — с дверями с четырех сторон, аракшасы куда страшнее меня. Заставишь их открыть двери и войдешь. И будет там семиэтажный дом; как в шестой этаж войдешь, будет там смоляной город, а там будет хан аракшасов; от того хана аракшасов поднимешься ты по лестнице наверх; на доме будет золотое озеро; выше этого озера ты поднимешься по 399 ступеням; там на высоте 2000 будет семь разных домов из семи драгоценностей; у каждой двери будет по девушке привратнице; заставишь их открыть двери и войдешь, и вот в самом среднем помещении, будет девица медок-гушана с сорока девятью девицами; но среди них не найти тебе цветка медок-гушаны. Мать тебе соврала: у хана аракшасов нет цветка медок-гушаны: медок-гушана, дочь хана аракшасов подлинное перевоплощение зеленой Дары эхе. Мать твоя послала тебя, чтобы аракшасы тебя убили».

Царевич отпустил своего коня, а как стал собираться ехать дальше на могучем коне-слоне, старый аракшас сказал ему:

«Если ты вернешься живым, заезжай ко мне».

Царевич поехал дальше. Впереди поперек его дороги дерутся черная и белая змея. Царевич взял кол и разнял их. Змеи расползлись в разные стороны. Царевич едет себе дальше.

Его встречает хан белых драконов, на белом коне, в шубе белого шелка и приглашает мальчика к себе. Царевич спрашивает:

«Почему вы меня приглашаете?»

Хан белых драконов отвечает:

«Давеча, как мы дрались с ханом черных драконов, ты нам обоим спас жизнь. Я владыка лесов — хан белых драконов, а тот — владыка водяных драконов, хан черных драконов, и вот мы, хвастаясь друг перед другом — он водами и я лесами — мы подрались, а ты нас разнял».

Царевич отправился к хану белых драконов, где был очень хорошо принят, поел чая и плодов и собрался уходить. Хан белых драконов дал ему четыре круглых белых камушка бирюзы и сказал:

«В дороге понадобятся. Будете возвращаться, заезжайте к нам чайку попить». Царевич отправился дальше.

На пути встречает его, преграждая ему дорогу, какой-то человек на черном как сажа коне, в шубе черного шелка. Царевич подъехал к нему, а тот пригласил его к себе.

«Зачем вы меня приглашаете?»

«Давеча, как мы дрались с ханом белых драконов, вы спасли нам обоим жизнь и развели нас на обе стороны».

Царевич заехал. Напившись у него чая, и будучи очень хорошо принят, он стал собираться уезжать. Хан черных драконов дал ему три круглых черных камушка бирюзы и сказал:

«На дороге пригодятся. Когда назад будете ехать, заезжайте к нам, откушать чаю». Царевич поехал дальше.

15-го числа подъехал он к восточным дверям дворца аракшасского хана там стоит ужасно страшный аракшас с золотым мечом в правой руке и с железным посохом в левой. Царевич сказал аракшасу:

«Открывай дверь».

Тот открыл. Царевич въехал на коне в дом, а там живому существу не проехать: по всему полу натканы шила. Но могучий конь-слон все шел и вошел в смоляной город, а там множество детей и женщин с маленькими ребятишками. У них он спросил:

«Где хан аракшасов?»

те наперерыв стали говорить:

«Здесь».

И вошел он к хану: сидит нечто о десяти головах, на львином престоле, с подостланным ковром из человеческой кожи, со спинкой из человеческой кожи и перебирает четки из человеческих голов. Хан указал царевичу на скамейку без спинки, и каждая из десяти голов его задала по вопросу.

Царевич отвечал без запинки на все вопросы, и затем сказал хану аракшасов: «Я пришел за твоей девицей Медок-гушань; если ты силен, то и я силен», и щелкнул пальцем. От этого щелчка вдруг спустилась с неба молния и разбила все горы. Но хан аракшасов даже не почувствовал этого. Царевич еще раз щелкнул пальцем и заставил молнию спуститься на дом. Только когда смоляной город начал растопляться и качаться, хан аракшасов спустился с львиного престола, поклонился в ноги царевичу и сказал:

«Смилуйтесь надо мной».

После этого он совершенно перестал есть человечину и сделался монахом, соблюдающим обеты учителя Будды.

Он сжег и коврик из человеческой кожи, спинку из человеческой кожи и сделал вместо них шелковый коврик и шелковую спинку.

Царевич взошел по лестнице на верх дома в верхний этаж, а там — золотое озеро; когда он поднялся выше него по 399 лестницам, то там оказались на высоте 2000 ступеней семь разных домов из семи драгоценностей.

На самом краю бирюзовый дом: у дверей бирюзового дома бирюзовая девица сидит и сучит бирюзовую нить. Царевич говорит:

«Открой дверь».

Девица сказала: «Что это такое? Кто это хочет войти сюда, сказав мне будто собаке, лежащей у входа — прочь».

Царевич ответил:

«Неужели, пройдя благополучно мимо многих аракшасов и их хана, стану я задерживаться из-за какой-то одной голубой девицы».

Тогда девица открыла дверь. Царевич дал ей один камушек бирюзы и вошел.

Внутри оказался серебряный дом; у дверей серебряного дома серебряная девица сучит серебряную нитку. Эта девица, смотря левым глазом на нитку, а правым на царевича, сделала ему правой рукой знак благоговения и сказала:

«Как хорошо было бы наедине провести ночь с эдаким красавцем перерожденцем бога», — и открыла дверь.

Царевич опять отдал один камушек бирюзы и вошел.

А там золотой дом, и сидит у дверей золотого дома золотая девица и сучит золотую нить. Эта девица, сказав то же, что говорила серебряная, открыла дверь. Царевич опять отдал один камушек бирюзы и вошел.

А там хрустальный дом, и сидит у дверей хрустальная девица и сучит хрустальную нить. Поступив как прежние, и эта открыла дверь. Царевич отдал ей один камушек бирюзы и вошел.

А там дом из рубина. У двери рубинового дома сидит рубиновая девица и сучит рубиновую нить. Она, сделав как предыдущие, тоже открыла дверь. Царевич отдал еще один камушек бирюзы и вошел.

А там дом из лазурика; у двери дома из лазурика сидит лазуриковая девица и сучит лазуриковую нить; и эта девица, сделав как прежние, открыла дверь. Царевич отдал еще один камушек бирюзы и вошел.

А там дом из исполняющего все желания камня зендамани; у двери сидит зендамани-девица и сучит нить зендамани. И эта девица, поступив как прежние, открыла дверь. Царевич отдал ей круглый камушек бирюзы и вошел.

А дальше — сорок девять девиц, все по семи. Семь держат жертвы, семь — кафельницу, еще семь распевают сладкозвучные священные напевы. Они, играя, хором повели его.

Посмотрел царевич и видит: от семи драгоценностей протянулись по дому лучи, а самый дом изнутри весь разукрашен зонтами, подвесками и шарами с душистыми травами. Но сам царевич, излучая из себя тысячу солнечных лучей, чуть ли не превзошел все это своим величием и прошел дальше.

Его отвели и посадили на золотой престол. Сорок девять девиц, стоя перед ним, затянули священную песнь. Во главе их была девица повыше; находясь на первом месте, она запевала священные песни, а остальные вторили ей. Украшения и наряды сорока девяти девиц были все с божественными признаками. Царевич подумал про главную девицу, что была повыше:

«Вероятно, это и есть моя девица Медок-гушана», — приветствовал ее.

«Дочь десятиголового хана аракшасов Медок-гушана, подлинное воплощение Дары эхе, как вы здравствуете?» — сказал он.

«Хорошо, а вы царевич бенгальской страны — подлинное воплощение Хоншим бодисати, благополучно ли прибыли?»

«Хорошо», — ответил он. Они много угощали царевича и уложили спать.

Вечером, перед сном, девица медок-гушана сказала:

«Пойду-ка я да послушаю, как наши аракшасы хотят с тобой поступить».

Наутро она пришла и сказала:

«Они говорят, что сегодня вас отведут на кладбище Сенгель,⁵ а там вас съедят». Она дала ему золотое зеркало и говорит: «если нападет на вас страх, то покажите это». Царевич взял золотое зеркало и ждет, что будет. Снизу пришло письмо:

⁵ Рассказчик сам не понимал этого слова: очевидно, что Сингаля — т. е. Цейлон, местожительство аракшасов.

«Пожалуйте сюда».

Царевич отправился, а аракшасы сказали:

«Идите на наше кладбище». Царевич говорит:

«Можно».

А вот один аракшас, не доведя его до самого места, указал:

«Вот, — говорит, — по этой дороге пойдете», и вернулся назад. Царевич пошел на кладбище. Там бегут мертвые лошади, обратившиеся в одни белые кости, и ржут:

«Съем, съем».

За ними мертвые тигры, львы и всяких родов звери и мертвецы бегом подступают к нему, крича: «съем, съем». Целая куча. Взглянул он наверх, а там осталась дырка величиной в дымовое отверстие юрты. Струхнув, он вынул зеркало и показал. Вдруг все исчезло.

Походив там немного, он вернулся обратно. Аракшасы расспрашивают его:

«Царевич, хорошо ли прогулялись?»

«Хорошо», — говорит он. Когда он снова подошел к хану, тот ему указал опять идти вверх. Когда же он поднялся в верхний этаж, сорок девять девиц снова встретили его у дверей лазурикового дома и с музыкой проводили его оттуда. Девица Медок-гушана спрашивает:

«Хорошо ли вы прогулялись?»

«Хорошо», — ответил он.

Затем он поел, а как стали укладываться спать, девица Медок-гушана опять пошла подслушать, — «что аракшасы говорят».

В полночь пришла она, разбудила царевича и говорит:

«Завтра аракшасы собираются послать вас в сто-комнатный дом». Она дала ему ключи от ста комнат и еще какой-то пухлый белый предмет, похожий на лягушку, и говорит:

«Когда будете в сотом помещении, то покажите его, если струхнете, а если можно будет, то постарайтесь совсем не входить в сотое помещение». Наутро пришло письмо:

«Прогуляйтесь по нашему сто-комнатному дому».

Он отправился. Один аракшас пошел проводить его. Царевич, открыв одним ключом первое помещение, вошел в него. А там вода и в ней всякие скверные неведомые существа, — это в воде-то! Перейдя вброд через нее, выбрался он на другую сторону и вошел во второе помещение. Там опять вода и еще худшие существа; и так дальше. Насмотревшись на все эти скверные существа, подошел он к двери сотого помещения и хотел было вернуться, но бывший при нем аракшас стал упрашивать его:

«В нашем сотом помещении есть интересные вещи, уж вы войдите в него».

Царевич, открыв его своим ключом, вошел. А там кровавое море, в кровавом море существа, вроде пауков, только величиной с дом — вот какие большие существа прибежали, чтобы съесть его. Царевич струхнул и показал им свой предмет, похожий на лягушку. Все они, испугавшись, удалились.

Когда царевич вернулся, аракшасы спрашивают его:

«Благополучно ли вы прогулялись?»

он ответил:

«Хорошо!» — и взошел вверх. Сорок девять девиц снова встречают его у дверей би-рюзового дома и повели оттуда с музыкою. Девица Медок-гушана спрашивает его:

«Хорошо ли вы прогулялись?»

Царевич сказал: «Хорошо».

Затем он снова поел, и собрался спать.

А девица Медок-гушана опять отправилась подслушивать. В полночь она пришла назад и говорит:

«Завтра вас хотят силой взять, — сговариваются они. Но мы с вами вдвоем встанем рано и поедем на могучем коне-слоне: вы читая заговор разума, а я буду читать заговор мудрости. Тогда нам обоим никто не причинит зла; вы завтра пойдете к моему отцу и скажете о нашем отъезде; если он вам на это скажет — дам приданое, — то скажите ему, что возьмете только, если дадите драгоценный волшебный сосуд». Наутро девица отправилась спроситься у бабушки. Хан ответил:

«Поезжайте, а когда я буду подавать знак, ты каждый раз приезжай: вы мне оба будете указывать путь в нынешней и в будущей жизни. Что бы ни случилось, я буду держаться вас.

Девица поднялась наверх, а царевич тоже пошел спрашивать. Хан ответил: «Поезжайте. И в этой, и в будущей жизни вы оба будете охранять мою жизнь и, когда я буду подавать знак, вы каждый раз приезжайте. А что же вы возьмете в приданое?»

Царевич говорит: «Приданого нам не надо».

Хан ответил:

«Мне непременно следует дать зятю с дочерью приданое. Я полагаю, что в этом мире нет никого богаче меня, так что мне не дать приданого зятю с дочерью стыдно».

Царевич говорит:

«Если дадите ваш волшебный сосуд, то мы возьмем; ничего другого нам не надо».

Хан ответил:

«Во всем этом мире ни у кого такой штуки нет; чего бы вы ни захотели — все будет выходить из этого сосуда»; и он отдал ему сосуд.

Девица и царевич сели на могучего коня-слона, и при отправлении сказали семи девицам, семи драгоценностей семи привратницам:

«Когда мы будем давать знак, вы всякий раз приходите.

По пути хотели их побить горами. А они, читая заговор разума и заговор мудрости и передав поводья Четырем Неизмеримым Совершенствам, — едут себе дальше. И никто не смел им устроить препоны.

Как они ехали дальше, встречает их хан черных драконов с большим войском и приглашает к себе. Они оба заехали. Он их усиленно попотчевал, беседовал с ними, а как настало время им ехать, и — после того, как хан черных драконов вышел в другую комнату готовить подарки — пришла прекрасная красавица девица и, схватив царевича за правую руку, сказала:

«Что, кабы я поехала с вами в качестве вашей младшей жены?»

царевич спросил у жены:

«Понадобится ли она нам, если мы ее увезем с собой?»

Медок-гушана ответила:

«Очень понадобится».

Царевич сказал девице:

«Можно», — и добавил: «ты спроси у батюшки твоего».

Она спросила, а батюшка ответил:

«На что ты будешь ему нужна? Человек везет с собой подлинное воплощение зеленой Дары эхе, дочь хана аракшасов Медок-гушану! Что станет с тобой делать, с волосатым желтым червяком?»

«Будет ему и от меня прок, они сами сказали — увезем тебя». Батюшка сказал:

«Ладно».

Дочь ему еще говорит:

«Ты поднеси меня этому царевичу — даю, мол, ее вам в подарок».

А потом пришла к нему и говорит ему:

«Мой батюшка согласился; если он при отправлении нашем в путь захочет дать приданое, вы скажите, что приданого не надо, а если он непременно захочет дать, то скажите: дайте вон ту подвешенную черную козью шкуру и палку, что лежит рядом».

Тогда хан черных драконов отдал дочь со словами: «дарю вам эту мою дочь», — и царевич принял ее с большой благодарностью. Как пришло им время ехать, хан говорит: «я дам приданое», а царевич говорит: «не надо приданого». «Нет», — говорит хан, — мне следует вам дать приданое: в этом мире, я полагаю, нет человека богаче меня; мне следует дать приданое». Царевич отвечает: «дайте вон ту подвешенную черную козью шкуру с палкой, что около нее», — хан дает и говорит: «в этом мире кроме меня ни у кого такой штуки не бывает. Если вы, ударив по ней, скажите — появись, какая угодно, вода, — то появится вам всякая вода, какую вы только задумаете».

Забрав с собой это, они поехали дальше.

На их пути хан белых драконов с большим войском встречает их, подносит им угощение и приглашает:

«Заезжайте к нам, откушайте чаю».

Они заехали; были хорошо приняты, а как стали собираться ехать, — едва хан белых драконов ушел в другую комнату готовить подарки — пришла прекрасная красавица девица и, взяв царевича за правую руку, спросила его:

«А что, кабы и я поехала с вами в качестве вашей жены?»

он просил у своих обеих жен. Они обе сказали:

«Нужно взять ее с собой».

Царевич сказал ей:

«Сходи спроси у бабушки».

Девица просила у хана белых драконов; он ответил: «На что ты ему нужна? От такого, как ты, волосатого желтого червяка какой будет прок для человека, который везет с собой дочь десятиголового хана аракшасов и дочь хана черных драконов?»

Дочь ответила ему:

«Нет, я им понадоблюсь, и сам царевич сказал: дайте меня им и скажите: подношу в дар, и они тогда возьмут».

Хан белых драконов говорит:

«Ладно».

Девушка пришла к царевичу и говорит: «Мой отец согласился; если он при нашем отправлении захочет дать приданое, то скажите, что приданого не надо; а если он скажет — дам непременно, — то скажите: дайте подвешенный вон там деревянный ковш». Царевич ответил: «Ладно». Вошел хан белых драконов и говорит: «Дарю вам мою дочь». Царевич принял ее со словами:

«Как это хорошо!» Когда настало время ехать, хан говорит:

«Мне следует дать зятю с дочерью приданое».

Царевич говорит: «Приданого не надо».

Хан белых драконов отвечает:

«Мне следует вам дать приданое; я полагаю, что в этом мире я самый богатый чело-век».

Царевич тогда просит:

«Дайте ваш деревянный ковш, что висит вон там».

Хан сказал:

«Ладно», — отдал и говорит: «в этом мире ни у кого кроме меня такой штуки нет. Если раз ударить его о землю, сказав про какое угодно дерево — появись, — то появится дерево, какое бы вы ни пожелали».

Когда они, забрав это, поехали все верхом на могучем коне-слоне, то им было и вчетвером свободно.

Когда они стали приближаться к старому аракшасу, царевич сказал своим трем женам:

«Так как я еду на чужом коне, то не годится, посадив на него верхом троих, еще и самому с ними ехать».

Он слез с коня, и повел его под уздцы, направляясь к старику. Старик кланяется им до колен и приветствует их. А Медок-гушана, когда они подъехали близко к старику, сказала:

«Зачем ты пропустил этого молодца? Мы ведь поручили тебе стеречь дорогу. Зачем ты пропустил? Из-за того, что ты пропустил, вот он и увозит меня с собой!»

старик ответил ей:

«Человек, который увозит вас с собой, подлинное воплощение земной Дары-эхе. Он уж пройдет, только надавав пощечин, мимо такого дряхлого, ободранного старика, как я».

Медок-гушана ответила:

«Это ты справедливо сказал. Какой ты хороший человек: не будем больше говорить о том, что ты его пропустил».

Они помолились волшебному сосуду, и он выстроил для старика трехэтажный замок и достал ему с неба все пять родов скота по сотне каждого рода; с неба же дали ему пас-тухов, надсмотрщиков за скотом, слуг, поваров и всякого добра вдоволь; запретили ему совсем есть человечину, и сделали его причетником. Старик аракшас был очень рад, ца-ревич стал просить у него могучего коня-слона. Старик с большой радостью отдал его ему и, когда они поехали на нем вчетвером дальше, он остался чрезвычайно доволен.

Так царевич со своими тремя женами доехал до Банга-ханских владений, оставил своих трех жен в собственном дворце, а сам вошел к хану батюшке и сказал:

«Я привез цветок медок-гунану: в каком положении болезнь нашей матушки, в состоянии ли она принять цветок?»

мать ответила:

«Прежняя болезнь моя за это время прошла, а теперь меня посетила другая. Если поем цветка медок-гушана, то это теперь не поможет».

Сын пошел к отцу и говорит ему: «Спросите у нее — какие же, мол, нам средства употребить, чтобы вы выздоровели».

Царица ответила:

«Постройте такой семиэтажный дом, чтобы в него поместился весь народ бенгальской страны, чтобы на крыше этих семи этажей было золотое озеро, чтобы выше золотого озера было 299 лестниц, а выше них семь разных домов из семи драгоценностей с тысячью вышек, по четырем сторонам дома чтобы было четыре больших озера, по восьми промежуточным странам света; чтобы было четыре маленьких озера, чтобы были вокруг этих восьми озер всяких родов плоды и прекрасные деревья, чтобы были лесные птицы, а в воде водяные птицы: павлины, лебеди и даже птицы всяких сортов с прекрасными сладкозвучными голосами. Вот, если такой дом постройте, и я поселюсь в том доме, то я выздоровею».

Хан сказал своему сыну:

«Мать говорит, что если такой дом постройте, то, мол, выздоровею».

Тогда старшая жена, дав знак семи привратницам-девицам, заставила этих девиц играть со своим мужем. Все три жены достали те драгоценности, которые каждой из них дали их отцы. Медок-гушана, помолившись волшебному сосуду, выполнила постройку дома согласно сказанному той женщиной; а затем сказала дочери хана черных драконов:

«Покажите ваше дарование».

Дочь хана черных драконов как ударила восемь раз по козьей шкуре, то по четырем сторонам дома образовались большие четыре озера, а по восьми промежуточным сторонам четыре маленьких озера. Медок-гушана сказала дочери хана белых драконов:

«Покажите ваше дарование».

Та ударила о землю два раза деревянным ковшом. И выросли деревья совсем, как говорила та женщина. Она помолилась на волшебный сосуд, и запели в лесах лесные птицы, в воде водяные и все, как говорила та женщина. Тогда три жены вошли к царевичу и доложили ему; он вернул семь девиц по домам и, войдя к хану батюшке, сказал:

«Я исполнил».

Хан вошел к жене и сказал ей. Жена вошла в тот большой дом и, когда, войдя в озера, мылась, хан спросил:

«Как твоя болезнь?»

Она ответила: «две трети осталось».

«Что же мне сделать, чтобы ты выздоровела?»

Жена ответила:

«Вот этот южный горный хребет сделать величиною в скорлупу яйца, на вершине его заставить расти большое дерево галварбарас; по четырем сторонам его устроить четыре источника, чтобы из тех источников во все стороны текла вода по золотым канавам. Чтобы были на берегах четырех озер такие же четыре дерева, чтобы были вокруг четырех озер деревья, преисполненные прекрасных плодов и цветов; чтобы на горе сплошь были деревья; чтобы вокруг четырех озер пели в водах водяные птицы, в лесах — лесные птицы; чтобы на вершине дерева галварбарас, что на макушке горы, полубоги читали священные книги. Если вы мне сделаете вот такое сооружение, то я выздоровею».

Хан передал сыну:

«Сделайте вот такое сооружение».

Сын ответил: «Ладно». Он вошел в свой дворец и передал своим трем женам. Медок-гушана, помолившись на свой сосуд, обратила гору в величину яичной скорлупы. Дочь хана черных драконов, ударив четыре раза по своей козьей шкуре, устроила по четырем сторонам горы четыре источника, и вода потекла из них по золотым канавам. Дочь хана белых драконов ударила несколько раз своим деревянным ковшом о землю, и выросло на вершине горы золотое дерево галварбарас, и появились все деревья согласно сказанному той женщиной. Дочь хана аракшасов помолилась на свой волшебный сосуд, посадила на вершину дерева галварбарас, что на макушке горы, полубогов бодисатв, и заставила их читать священные книги. Произвела в лесах — лесных, в воде водяных птиц, словом, все исполнила так, как говорила та женщина, и сказала царевичу. Он отправил семерых девиц обратно домой, вошел к своему хану-батюшке и сообщил им это. Тот сказал своей супруге:

«Все исполнили».

А она ответила: «Еще одна часть моей болезни осталась».

Тогда все три жены царевича вместе с ханом вошли к ней и сказали:

«Мы пришли вас лечить; два средства ведь мы уже сделали; как вы теперь себя чувствуете?»

Она ответила:

«Две трети моей болезни прошли, а одна осталась».

Тогда Медок-гушана спросила:

«Чья вы дочь?»

«Я дочь небожителя».

Медок-гушана сказала:

«В наших небесных странах такой девицы не бывает; я дочь хана аракшасов и такой девицы не видала».

«Я небесная дева из ведомства хана черных драконов».

Тогда дочь хана черных драконов сказала:

«Нет, я дочь хана черных драконов, в нашей стране такой девицы не бывало».

«Я небесная дева из ведомства хана белых драконов».

Тогда дочь хана белых драконов сказала:

«Я сама дочь хана белых драконов, и в стране его такой девицы не видала».

Тогда хан сказал:

«Что это ты говорила, что ты человек из небесных стран? С чего ты путаешь? Чья же ты, наконец, дочь?»

Женщина смутилась. Медок-гушан сказала:

«В небесных странах она, может быть, была, а откуда я могу все знать». И вот все три сказали ей:

«Вам пользоваться собственными средствами пришел конец, нельзя ли теперь нам самим для вас устроить лекарство?»

«Можно».

Те три вышли и стали советовать. Медок-гушан сказала дочери хана черных драконов:

«Устройте волшебством золотой источник; а затем, подав знак вашему отцу, попробуем убить эту ведьму».

Девушка сказала: «ладно»; устроила золотой источник и дала знак отцу. Отец ответил: «приду». Эти три девушки принесли ханшу в золотое озеро и говорят:

«Если вы в это наше озеро войдете, то верно выздоровеете».

Она разделась, вошла в озеро и моется. И вот из самой середины озера вышло существо с одним рогом на голове и, только было она собралась выйти на берег, как оно подцепило ее на рог и увлекло в воду.

Тогда Медок-гушана, превратившись в образ жены хана, вошла к нему и, сев рядом с ним, сказала:

«Я ведьма; твоего сына, воплощенца божия я не смогла убить. Ложно прикинувшись больной, я послала его к хану аракшасов и хотела, чтобы он был съеден аракшасами. Он пришел цел и невредим. Потом, когда я сказала — построй большой дом и прочее — я думала, что он не сможет и что, верно, в смущении уйдет прочь, а он все, что я говорила, исполнял. Я больше уж не могу съесть твоего сына, с тебя съем».

Она отошла к двери, перекувырнулась на спину, а когда стала вставать, обернулась остро-копытной черно-пестрой свиньей и ринулась к хану. Хан закричал и позвал сына. Свинья выбежала прочь и, выйдя за дом, обратилась в Медок-гушану и вошла в дом.

Сын подошел к хану. Хан, рыдая, сказал сыну:

«Отныне я больше не буду брать себе жен; сделаюсь монахом; пригласите моего непорочного знаменитого ламу». Сын пошел и сказал Медок-гушане:

«Не та ли это самая ведьма пугает нашего батюшку?» Жена ответила:

«Нет, это я сделала, чтобы освободить хана батюшку от страстей».

«Хорошо! А пригласить ли нам к нему непорочного знаменитого ламу, или нет?»

Медок-гушана сказала: «Нет спеха».

Она превратила свой безумный палец в женщину несравненно красивее его прежней жены-ведьмы, и заставила прислуживать хану. И она оставила при нем ту женщину почти месяц. Но хан совершенно не выказывал страсти. Тогда, удалив женщину, привела Медок-гушана к нему непорочного знаменитого ламу и сделали батюшку монахом.

Три жены его сына вошли к нему и сказали:

Я дочь хана Аракшасов,

Я дочь хана черных драконов,

Я дочь хана белых драконов, — каждая назвала своего отца; хан батюшка очень обрадовался этому и, уйдя в уединенное место, поселился отшельником.

Тогда царевич, оказавшись с тремя прекрасными женами, стал жить очень весело. Старшая из жен — воплощение зеленой Дары-эхе — дочь хана аракшасов; средняя из жен — воплощение Дулма Тониржани — дочь хана черных драконов; младшая из жен — воплощение ...⁶ — дочь хана белых драконов, а сам царевич был воплощением Хоншим-бонисатвы».

⁶ Рассказчик забыл имя.

Возможно ли даже и эту сказку поставить в параллель, например, с художественными сказками Андерсена? Или вот, например, хоть сказке Ксении Морозовой «Звезды»:

«Была тихая рождественская ночь. Небо искрилось и сверкало бесчисленными мириадами ярко сияющих звезд, нежно струивших свой золотистый свет. Казалось, каждая звезда хотела гореть как можно ярче и выказать себя во всем своем блеске и красоте.

— Право, еще, кажется, никогда не было такой чудной ночи, — говорили люди, глядя на небо. — а звезды-то! Так и горят! Можно подумать, что они сегодня облеклись в свои самые блестящие одежды и вместе с нами празднуют рождественскую ночь.

Так говорили люди, смотревшие на небо. Но таких людей было немного.

Уже давно прошли те времена, когда все дети земли искали разрешения своих жизненных судеб в высотах небесного мира, когда они с тоскливой мольбой обращали свои взоры к сверкающим ночным небесам, стараясь прочесть утешение и ответ в той чудесной таинственной книге звездного мира, прекраснее которой никогда еще не читало человечество.

Большинство людей перестало понимать эту книгу, — небо сделалось для них непонятным и безмолвным. Но если бы они сумели вернуть себе веру и любовь прежних веков, и сумели бы прочитать в эту ночь то, что говорили им звезды, — их сердца наполнились бы бесконечной радостью и ожиданием. И эта радость была бы так велика и ожидание так могуче, что они захотели бы перелить их в сердца грядущих поколений.

А на небе, как и всегда, шла своя особая вселенская жизнь...

— Все ли вы здесь, сестры-звезды? — обратилась блистающая Вега к бесчисленному множеству своих небесных подруг. — Все ли вы открыли свои сияющие лица, и все ли вы знаете, почему мы так особенно торжественно празднуем сегодняшнюю ночь?

— Мы все здесь. Мы знаем, мы давно ждали этого часа! — ответили ей звезды своим мерцанием.

— Вот прошли уже биллионы и биллионы веков нашей жизни, — снова заговорила Вега. — Но что значит время для нас, небесных светил? Века и тысячелетия — наши мгновения, но даже и нам, звездам, ожидание показалось долгим. Наконец сегодня настала та великая и торжественная ночь, когда по чудесному обещанию свыше должна появиться на небе наша младшая сестра, которая называется Звездой Грядущего Счастья Земли. Сегодня выйдет она из сияющего хаоса Плеяд и загорится таким ярким блеском, пред которым померкнет свет остальных светил.

— Только люди еще не скоро увидят ее, — проговорила своими многоцветными переливами прекрасная Капелла. — Пройдет еще целая тысяча лет, прежде чем ее дошедшие до Земли лучи возвестят людям об ее появлении. Они только еще мечтают об этой звезде и не знают, насколько близко или далеко их грядущее счастье.

— Нам одним открыто будущее детей земли, — зашептали снова своим мерцанием менее блестящие сестры ослепительно ярких Капеллы и Веги. — Мы так давно по ночам проливаем свой свет на Землю, нашу милую маленькую подругу, что давно полюбили ее и живущих на ней людей. Мы знаем и видим, скольких тяжелых жертв, лишений, крови стоит им их жизнь. Мы все сегодня живем жизнью Земли и потому все празднуем эту ночь. Пошлем же новорожденной сестре — покровительнице Земли, — наш звездный привет и пропоем ей симфонию миров, полную трепетания наших светоносных сердец.

— Привет тебе, новая сестра! — запел хор бесчисленных звезд.

— Привет тебе, прекрасная Звезда Грядущего Счастья Земли! Мы все теперь хотели бы быть с тобой, мы все ждем тебя. Открой же свой светлый взор, блесни нам своим сверкающим лучом!

И новорожденная звезда широко открыла на божий мир свои яркие изумленные глаза; она заблестала нежным голубоватым сиянием, и в ее приветливом мерцании посылался ответный радостный шепот.

— Мне грезились в блистающем хаосе Плеяд, что я призвана для счастья земных людей. Итак, значит, мечта моя сбылась. Я буду освещать путь счастливых. Хвала Вселенной! Хвала светлomu туману, давшему мне жизнь!

И ее ликующий голос слился с торжествующим гимном звезд...

И вот, хотя яркие лучи новорожденной Звезды Грядущего Счастья Земли должны были дойти до нашей планеты только через тысячу лет, но их таинственное влияние уже и теперь сказалось на людях. Некоторые из них, глядя на небо в эту ночь, почувствовали в соей душе не одну так легко убегающую надежду, но и непреодолимую уверенность в наступлении счастливых грядущих времен.

А сильнее и неотразимее других почувствовал это темноокий бледный ребенок, жадно припавший лицом к окну небольшой комнаты далекого городка.

Он весь день ждал, когда покажется первая звезда. Он выпросил у матери позволение поститься целый день, но и сейчас, хотя все небо горело в звездах, его нельзя было отогнать от окна.

Что это? Гирлянды света, небесные звуки! Все небо искрится и горит!.. Звездные лучи скрещиваются, переплетаются, тянутся и вьются. Всюду гимны торжества и хороводы звезд!

— Мама, милая мама, это не сон, нет, не сон! Сегодня родилась маленькая, счастливая звезда. Люди будут счастливы, они должны в это верить и это знать! Я подслушал сегодня разговор звезд.

Задыхаясь от волнения, подбежал он к матери, прижался головой к ее коленям и, захлебываясь от радости, рассказал ей все, о чем в этот вечер говорили звезды. Глаза его горели, бледное личико было покрыто яркими пятнами румянца.

— Дорогой мой мальчик, ты, верно, вздремнул, — нежно говорила мать, ласково перебирая его шелковистые волосы. — Да, мой милый мальчик устал ждать первую звезду и увидел такой хороший сон... А может быть, он будет поэт? Он будет, как и другие поэты, рассказывать людям о песнях звезд и радовать их сердца светлыми далями грядущего.

— Нет, мама, милая, — убежденно говорил ребенок, — я вовсе не спал. Я ни на минуту не закрывал глаз. Я сидел так тихо, как мышка, и мне только хотелось узнать, чувствуют ли и думают ли звезды так, как и мы, и почему они сегодня необыкновенно ярко сияют. И вот я услышал, так ясно услышал их нежные голоса! Они сплетались с их золотистым светом, и казалось, слились в одно, яркое и вместе нежное сияние. И вот какой гимн я слышал новой маленькой звезде: «Привет, привет тебе, младшая счастливая сестра». Он и сейчас звучит в моих ушах.

И он начал повторять слышавшуюся ему в небесах звездную мелодию трогательным, детским голоском.

— Ну, значит, ты у меня будешь музыкант, — говорила, улыбаясь, мать.

Она задумчиво поглядела в окно.

— Да, мой милый мальчик! Ты, как великий Бетховен, сумеешь подслушать и передать музыку лунных и звездных лучей.

И она не сдавалась на горячие уверения своего сына, будто он действительно слышал разговор и гимн звезд.

Ее глаза с нежной материнской заботливостью смотрели на его разгоряченное и взволнованное лицо. Всю жизнь она ждала лучших, но никогда не наступивших для нее времен. Ее рассудок уже отказывался им верить, но в ее измученном жизнью сердце, помимо собственной воли, рождалась смутная, как первый весенний мотылек, трепещущая надежда, что, может быть, мальчик ее все же окажется прав, и люди увидят хоть когда-нибудь, хоть через сотни веков, — яркий свет новой звезды, обещающий им грядущее счастье».

Мне нет никакой возможности переписывать здесь для сопоставления с азиатскими сказками более длинных европейских художественных сказок, которыми можно переполнить сотню томов, тем более невозможно переписывать и европейские романы или наши курсы астрономии, механики, химии и т. д. Для выяснения контраста современной художественной европейской науки с чисто первобытными азиатскими произведениями, вроде только что приведенных мною, совершенно достаточно того, что я здесь привел.

Нам остается только удивляться, каким образом могут даже и теперь быть люди, считающие себя обще образованными, но верящие тому, что где-то в центре Азии, в Тибете, у Далай-ламы или в неведомых еще отрогах Гималайских гор существуют мудрецы, знание которых превосходит наше европейское? Каким образом могут быть люди, способные верить, что в незапамятные времена в Азиатских странах была уже высокая умственная культура, но погибшая и забытая теперь?

Ведь свет знания, как и физический свет, распространяется во все стороны, и лишь не-преодолимые физические преграды могут его заслонить от той или другой местности, и никаких таких преград, которых нельзя было бы обогнуть, мы не находим ни между раз-личными странами Азии, ни между Азией и Европой.

Совершенно понятно, что при крупных физических катастрофах, вроде, например, столкновения земли с кометою, может погибнуть целое полушарие земли, но никаких признаков такого столкновения на Азиатском континенте. Эндемические болезни, вроде чумы или оспы, истребляли по временам значительную часть населения Европы, но и они не приводили ее к одичанию; революции в окончательном результате сопровождалась только улучшением общественного строя, и новым подъемом науки, техники и даже изящного искусства, которое казалось всегда особенно пострадавшим в первые годы общественных потрясений.

Так каким же образом в огромной Азии, где столько простора для убежищ, могло прежнее высокое и великое превратиться в то наивное, что мы здесь читаем? Мы много читаем удивительно в современных историях Азиатского востока. Собственно говоря, все там полно чудес. Возьмем хотя бы появление оттуда, как из табакерки с фокусом, великих учителей: Спасителя Христа с берегов Мертвого моря, распространившего свое учение по всей Европе, а затем и Америке, и Австралии, и Достославного пророка Магомета, написавшего среди пустырей Аравии свой Коран и распространившего свое учение по всему северу Африки и по всей Юго-западной Азии. А вот из этой

же табакерки с фокусом явился и Будитель-Буда, в какой-то неведомой теперь Капелле Басту, лежавшей, говорят, где-то в глубине Гималаев. И странное дело! В то время, как в Европейских культурных городах — Париже, Риме, Лондоне, Берлине, Вене, Петербурге — выдающиеся ученые, раз возникнув, уже не переводились до настоящего времени и, вероятно, будут продолжаться и впредь, в этих глухих городках возникал всегда на всем протяжении существующей истории только один величайший, превосходивший всю сумму парижских или берлинских ученых гениальный человек, который, сверкнув на весь мир ослепительным светом, пропадал затем неизвестно куда, а породивший его городок вновь погружался в темноту жалкого неведения в то время, как вышедшие из него волны могуче неслись по остальному миру.

Но ведь это же так нелепо!

Глава X

Буддизм пришел в Азию не с Гималайских, а с Карпатских гор.

Да! Современная историческая наука, если она хочет сделаться действительно наукой, должна раз навсегда порвать с такими представлениями. Если гениальные люди и рождались нередко в глухой провинции, то они все развились в культурных центрах своего времени. Иначе не могло быть. И если бы нам сказали, что Христос, родившись на берегах Мертвого моря, получил свое образование в Константинополе, а Магомет хотя бы и в Каире, а Буда в древнем культурном городе Буда на правом берегу Дуная, в Венгрии, который вместе с городом Печью на левом берегу той же реки получил теперь двойное имя Буда-Пешт (первоначально Буди-Печь, по-немецки до сих пор его и называют Offen), — то мы ничего не могли бы возразить против этого. Совершенно напротив.

Ведь историки Венгрии все говорят нам даже, что Буда-Пешт, он же «Буди-Печь», был основан Будой, которого считают братом Аттилы, объединившем под своей властью, а следовательно и религией все гуннские племена от Дуная до Волги. И даже то обстоятельство, что этого Буды-Будителя позднейшие христианские авторы сделали, по созвучию Блуду (или Бляду) <...>, показывает, что он был основателем какого-то своего культа. И вот является вопрос: не распространился ли буддизм не из неведомого городка в Гималаях, а из Венгрии на восток в V веке нашей эры?

В последнем случае я мог бы напомнить читателю то, что говорил уже во второй книге «Христа» в главе «Дамаск или Дарметк?». В то время, как Дамаск по-еврейски имеет нелепый смысл «Мешок Крови», слово Дарметк, наоборот, имеет очень подходящий для культурного центра смысл: город Наследственного Правления. И вот во всех случаях, где в библейской книге Царей или в «Пророках» он по-еврейски пишется Дамаск <...>, он же в книге Забытые Дела (Паралипоменон) оказывается Дарметком. Отсюда ясно, что это имя нарицательное, смысл которого просто «Столичный город», не обозначающий его собственного имени, а все признаки его местоположения именно указывают не на Палестину, а на Венгрию, но само собой понятно, что когда Великая Ромея была сослана средневековыми теологами в Палестину, а

Царьград попал в Эль-Кудс (псевдо-Иерусалим), в окрестности Мертвого моря, то и находившийся к северу от Дарметка-Будапешта город Наследственного Правления перекочевал в такое же положение относительно Эль-Кудса, а потом начались всякие ассимиляции его к новой воображаемой местности, и между прочим переселение туда знаменитейшего христианского теолога средних веков Иоанна Дамаскина (т. е. Иоанна Наследственного Правления, 676–777), жившего на один век ранее Карла Великого, которому я приписываю между прочим и евангелие Иоанна, написанное уже на греческом языке. В нем впервые бог приравнивается к Слову, внушающему представление о предмете, и там же впервые мы видим ясный намек на переселение душ, так как автор явно воображает себя возрожденцем непосредственного ученика Христа. Вот это интересное место:

«Обернувшись назад, Петр видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечери, преклонившись к груди его, сказал: «Господь, кто предаст тебя?» Увидев его, Петр говорит (уходящему навсегда) Иисусу: «А он что?»

— Если я хочу, чтобы он существовал, когда я приду (вторично на землю), что тебе до того?

И пронеслось слово между братьями (во Христе), что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему: «не умрет», а только «если я хочу, чтобы он существовал, когда я приду вторично на землю, то что тебе до того».

Этот ученик и свидетельствует, и написал все это (глава 21, 20-24)».

Такое окончание ясно показывает, что автор, который, судя по слогу и идеологии данной книги, мог быть только Иоанн Дамаский, действительно считал себя возрожденцем воображаемого им любимого ученика Иисуса, т. е. пришел к убеждению о переселении душ.

Одним словом, в Буда-Пеште VIII века Иоанн Дамаскин, каким нам его рисуют наши первоисточники, вполне уместен, а в Сирийском Диметке он оказался бы выскочившим как из табакерки с фокусом.

Припомним теперь и общую историю Венгрии в средние века.

Нам говорят, что первоначально она была заселена Славянами, но во время «Великого переселения народов» ее заняли монгольские народы гунны, а в IX веке мадьяры или угры, иначе венгры, будто бы перешедшие из Азии через Волгу, вместе с хазарами и овладели этой страной.

Я не буду здесь возражать против возможности такой перетасовки народов при кочевом быте, а только скажу, что если кочевые народы монгольского происхождения и пришли в Венгрию из средней Азии, то явились они сюда не как по системе какой-либо высшей культуры, а наоборот, сами поддались ей здесь и смешивались со славянским населением и сохранив еще лингвистическую связь со своей родиной, как например англичане и испанцы при переселении в Америку, сами понесли на свою прежнюю родину ту

религию и культуру, которую они заимствовали от Великой РOMEи и от соприкасавшихся с нею и с ними германских и северо-итальянских народов. Но первое, что они могли усвоить здесь, это религиозные верования, т. е. учение о воплощении бога, о его смерти, воскресении, отлете на небо и о его предстоящем возвращении для воцарения на земле.

Христианские авторы относят первые народы-переселенцев еще ко временам Диоклетиана, в конце IV века, что совпадает, с нашей точки зрения, с арианским движением и объясняется резким пробуждением сейсмической деятельности Везувия, отразившемся в Библии в бегстве божия (т. е. по-гречески Зевсова) народа из Миц-Рима, который теологи тенденциозно переносят в глубину веков и кроме того переселяют это прозвище, значащее Высокомерный Рим с берега Тибра на берега Нила. Самое имя этих переселенцев вандалы показывает, что первые вожди их вышли из Вандеи, т. е. из западной Франции, причем к ним присоединились сделавшись активными франкские и германские племена вплоть до реки Одера в современной Восточной Германии до границ с поляками и другими славянскими народами.

Но как же это могло быть?

Ввиду того, что в древности и даже в начале средних веков не существовало еще в средней Европе никаких проторенных постоянною колесною практикою до-рог, все отдаленные путешествия могли совершаться в ней только по течению рек, и мы таким образом можем считать за факт, что из Вандеи в Италию могли пробиться только по течению Луары, перебросившись в бассейн Роны и распространившись по ее притокам, перебраться в бассейн древнего Эридана-Иордана в Ломбардии, а затем уже по берегам моря от устья одной поперечной речки, служившей удобной гаванью, до устья другой, добраться и до Чудесных стран Неаполитанского залива, после того, как более культурная жизнь населения южной Италии потерпела страшный удар от начавшихся в ней местных тектонических потрясений верхнего слоя земного шара, окончившихся наконец страшным извержением давно уснувшего к тому времени Везувия.

Убежавшие на север по тем же водным путям в спокойные страны служители культа вместе с толпами сопровождающего их народа, сначала подчинили эти страны своему оккультному влиянию, а потом, когда все успокоилось и их дети захотели вернуться на чудесную родину своих отцов, они же сами, сделавшись вождями этих полудиких стран, и повлекли их с собою. И замечательно, что и до сих пор близ устьев Луары (?) есть город Святой Назарет <...>, имя, с которым связывается евангельскою легендою место рождения ее «Великого царя». Да и древнее название современной реки По, лишь в новейшее время утратившей в Ломбардии свое прежнее имя Иордан, и самое имя Галии (того же лингвистического корня, как и евангельская Галилея) и имя города Канны <...> Галилейской близ Ниццы, центра виноделия, от-разившегося, как в зеркале, в евангельской Кане Галльской (Галилейской), где Христос претворил воду в вино; все эти лингвистические следы, оставшиеся в языках западноевропейских народов, ведут нас к происхождению христианской религии из Вандеи, от возвратившихся оттуда

на родину детей первоначальных властелинов срединной Италии. И с этой точки зрения исторические предания о нашествии на Италию вандалов, т. е. вандейцев, будто бы разрушивших господствующую до тех пор в ней классическую культуру (по коренному первичному значению классическое колдовство), отождествляют первое «переселение народов» с распространением из Галии–Франции первичного еще архаического христианства.

Потом в IV веке, как нам говорят, — эти «Вандалы» завладели (не столько конечно, массой перекочевавшего населения, сколько своим теократическим влиянием) Силезией и Моравией и даже Панонией (т. е. землей панов – Польшей), а на западе Европы Испанией и, перебравшись через Гибралтарский пролив, прилегающей к нему частью северо-Африканского берега, хотя и следует очень и очень сомневаться, что «Вандальское королевство» Гензериха, относимое в 439 году нашей эры, имело своим центром будто бы неизвестно зачем разрушенный в VII веке арабами мифический Карфаген. Помещаемый на краю Тунисской пустыни и отдаленный от Италии морем и от Испании пустынями, он мог бы быть в указываемом нам для него пункте только убежищем отшельников от мира, или одной из приморских факторий средневековой Ромейской торговли, где жили как в ссылке, а не столицей могучего государства, для которой он совершенно не подходит в стратегическом отношении.

Если король вандалов Гензерих и действительно завоевал (тоже, конечно, теократически) в половине V века Корсику, Сардинию и Сицилию, и даже разорил Рим в 455 году, то он мог сделать это только из так называемого Нового Карфагена классиков,¹ называемого теперь просто Картагенной, и до сих пор процветающего как военная гавань и место значительной торговли на южном берегу Испанского полу-острова. Только отсюда и можно допустить его Римскую экспедицию и все прочее, что ему приписывают. И мы видим, что лингвистические следы прямо приводят нас к тому заключению, что вторжение вандализма из северной и западной Европы в Италию, было только обратное от хлынувшей волной панического бегства туда итальянских теократов и их слуг из окрестностей их потрясенной земными содроганиями и засыпанной вулканическим пеплом родной страны.

¹ Хотя и самое имя Картаген значит Новый Город.

Перейдем теперь и к другой фазе того же псевдо-переселения целых народов. И тут лингвистические следы приводят нас к обратным выводам, чем то, что нам внушают перешедшие в мифы предания наших отдаленных предков.

Первая вандейская волна переселения народов прошла, как мы только что видели, в Италию, Испанию и Африку из Вандеи с крайнего французского запада Европы, а следующая за ней вторая — гуннская или ханская — волна нахлынула на Великую Ромею с Востока в конце IV и начале V века, когда

появился по нашим вычислениям Апокалипсис, и причиной ее опять могли быть только предшествовавшие сейсмические потрясения, в самих единственно культурных тогда Ромейских странах.

Аммиан-Марцеллин, считаемый за историка конца IV века, и Кротонский епископ Иордан-Иорнанд, относимый к VI веку, описывают их внешность по образцу монгольских. Но дело в том, что оба эти автора апокрифичны, их книги, судя по их слогу и идеологии, принадлежат уже Эпохе Возрождения, да и астрономически я показал уже² не существование солнечного затмения, якобы виденного Марцеллином в 360 году нашей эры, что сразу компрометирует и весь остальной рассказ, в том числе монголовидность гуннов. Наш историк Д. И. Иловайский считал их за славян, что много более правдоподобно, а некоторые новейшие исследователи пытались их признать за предков современных венгерцев. Однако все эти гадания были чисто субъективные предположения, так как имя гуннов в последний раз возникнув в конце IV века, исчезает уже в наших первоисточниках в VI, когда они упоминаются в числе других народностей в войске Ромейского полководца Нарзеса, сражавшегося с готами в 554 году.

Наиболее вероятными считают их тождественными с Хун-Ну некоторых летописей, найденных в Китае, и написанных идеографическим рисуночным письмом, так что точное произношение установить еще нельзя. И если уже руководствоваться лингвистическими следами, то здесь мы приходим опять к довольно неожиданным выводам: слово Гунны <...>, Хун-Ну и Ханы очевидно одного и того же корня, но *h* постоянно переходит в *й*, как это мы видим в испанских словах Хуан вместо Иоанн, Хосе вместо Иосиф и т. д. Но ведь от Хуана до Хана не больше расстояния, чем от Карла до Короля. И если от имени Карла произошел титул Короля, то почему же и от Хуана (т. е. первосвященника Иоанна, вернее Иоана) не произойти на востоке звания Хана³? При том же Иоанн (по еврейской транскрипции ЙУН, а при обычном переходе Й в придыхание ХУН) значило просто Иониец, т. е. грек, и с этой точки зрения гуннами пришлось бы считать греков, между которыми к тому времени должно было распространиться апокалиптическое христианство, возвещавшее скорый приход на землю воскресшего Христа и гибель всех земных царей.

² Христос, кн. IV, стр. 354 – 356.

³ Аналогично этому и имя Анна первоначально было Ханна, т. е. Княгиня, жена Хана.

Не будет большой натяжкой, если и имя Иоанн перевести Божий Князь, считая, как и всегда, в именах еврейского происхождения первый слог ИО за сокращение имени Иеговы, остаток АН за потерявшего свое придыхание в средние века слово ХАН (так и Магомет по-гречески пишется Маамет, без

придыхания). Тогда и имя греков ионийцы может происходить от иоаннитов, а не от летающих там горлинок.

С такой точки зрения гунны (или ханы, или яны, или ионы) явились бы только местным прозвищем иоаннитов-апокалиптиков, и все гуннское движение в Европе приняло бы характер распространения апокалиптического христианства, которое, потерпев отпор в Великой Ромее, которая в это время не была обессилена никакими сейсмическими катастрофами, направилось на европейский запад, а потом и за Урал на азиатский восток. С этой точки зрения брат Аттиллы — Будда, может быть действительным, и был изобретателем доменной печи для массовой выплавки чугуна, вследствие чего и город, где он действовал, получил название Буда-Печь, по-славянски Буда-Пещь, превратившееся потом (благодаря тому, что звук *щ* есть *шьч*) в Будапешт, а по-немецки просто в Печь (Ofen), под каким именем он и известен до сих пор у немцев.

Каков же был тогда этнографический состав населения этой страны?

Теперь она на местном своем языке называется <...> — страна мадьяр, по-славянски Угрия, и население ее состоит около 42% из мадьяр, 15% сербов и хорватов, 11% словаков, 2% русин, 4% евреев, 13% румын, 12% немцев, а остальные — около 1% — падают на болгар, албанцев, греков, итальянцев, цыган и т. д. А в религиозном отношении в ней около 51% римско-католиков, главным образом, мадьяр, а из остальных вероисповеданий около 15% православных, около 10% — униат, около 13% — протестантов, около 4% евреев.

Все это разнообразие народностей и вероисповеданий показывает на бывшую сложность и неустойчивость ее религиозной жизни, благодаря разнообразию ее племенного состава, представляющего смесь различных языков, из которых главный, мадьярский, принадлежит к отделу Венгро-Урало-Алтайских языков, по-видимому, представлявших в то время более распространения по Европе, чем теперь.

Главная из его групп — венгерско-финская (финно-угорская). Важнейшим из всех ее языков, по своей культурности и по своей литературе и является венгерский, к которому особенно близко примыкают наречия остяков и вогулов, распространенных по северному Уралу и за ним в Тобольской и Томской губерниях, хотя и отделено от Венгрии обширными пространствами русского языка, распространившегося не иначе как от Балканских славян, и вытеснившего существовавший тут ранее венгерский язык. Точно также отрезаны русским языком от своего венгерского центра и более уклонившиеся от него финляндский — суоми — который, по-видимому, напрасно считают древнейшим и даже исходным в этой группе; эстонский в Эстии, Лифляндский, Лапландский и быстро исчезающие в Русском море островки черемисского между Казанью и Нижним Новгородом, мордовского между средним течением Волги и Южным Уралом, Зырянского, Вотякского и Пермьского, на северо-востоке Европейской России.

Вторая группа Венгро-Урало-Алтайских языков — Самоедская, — распространена в числе четырех наречий по побережьям Северного океана от Белого моря до Енисея принадлежит, как и предшествовавшие, к христианам,

находится еще на самой низшей степени культуры, благодаря свойствам своей страны.

Третья группа Венгро-Урало-Алтайских языков — Тюркско-Татарская, особенно многочисленная, простирается от Балканского полуострова с незначительными перерывами до озера Байкал и реки Лены. Самое развитое и распространенное наречие ее Османли или Турецкое охватывало до конца XIX века, как господствующий язык, всю Европейскую Турцию и Малую Азию, а очень родственное с ним Чувашское наречие, как островок, сохранилось между Нижней Волгой и рекой Уралом. Ногайское наречие употребляется у татар в Крыму и по северному побережью Черного моря, кумыкское на северо-восточном Кавказе, Туркменско-джадатайское и узбекское — в Туркестане, киргизское — в Кашгарии и Южной Сибири, и якутское — по течению Лены.

Четвертая группа этих языков — Монгольская, состоит из собственно монгольского наречия, господствующего в северной части Китая и обладающего своим силлабическим письмом, содержащим псевдо-переводы тибетских буддийских сочинений, и нескольких источников Манчжурского наречия, являющегося вместе с предшествовавшим виднейшим представителем этой группы, так как тоже обладает с 1599 года самостоятельным алфавитом и некоторыми литературными памятниками, Бурятского наречия по Байкалу, калмыцкого, обладающего звуковым алфавитом, к западу от него, и из разных тунгусских наречий, охватывающих Северо-восток Азии от Енисея до Тихого Океана, и от Ледовитого океана до Центрального Китая.

Эти четыре главные группы этих языков имеют мало созвучных слов, и их сходство проявляется главным образом в общности грамматического строя, но наречия внутри каждой группы, за исключением первой — Венгерско-Финской, — настолько мало разнятся друг от друга, что не мешают взаимному пониманию; это то же, что, например, верхне-немецкий и нижне-немецкий, русский и украинский.

Обыкновенно думают, что каждая родственная группа языков распространилась из той страны, в которой господствует самое простое его наречие, но нет ничего ошибочнее такого допущения. Большинство шансов за то, что широко распространяющийся язык зародился именно в той местности, где он успел достигнуть наибольшей сложности. Пример этого мы видим, например, во Французской Канаде, где почти консервировался французский говор XVIII века, или в Исландии, в которой сохранились скандинавские саги, уже забытые в своей родной стране. Так и во всех других отношениях.

Что же касается до умственной культуры, то распространение ее из более культурных в менее культурные страны, а не наоборот, казалось бы, не требовало совершенно никаких доказательств, и если мне в подтверждение такого естественного закона пришлось здесь написать восемь томов, то исключительно потому, что прежние авторы как бы загипнотизировали нас, и потому невозможное стало казаться нам не подлежащим никакому сомнению или возражению, которое только раздражает, а не убеждает.

Вот, например, хотя бы и в настоящем случае. Мы видим, что всякая религия

развивалась вначале лишь в определенном лингвистическом бассейне. Так, католицизм, начавшись в Риме, как в культурном центре, охватил сначала страны с романскими языками: Италию, Францию, Испанию. А когда он перебрался в чуждые лингвистические бассейны, то вслед за тем, как развилась в достаточной мере их национальная культура, он был отброшен, дав начало новым, более совершенным культурам протестантского характера. Так и восточное православие распространилось сначала преимущественно среди народов славянского лингвистического бассейна, и тоже из своего центра — Великой РOMEи, которая в средние века имела полуславянское население, захватив вместе с тем и сравнительно ничтожную территорию греческого языка.

Но вот явилось магометанство со своим Кораном... Казалось бы и оно, как охватившее весь тюркско-татарский лингвистический бассейн, культурным центром которого была Малая Азия, должен был оттуда получить первичный импульс своего распространения и по линии наименьшего сопротивления устремиться на восток, а нам говорят, что дело было наоборот, и он пришел в Малую Азию и завладел из нее самим Царьградом, начавшись в Аравийской пустыне, и мы верим этой нелепости.

Возьмем теперь и Буддизм. Ничем не подтверждающиеся сказания, стоящие на уровне мифов, постоянно переносящих место действия своих героев если не прямо в заоблачные страны, то всегда за тридевять земель в тридесятое царство, говорят, что он явился из засыпанных снегами ущелий поднебесных Гималайских гор и возведен там, по образчику евангельских сказаний, воплотившись богом со славянским именем Будителя (Буды⁴). Ученые европейские теологи, приезжая в Индию, давно искали этой местности, но не нашли до сих пор, и ограничились субъективными предположениями. Не нашли ее и современные географы и этнографы. Очевидно, что там и не было родины основателя буддизма, и ее приходится искать где угодно на земном шаре, даже и очень далеко от главных областей современного буддизма, так как на своей первоначальной родине он мог давно смениться другою высшею религиозною формою, чем был при своем начале. Ведь даже и в отдаленных странах — Монголии и Тибете — он мог сильно усовершенствоваться с тех пор, как туда впервые пришел.

⁴ Европейские ученые, пользуясь своей однобокой латинской азбукой, пишут это же, но уже овосточившееся славянское слово начертанием <...>. Но тут совсем не слышится двойное Д, а только надеялись этим способом приблизиться к гортанному восточному произношению звука А в конце этого слова, которое хорошо помнят те жители Москвы и Петербурга, когда старьевщики и татары ходили по дворам покупать поношенное платье, причем кричали: «халат, халат!» Это произношение «а» вы легко установите, если будете выкрикивать этот звук не раскрыв широко рот, одним горлом.

Мы ищем по всей земной поверхности какой-нибудь культурный городок, который сохранил бы такое имя для своего основателя, и вдруг находим только одно: в Венгрии, и притом с прибавкой еще знаменательного прилагательного: Пещь по-славянски и Offen по-немецки с тем же значением.

Для всякого ясно, что такое исключительное название города не могло появиться без особо важных причин, и потому оно может быть более надежным руководителем наших размышлений, чем всякие «свидетельства древних», большею частью служащие доказательством их собственного неведения и необразованности. А в данном случае мы можем смело сказать, что «Пещь Будителя (Буды)», брата гунна Аттилы, вокруг которой образовался крупный промышленный город этого же имени, была не какая-нибудь доменная обыкновенная печка, а нечто грандиозное и небывалое до тех пор, вроде той «Огненной печи», в которую по библейской книге Даниил был брошен этот пророк вместе с тремя товарищами, но все же не сгорел.

Все эти признаки «доменной печи» для массовой выплавки чугуна из руд, какие действительно возникали в этих местностях в средние века.

Хронологическая связь этого события с пиром Вальтасара, бывшим уже в следующем поколении, и с появлением во время него на небе кометы «Огненная рука», написавшей на небе грозные слова: «Мен-Мене, текел у Парсин», т. е. Измеритель измерил: Весы и Персей, — позволяет установить даже и приблизительно дату этого события — по летописям, найденным в Китае и приведенным в VI томе моего исследования кометы с необычным путем от Змиедержца-Измерителя, к Весам и Персею — были только два раза в 568 и 837 годах, и первый случай был действительно во втором поколении после библейского рассказа. Возможно ли подумать, что «Огненная печь» Навуходоносора и была не в Месопотамии, а в Буда-Пеште?

В таком случае и истолкование, которое дал автор пророчества пути этой кометы: от Весов к Персею «твое царство по небесному суду перейдет к мидянам и персам» — приходится перевести: «к мадьярам и франкам», так как старинное название французов было парисы, откуда и их главный город Парис. Так и русские когда-то назывались московитами, одноименно со своим главным городом,⁵ а интереснее всего то, что в самой Азии, куда теперь относят «персов» и «мидян», нет и следа таких стран, а известны только Иран и Ирак, как жители называют ту страну, в которую теологи Эпохи Возрождения сослали действительную тогдашнюю Персию — Францию, а себя наши азиатские псевдо-персы между Каспийским морем и Аравийским заливом называют только <...>.

⁵ Слово «парисы» употребляется и в Библии (ПАРИДЗИ), но переделано в русском переводе в Ферезеев, а мидийцы (МДИ) того же корня, как и Мадьяры.

Таким образом лингвистические следы, а также и мифы, которые не будут

никогда понятны, пока мы не приведем их в связь с лингвистическими корнями имен их действующих лиц, указывают нам на Буда-Пешт, как на первый металлургический центр, благодаря постройке на этом месте первой доменной печи. Руда для нее могла обильно приготавливаться из Венгерских Рудных гор и из других мест, так как вся эта страна славилась в средние века своими рудами. Это же обстоятельство должно было в свое время сделать Венгрию центром промышленной культуры, пока усовершенствование методов выплавки, открытие новых богатых рудников в Богемии и Эльзасе и истощение собственных не отодвинули ее на второй план. Но с развитием промышленных центров неразрывно связан и подъем умственной культуры, которая в средние века, благодаря еще зачаточному состоянию естествознания, была еще неразрывно связана с мистикой, а потому было бы даже странным подумать, что Огненная Печь Буды-будителя не пробудила действительно всю эту местность к умственной жизни, основное свойство которой, как и ее носителя «Слова», есть стремление распространяться во все стороны, огибая непреодолимые преграды.

Мы видели уже, что население этой страны и до сих пор очень смешанное, с преобладанием мадьяр, говорящих на Венгерском языке, принадлежащем к семейству Венгеро-Урало-Алтайских языков. Поэтому вполне естественно, что и умственный подъем, начавшийся в этой местности, должен был распространиться на Восток, по побережьям Черного моря, где тогда было преобладающее татарское население, и оттуда через Кавказ, киргизские степи в Монголию.

Но для того, чтобы эта гипотеза обратилась в теорию, необходимо показать, что и по основной своей идеологии буддизм выводится из апокалиптического христианства, нисколько не отвергая при этом его дальнейшего самостоятельного развития, и даже его приспособления к существовавшим до него в тех странах местным культам. Уже один переход какой-либо религии в бассейн другого наречия вызывает ее апперцепционное восприятие местным населением.

Глава XI

Суд над буддийской душой.

Буддистские демоны Чой-Жил и Эрлик-Хан.

Буддистский ад.

Представления буддистов о состоянии души после ее разлуки с телом являются, в сущности, лишь вариантным усложнением христианских. Не надо только смущаться разностью названий, неизбежно при переходе тех же представлений в чужие лингвистический бассейны.

Душу окружают два ряда духов, аналогичных христианским ангелам и демонам. Одни имеют сурой вид, другие — прельстительный; одни сыплют ласки и обещания, а другие едва достаивают взглядом. Но горе душе, которая поддается лести, искусители совращают ее с верного пути и заставляют платиться столетним страданием.

А если душа умела победить их искушение, то мнимо суровые, но по существу добрые духи (номун сакигулсан) берут ее под свое покровительство и препровождают к богу милосердия Ариаболо, который в свою очередь представляет особому роду сатаны, Чойжилю, иначе говоря, Эрлик-Яомунхану, для суда.

Чойжил стоял когда-то во главе падших ангелов Тенгеринов, и был самым могущественным из них. Для укрощения его бог посылал много Докшитов, но ни один из них не мог его одолеть. Наконец дело поручено было Уранманджуширу. У него было 36 рук и 16 ног, он разом загородил ими двери и окна Чойжилевского железного дворца. Пленный Чойжил дал клятву покорности и обещал быть правосудным, а в память этого своего обязательства должен был принять новое имя Номун-хана и атрибуты — зеркало и весы. Но при всем полномочии взвешивать дела каждого, и затем отправлять его в царство света или в преисподнюю, служит для всех буддистов предметом ужаса.

Суд над душой продолжается у него сорок дней, при защите доброго бога Арабола и всех богов, которым душа в жизни угодила. Но все же решение ее участи зависит от одного Номун-хана. Он тщательно рассматривает дела души и наконец ставит ее перед зеркалом, способным отражать в себе не только внешние формы, но и самые сокровенные свойства. Познанная всеми таким образом, сама себя познавшая, душа выслушивает его приговор, и вслед за тем увлекается невидимую силою на один из путей, идущих из дворца Номун-хана. Один приводит в ад, другой к мытарствам, третий к перерождениям и четвертый в царство Сукавади.

Ад — тамо, делится на две части, в одной из которых горит вечный огонь, а другой царствует цепенящий холод и тьма. В одной от жара даже горы тают, как воск, а в другой они растрескиваются от холода.

Благодаря отсутствию печатного станка и канонизированных описаний, подробности его разнообразны в разных описаниях.

Так, по сказанию Мени-Гамбума, в нем есть 16 отделений: в 1-м отделении грешник предается в жертву разных чудовищ, в том числе и птицы Гаруды. Во 2-м отделении орудием наказания служат две черные горы, непрестанно то сближающиеся, то расходящиеся, снова и снова захватывая грешника, и сокрушающие кости его. Сами же горы имеют сходство с бараньей головою. 3-е отделение походит на огромную железную наковальню, и на ней осужденные раздробляются молотом по частям. В 4-м хищные птицы и всякие гадины с ненасытной алчностью нападают на пришельца и объедают его тело до костей. В 5-м отделении распиливают грешника. В 6-м отделении все женщины тысячекратно перевариваются в кипятке. В 7-м растянутые и пригвожденные по рукам и по ногам грешники, особенно злоязычники, подвергаются обжиганию со всех сторон. В 8-м отделении огромный ястреб прежде всего выклеывает у несчастной жертвы глаза, а потом рвет ее когтями по частям. В 9-м его колют железными иглами. В 10-м железная птица — Угули, терзает его когтями и потом пожирает и тело и кости. В 11-м орудием казни служит камень, похожий на корову, которым грешнику на раскаленной плите размозжают голову. В 12-м являются чудовища, в добычу которым достаются человеконенавистники. В 13-м не перестают действовать плиты и

наковальни, камни и молоты для кары проливавших человеческую кровь. В 14-м казнь совершается чрез переваривание в запертом котле. В 15-м отделении господствует невыносимый холод, от которого тело покрывается пузырями и расседается. В 16-м так плохо, что скрежет зубов, соединенный с воплями, не могут заглушить один другого.

Читатель видит, что описание это просто мозаично и явно случайно в своих деталях, показывая еще детскую фантазию. Но не такие ли слышали и мы от наших «учителей закона божия»?

Другие описания, не касаясь этих 16 отделений, говорят, что весь ад состоит из главного ада Аюстамо, т. е. геенны, предназначенного для виновных в смертных грехах; за геенною следует пять узилиц, где томятся виновные в грехах близких к смертным, а остальные отделы занимаются учинившими черные грехи.

Аюстами, — говорят, — содержит восемьдесят тысяч квадратных миль. Огражденный железными стенами, он наполнен массою расплавленного чугуна, в котором плавают грешники, то погружаясь до дна, то всплывая на поверхность. При каждом погружении тела сгорают до костей, а с каждым всплытием возрождаются, чтобы опять гореть и опять возрождаться для новых мучений! А продолжительность таких мучений определяется 8 кубическими сажнями мелких зерен, которые вынимаются из огромного сосуда, по одному чрез сто лет.

Случается, что несчастные, завидев изнутри открытое наружу горло ада, мчатся к нему толпами в надежде убежать. Но ад, надсмеявшись над узниками, с ревом и клокотом сживает над ними свою пасть, присоединяя к ужасам мук еще и ужасы отчаяния.

Сказанное относится и к прочим 15-ти отделам ада, с тем лишь ограничением, что мучения в пяти ближайших к Аюстамо — вдвое, а в остальных десяти отделах — втрое легче и короче. И все это находится прямо под нашими ногами в средоточии земли.

Другая дорога из дворца Эрлик-номун-хана ведет к предназначенным для очищения тех грехов, которые входят в категорию слабостей. А так как человеческих слабостей 48 тысяч, то и мытарства разделены на такое же число частей.

Одни из них расположены в ярусах земли, на пространстве между адом и миром перерождений, почему и называются переходными и составляют поистине скорбный и тесный путь для души. Бедная странница не только подвергается здесь разным злоключениям, но даже иногда принуждена бывает вытягиваться в нитку, чтобы пройти сквозь какие-либо расщелины.

Другие мытарства проходят, где все по внешности изумляет, все располагает к покою и радостям. Душа видит здесь пред собою те самые предметы, которые некогда льстили ее самолюбию или питали в ней чувственность, она встречается со старыми своими друзьями, готовыми ко всяким услугам. Она уже думает забыть свое тысячелетнее горе и освежиться с ними у тихо журчащего ручейка. Но вдруг оттуда вместо ручья, видит, выходит гнездо шипящих змей; протягивает руку обнять любимого человека, — и обнимает

чудовище; хочет усесться под тенью дерева — и садится на горячие угли.

Все это придумывают ей стихийные духи в качестве карателей за злоупотребление ею внешними чувствами. Они лукаво проводят душу из одного мытарства в другое, то манят, то пугают, то тешат, то делают ее жертвою всякого своего коварства, пока, наконец, обессиленная потрясениями, но вместе с тем и очищенная, душа погружается в бесчувствие, чтобы снова пойти за пределы своих мытарств, в мир перерождений.

А каково же перерождение и переселение душ?

По буддийской психологии, души разделяются на вещественные и духовные. Вещественные зарождаются вместе с телом под влиянием теплоты и влаги и действуют механически по власти тела, и с разрушением его уничтожаются.

А высшие души не имеют ничего общего с материею, они вселяются в тела из внешнего мира и, руководясь законами своего ума, совершают вековечный кругооборот перерождений.

Но это не потому, однако же, чтоб такова была первоначальная воля судеб, но благодаря своим злоупотреблениям, которые сделали первичную душу принужденною терпеть перерождения в сфере человеческого рода, и даже переселения в сферу низших существ.

Так, гордым готовится уничтожение после перерождения среди людей. Корыстолюбцы станут томиться голодом и жаждою. Ленивых и нерассудительных ожидает переселение в тела бессловесных тварей. Изуверы и все развращенные сердцем не могут избежать участи демонов Ирчагинов и подобных им существ. То же должны испытать на себе и шаманы.

А если человек сумел обесилить в своем сердце корни зла и насадить в нем семена добра, в таком случае он поднимается путем счастливых перерождений все выше и выше к нравственному совершенству. Ступени этого восхождения многочисленны: но вот важнейшие из них.

- 1) Возрождение в правой вере после рождения в области неверия.
- 2) Возрождение без прежних недостатков душевных и телесных.
- 3) Возрождение, сближающее с мудрыми наставниками.
- 4) Возрождение, дающее возможность слушать уроки закона.
- 5) Возрождение способным к изучению закона и к внедрению его в своем сердце.
- 6) Возрождение способным к исполнению законов веры.
- 7) Возрождение на ступени вождя и учителя истины.
- 8) Возрождение, дающее человеку возможность пребыть до конца своей жизни свободным от всякого греха.

Счастлив тот, кто взошел на эту высоту: он перейдет потом прямо в царство Сука-вади.

Это царство очень далеко от земли. Расстояние его определяется тремя

тысячами великих тысяч замирового пространства. Но несмотря на такое расстояние, оно очень похоже на христианский рай, как он описан в Апокалипсисе под именем «Нового Иерусалима». Его украшает священное дерево. Он освещается огнем божественной премудрости, согревается теплотой праведности. В нем вкушают только духовную пищу, пьют из источников, исполняющих всякое желание, там не стареются и не умирают, и не знают иных путей, кроме пути правды. Там жилище духов-богов покоя и владычество того, кто обитает в бесконечном свете и совмещает в себе десять сил мира, четыре естества и восемьдесят доброт, никогда не насыщающих собою зрение.¹

¹ См. Мани Гамб., т. 1, л. 1 и д.

Но несмотря на такое отдаление, земной мир не перестает быть видимым оттуда. Но какое это зрелище! Наши жилища похожи оттуда на змеиное гнездо. Вся земля похожа на геенну, дым и пламя которой, усиливаемые непрерывно испарениями человеческих дел, поднимаются до неба и нисходят до последних глубин земли.

В преддверии царства Сукувади приветствует душу живой благоуханный цветок — бадма линхова, такой прелестный, что при одном взгляде на него забыты все житейские испытания. И если душа принесла с собою в райский мир хотя бы тень какой-либо слабости, то цветок разворачивает перед нею свои дивные листья и, приняв ее в них, дает ей возможность, очистившись, облагодухаться, как он.

Обновленную душу встречают в раю служебные духи — ангелы христиан и, приняв ее с радостными кликами, провожают к подножию престола, поддерживаемого восьмью львами.

Восседающий на престоле Абида, — соответствующий христианскому богу-отцу, — увидев переселенку, ниспосылает ей слова утешения и назначает место, сообразное с ее достоинством.

Там она и остается навеки. И лишь некоторые, особенно «великодушные души» для общего блага не останавливаются долго на указанной им степени блаженства и, возвращаясь на землю, начинают новый ряд перерождений в лице таких особ, как Далай-лама, Баньчень-богдо, и все митрополиты-Хутукты. Души таких перерожденцев не принадлежат уже земному миру, но служат для него указателями божьей воли.

Таково общедоступное учение «культы пробужденных», а что из него сделала новейшая фантазия индийских толкователей, вспомоществуемая европейскими философами, увидим далее.

Глава XII

Буддийские боги и их отношения друг к другу и к людям.

Буддийское богословие различает богов и богинь, полубогов и гениев и делит их не только по личному значению, но и по их отношению к классам других существ.

Но в общем в разных книгах нет согласованности.

Христианская троица обратилась в некоторых книгах уже в пятерицу наивысших небожителей, в богов Венца, размещающихся таким образом: посередине этого небесного венца видит Бирюзана, вроде святого духа, перед ним на восточной стороне — бог-отец Аб-ида, но уже по-видимому вочеловечившийся наполовину; на западной — Очир; на двух остальных странах света — Радна и Амога. Они, — говорят нам, — все начинают и все совершают, они образовали мир и родили человека.¹

Как свет огня тысячекратно отражается в кристаллах, так существо Аб-Иды, при единичности его божеской природы, проявляет себя в бесконечном множестве своих епископов-перевоплощенцев, не изменяя тождеству, а тем более не нарушая своего покоя, невозмущаемость которого составляет неотъемлемый и вечный удел божества.

В слове Аб-Иды — бога-отца — заключается источник жизни; чрез него божественные повеления распространяются по всему миру, переходят из рода в род и из века в век.

Мысль Аб-Иды всемогуща. К чему он ни обратится, все ей покорствуется. Ум Аб-Иды всеобъемлющий. Отец богов, он все видит, все знает, в настоящем, прошедшем и будущем. И направляя ход мировых событий к высоким своим целям, дает всюду чувствовать безмерную силу своей премудрости.

О совершенствах бога-отца Аб-Иды дают понятие приписываемые ему Буддийскими книгами эпитеты: безначальный, всевышний бог, зиждитель всех миров, вмещающий в себе бесчисленные века, всевидящий и вседействующий, насадитель добра и виновник всякого бытия, все содержащий и все объемлющий своей властью.

Книга Манин намтар говорит о нем: «легче исчислить небесные звезды, чем определить свойства божии. Удобнее поэтому разложить всю землю, чем постигнуть премудрость божию. Легче пересчитать капли 12-летнего дождя, чем определить меру благотворительности хотя бы одного из его шести священных слов».²

Все это мы встречаем и при определении бога-отца у европейских теологов эпохи Возрождения и новейшего времени, например у Абельяра, и мы знаем из всего хода развития европейской теологии, что они выработались на Западе Европы самостоятельно и перешли на Восток. Отсюда ясно, что и далее они могли проникнуть только через Византию.

Во внимание к таковым достоинствам бога-отца Аб-Иды и того, что все обители блаженства находятся в его непосредственном распоряжении,

буддисты. Несмотря на множество своих богов, как и христиане, не смотря на множество своих святых и ангелов, в важнейших обстоятельствах жизни обращаются к нему. Так, при похоронах, у них уныло поется стих: «Божественный Аб-Ида! По милости своей наставь на путь усопшего: ибо у тебя одного место упокоения». ³

¹ Санан цецен зокиаксан Ном; Чихула кереглечи стр. 3, стр. 48. Космос Будды в книге Ковалевского, § 43.

² Мани Гам и Манин намтар.

³ Згерелун орон босот-тор угей болай нигуласкуй-бер удоридун соирха, лама Абида!

В храмах изображения его занимают почетнейшее место, но его представляют уже, как и у христиан, воплотившимся в человеческий образ. Огневидный Будда Аон восседает на престоле, полуприкрытый багряною хламидою. На голове у него черная скуфья, а в руках чаша, служащая эмблемой блаженства, которое вкушает он и которого удостаиваются все приходящие к нему. Это отражение причастной чаши восточных христиан.

После пятерицы богов венца, следуют семь мироправителей, аналогично семи ангельским чинам христиан. Как у христиан, имеются ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, господства, власти и силы, так и у буддистов, но они уже персонифицированы в виде отдельных лиц. Шиги, Бисваво, Диван-гара, Пана-гамони, Гарга-сонди, Гашиба и Шинг-муни. Последнему из них — Сакья-Муни индусов — поется между прочим:

«Поклоняемся богу Шигемуни, который пришедши в мир, одержав над врагами своими решительную победу и низложив их, достиг истинного совершенства». ⁴

Однако, сказание о Шиге-муни, т. е. о главном «будителе» (Будде) полны противоречий и нелепых вымыслов.

Современные европейские ориенталисты думают, что он не чисто мифическое лицо, и существовал лет за тысяч до рождения Христа, так как начало буддийского летосчисления, ведомого от Шиге-муни, падает на этот период времени.

Считают, что он был, как и Христос христиан, царского рода, что род этот был весь истреблен буддийским царем Иродом-Вируддаком и одному Сиддарте (так звали Будду) удалось найти спасение (как Христу) в бегстве, но не берега Нила, а на берега реки Пираджаны. Его скитальческая жизнь, — говорят нам, — не могла не расположить его к созерцанию и даже к аскетизму. И общество,

основанное им, вначале было ни что иное, как братство шестнадцати нищенствующих людей, решившихся быть вечными странниками апостолами и лишь потом, с течением времени, внешний и внутренний характер этой компании стал изменяться и самая теория буддизма, сделавшись отвлеченнее, дала повод к возникновению различных толков и разделению поклонников Будды на секты.

В лице Будды, первого периода — хананы, виден, — говорят нам, — человек, умевший освободить себя от уз житейской суеты; но человек этот еще не властитель мира и не делается таким по смерти. Будда второго периода — Махаяны — уже в общении со всеми мирами; он и по смерти удерживает свою личность и свой авторитет; только начало жизни его не простирается вдаль, и это обстоятельство еще сближает его с обыкновенными смертными. И наконец, Будда последнего — мистического — периода, является существующим уже с незапамятных времен и от начала времени удерживает за собой божеские права и атрибуты. ⁵

Но это же мы видим и в развитии христианства, начиная с IV века нашей эры. Однако, есть еще и другой параллелизм.

Первый период, — говорят нам, — ограничиваемый почти одним столетием и представлял просто патриархат. Другой период был время спора. Тут предпринимались как у христиан, соборы, разбирались противоречия и старались о сближении враждующих партий. В третьем периоде каждая из 18 школ, удерживая свои отличительные черты, продолжала существовать вплоть до соединения в две главные ветви Байбашиков и Саутрантиков, вроде восточной и западной церкви, из которых впоследствии образовалась новая система, известная под именем шахаяны или нового реформированного буддизма.

**4 Иладжу тегус нукчиксен,
Тегунчилен ирексен,
Даии дароксан,
Унен тегус тогулаксан
Бурхан Шинемуни-дор <....>**

⁵ Васильев, ч. 1, стр. 12.

⁶ Васильев: Ханаяна, или первоначальный буддизм, ч.1, стр. 9—32.

Шигемуни, — говорят нам, — умер 80-летним стариком и тело его было сожжено.

Подобно тому, как Христос разными народами изображался по их образу и одеянию, так и Шигемуни изображается монголами желтым и в желтом жреческом одеянии, но все же с чашею в руке. При нем находятся, в качестве

ассистентов, двое из ближайших его учеников Ананда и Собади, соответствующие Петру и Иоанну. Они держат по жезлу и считаются один глашатаем его, а другой скорописцем.

К этому же разряду покровителей человеческого рода причисляются Бодисады, нечто вроде архангелов, которые, хотя и не достигли еще достоинства Будды, но как богорожденные расположены ко всякому добру и всегда готовы оказывать людям помощь и услугу.

Затем идут такие боги, которые могучи, но не близки к человеку; и более грозны, чем благотворны. Это Ормузда, Бимала, Шақджин, Октаргойн и Эрлик-хан.

Первый из них правит духами-тенгеринами, вроде гениев, а второй духами асуринами, вроде гномов. Ормузда, с 33 почетными тенгеринами, обитает на вершине великой горы Сумберы. Бимала в пещерах под этой горою. Шақджин господствует вообще над бессловесными тварями. Октаргойн над биритами, а Эрлик-номун-хан, иначе Чойжил, распоряжается в аду.

Этот Плутон всегда имеет пред собой зеркало, отражающее все тайности человеческой души, и весы правды, показывающие истинную цену каждого дела, слова и человека. Ничто не может от него укрыться, не может быть забытым. Все содеянное человеком записывается у него с величайшей точностью. Когда душа предстанет перед ним, Чойжил смотрит, где большинство ее дел — на белой или черной стороне его скипетра. И по этому решает ее жребий. И когда он это сделает, тогда сила неотвратимого рока несет душу, как пылинку, в определенную ей сферу; и там начинает она ощущать последствия прежней своей жизни и вступает в очередь новых превращений. Одна лишь чистая добродетель не подвластна таковому влиянию судьбы. Тогда душа минует царство Чойжила.

Многочисленны духи всех миров, стран и мест, духи всякого вида и рода. Из них тенгерины бывают и добрые, и злые. Они обитают на великой средиземной горе Сумбере и вообще в горах, лесах и в воздухе. Между ними бывают и архиепископы.

Хубилгары — понимаются вообще в смысле перерожденцев и патриархи, Хутукты, Брадигабуты и Бутхалисы — души святых, прославившихся добрыми делами и подвижничеством, и Шанараны — такие существа, которые удостоились слышать глаголы премудрости из уст самого Будды и которые потом исполняли или исполняют на земле должность посланников и проповедников. Ими на том свете чаще всего делаются буддийские жрецы; но первенство остается за 18 учениками Шигемуни.

В мире духов летают Бодисады и Махасады, считающиеся как бы полубогами, и Будды или Бурханы — верховные и блаженнейшие существа.

Что касается до происхождения этих существ, то за исключением высших, все прочие рождены белыми и зелеными сотворенными первично богом женскими духами Дарами, которых считается 42, и они составляют что-то среднее между богом и людьми как существа телесно-духовные.

Следует отметить, что все главные духи при своем сотворении клятвенно

клялись перед Абидою быть верными исполнителями его воли. Ормузд дал обет погашать в тенгеринах всякий нечистый помысел. Рахули обещался удерживать асуринов в указанных им пределах и споспешествовать им на пути перерождений. Шигемуни принял на себя заботу о человеческом роде во всех обстоятельствах жизни каждого — от колыбели до гроба. То же сделали и прочие боги.

О горе Сумбаре (Сумэру, мэру) часто упоминается в буддийской мифологии. Ее называют царицею гор и средиземною горою. Но никто ее не видал. Книга Кайба джумнейн-даг-ик (гл. III) сообщает, что она в мире стихийном имеет в высоту 100 тысяч беров и на 80 тысяч погружена в бездну вод. Она четырехсторонняя из четырех ярусов и около нее совершают свое течение солнце и луна. В первом ярусе Сумбера обитают якчисы, держащие в своих руках какие-то сосуды с вином; во втором якчисы с четками, в третьем якчисы, вечно пьяные, в последнем четыре Махаранзы; — наконец, на самой вершине живет Ормузда с 33 избранными тенгеринами. По всему этому описанию, как будто нельзя даже и сомневаться, что буддийский Олимп существует лишь в воображении. Однако и тут нашлись верующие. Так Паулинус считает гору Сумбер за Гималаи и в подтверждение своей мысли говорит:

<.....>

А ламы нового времени уже догадались, что тут «разумеется вся наша планета».

Прибавлю еще о падших тенгеринах. Сюда относятся: якчисы-сторожевые. Рачисы, составившие собою души женской половины человеческого рода. Асори — племя буйное и, наконец, гандаги, гинари, махараки, маноки и амоноки — глубоко падшие, из которых произошли бессловесные твари и адские злополучнейшие существа.

Верный своему назначению тенгерин получает по мере своих заслуг высшие совершенства, может возродиться человеком и открыть себе путь во все блаженные страны. В противном случае он выпадает из эфирной сферы, теряет свой блеск и силу и становится жертвою уничижительных перерождений и переселений, например, в асурина.

Асурины эти входят в категорию злых духов и считаются виновниками многих несчастий, случающихся на земле. Самые тенгерины не имеют от них покоя, так как асурины ни о чем столько не хлопчут, как о похищении у них нектара. С этою целью они ведут с ними непрестанную войну, вынуждающую иногда самого Ормузду принимать лично в ней участие. И это не простая догадка: наши бури и громы служат для нас ее вестниками. А окончательная победа добрых гениев над злыми будет лишь тогда, когда в нашем мире нравственное зло окончательно сменится добродетелью.

Шмидт справедливо выводит буддийское учение об Ормузде, с его 33 ассистентами, из Зороастрова учения. А Ормузде он видит персидского Ормузда, а в сопернике его Рахуле — Аримана. Что же касается до войны асуринов с тенгеринами и с царями драконов, то желающий получить о ней понятие, может прочесть отрывок из Чухула каленлекчи, содержащийся в Буддийском Космосе Ковалевского 8. 21.

Теперь мы дошли, наконец, и до людей. Люди относятся к третьему классу существ. В жилище им предоставлены обширнейшие страны, обнимающие собой Юг, Восток и Север. Южные страны представляют круг, окружность которого равняется шести с половиною тысяче миль и рост тамошних людей всего 4 локтя, а век их не подчинен определенному закону. Восточный отдел треугольный, и занимает пространство на 6350 миль. Люди там вдвое больше ростом, чем жители южных стран и живут по 250 лет. Северный, худоголосый отдел есть квадрат в 8 тысяч миль и люди живут в нем по тысяче лет, а ростом они в 32 локтя! Да и природа каждой из этих стран света необычайна. Так, дерево Дзамбудаши — достояние Юга, и произрастая на море, называемом Мапама, производит дивные плоды. Когда его плод падает в море, то слышен звук «дзамбу», от чего и самая страна получила название «Дзамбу тибя». Цар драконов Ногон-риджа употребляет часть этих плодов в пищу, а остальные превращаются в золото реки Дзамбу.

Другое дерево Галбарбарас растет между Северной и Восточной страной света. Оно высится на 100 миль и своими ветвями покрывает площадь в 50 миль. Ему свойствен дар слова. Но к сожалению это дерево только тогда начинает говорить, когда нужно предсказать человеку его близкую кончину. Кроме этих деревьев, в мире нашем есть много и других диковин. Есть в нем алмазные дворцы, есть поля, унизанные как бисером, горами золота, есть озера, вечно покойные и произрастающие царя цветов Линхову.

Бессловесные духи причислены к низшему отделу одушевленных существ. Наибольшая и самая почетная часть их обитает в морях. Во множестве водятся они на западе земли, где имеет пребывание свое и верховный их властитель. Остальные рассеяны в разных частях света и поставлены в большей или меньшей зависимости от человека. Очень несчастны из них бириты, влачащие свою жизнь в преддверии ада и представляющие собой жалких тварей. У них желудок с гору, а рот и горло с игольные уши, и при такой чудовищной несоразмерности частей своего тела, им нельзя утолить ни голода, ни жажды. Да и проглоченные ими капли внутрь их превращаются в смолу и огонь. А по другим достоверным сведениям их положение еще хуже.

В Буддийском Космосе, переведенном профессором Ковалевским (§ 33) о биритах мы находим между прочим следующее:

«За пятьсот миль под городом Раджагриха находится город биритов Кабали, в котором имеет свое пребывание верховный их повелитель Номун Эрлик, с 36-ю сподвижниками. Там одни не могут ни есть, ни пить, у других, если захотят принять пищу, рот делается так мал, как игольные уши, а горло как волос; если же они все-таки успеют принять пищу, то чрево их, сделавшись подобным горе, ничем не может быть насыщено, а если наполнится, то их ноги делаются тонкими, как спичка, или как трава (ковыль) и они не могут поддерживать всей его тяжести. Обыкновенную же пищу биритов составляют искры раскаленного чугуна, от которых у них горят все члены. Рассеянные в жилищах людей, они часто принимают на себя вид каких-нибудь чудовищ. Жизнь их продолжается до 500 лет, считая каждый наш день за месяц. В них переходят души завистливых людей, не подающих милостыни.

Соседнее с биритами адское царство состоит из разнороднейших существ, главными местопребываниями которых служат ад, земные пропасти, пустыни, горы, леса, воды и даже жилища людей. И чем они ближе к человеку, тем более они стараются наблюдать за его действиями и направлять их, по возможности, к дурным своим целям».

Таковы понятия священных книг буддизма о живых духовных существах. Но ведь это только разноименные вариации тех же русалок, домовых, леших, чертей, бесов, ангелов-хранителей в славянской мифологии, и их аналогов в классической мифологии. Кто же у кого заимствовал?

Посмотрим теперь, какую представляется в буддийском мировоззрении и природа.

Вот, для примера, отрывок о небесных телах и о явлениях, происходящих в нашем мире.

Солнце, — говорят нам они, — состоит из огненного хрусталя, и в поперечнике оно имеет 31 милю, в окружности 133, в толщине с лишком 6 миль. Движение его зависит от воздуха, гонимое которым, оно обходит страны света. Оно предоставлено в жилище тем из духов-тенгеринов (ангелов), которые известны под именем сынов солнца, и блаженствуют там в великолепных дворцах, на севере — в золотом, на востоке — в серебряном, на юге — в лазоревом, на западе — в хрустальном.

Луна в себе никаких огненных элементов не содержит и состоит из хрусталя. Толщиною она равняется с солнцем, а в поперечнике меньше его на одну милю. Во всех же других отношениях она даже превосходит солнце; изобилует чистейшими водами и дивными растениями.

Звезды похожи на луну, но по величине не могут идти в сравнение с нею. Их 285 миллионов, самые большие из них величиною в три тысячи, а меньшие в пятьсот луков. И как ни велико их число, но все они заселены сыновьями и дочерьми небожителей.

Весь мир наш представляется в виде плоскости, разбитой на многие части и окруженной непрерывной цепью гор и даже железными стенами. Сверху же этого оплота, в расстоянии 10 тысяч миль налегают на земную атмосферу

массы других миров, следующих один за другим в расстояниях, пропорционально возрастающих по мере отдаления от земли.

А почему же происходят солнечные и лунные затмения? Очень просто. У волшебника скипетродержца Очирвани сберегалась некогда живая вода.

Узнавши о такой драгоценности, злой дух Арахола стал искать удобного случая, чтобы воспользоваться ею. И это удалось ему. В отсутствие Очирвани, прокрался он в его жилище и, выпив воду до капли, наполнил сосуд смертоносной жидкостью.

Затем, чтобы избежать заслуженного наказания, этот демон устремился в отдаленные миры. И где ни пролетал, грозил небесным светилам вечною враждою, если они как-либо укажут его таинственный путь гневному Очирвани.

Но солнце и луна пренебрегли его угрозами и сказали правду. Арахола был настигнут и потерпел строгое наказание. Очирвани рассек ему чрево своим мечом, но не мог умортвить его, как приобретшего чрез живую воду свойство бессмертия.

С тех пор для Арахолы одна цель и одно желание — мстить солнцу и луне. Но хотя и может он при случае поглотить то, или другое, но удерживать в своем желудке никак не в состоянии. Они выскакивают вон, и потому всякий поступит хорошо, если, заметив исчезновение луны или солнца, начнет потрясать воздух криками и стуком. Это приводит в смущение Арахолы, а поглощенному им светилу дается возможность к скорейшему избавлению.

Подобными же причинами объясняются дождь, гром, землетрясения и т.д.

В книге Лумбум-гарбо пишется, что одно из четырех божеств, господствующих над царствами природы — Лусунжан — господствует над гениями, известными под общим именем Лу.

Каждый Лу обладает способностью 73-х превращений. Зиму проводит он в бездействии, погружившись в пучины; а летом носится в воздушной сфере, окруженный 9-ю слоями облаков и держит при себе водокристалльное сокровище, вроде радуги, могущее притягивать воду из рек и морей. Снабженный таким снарядами, Лу, по магию Лусун-хана, поднимает воду на высоту небес и проливает ее дождем.

Когда гром отзывается глухим и отдаленным эхом, то следует заключить, что Лу занят своим делом, и собирает дождь, а когда сверкает зарница, это верный знак, что он находится в добром расположении.

Сокрушительные громы и молнии, а также град и каменные дожди чаще всего находятся в связи с войною, которую ведут гномы Асугины против гениев тенгеринов. Каменно-метные стрелы их, с громами и молниями, несутся во все стороны света и дают чувствовать, как могучи противники и как жестока их война. Последствия ее могли бы быть ужасны и для людей. Но губительные стрелы молний могут поражать лишь виновных перед богами. И потому человек, убитый громом, признается отверженным и не заслуживающим погребения. А виною землетрясения бывает всегда золотая лягушка, Алтан-Мелекей, на животе которой лежит средоточие вселенной — величественная

гора Суммер, а в лапах четыре части света. И потому всякое движение животного естественно отзывается потрясением земли. Иначе, конечно, и быть не может.

Вот каковы буддийская религиозная астрономия и метеорология, а другой науки не было у ее самостоятельных ученых. Отсюда сам читатель видит, на что годны рассказы некоторых из наших «достоверных свидетелей» о чудесах среднеазиатских магов.

Перейдем теперь к ним.

Глава XIII

Монгольско-бурятская «Книга Бытия» (Ганджур-Данджур) и ее космогония.

Буддийская космогония была предметом исследования многих ученых. Многие старались привести к началу единства рассеянные по буддийским книгам сказания о вселенной и ее создателе.

В литературе буддизма находят все красоты древней религиозной поэзии и на его философию смотрят как на представительницу всех наших философских систем. Историю индийской философии считают как бы сокращением полной истории философии. Уже Паллас имел причины думать, что между буддизмом и некоторыми христианскими сектами есть большое сходство. Вот его слова: «Удивления достойно, что калмыцкая вера во всех наружных обрядах, также и во мнениях о переменах света¹ и во многих других вещах, великое имеет сходство с некоторыми христианскими, развратно толкующими сектами. Браминская и ламайская вера весьма сходственна с Несторианским расколом».

Но неясность выражений книги Ганджур-Данджур сделали то, что исследователи терялись в догадках и составляли системы, чуждые понятиям, под влиянием которых живет и умирает буддист.

В этом сознаются и сами составители систем. Вот слова одного из них:

«Спросите любого бурята или тунгуса, — говорит Паллас, — о предвечной причине всего видимого, и вы получите в ответ, что это Бурхан, т. е. Будда.² Иначе говоря, Будда, как Христос, считается воплотившимся богом, которого священный буддийский кодекс стократно называет безначальным и вечным, творцом всего видимого и невидимого,³ источником жизни и начальной причиной всякого бытия.⁴

Такова же и молитва их:

«Богу, который сотворил гору Сумбер и весь мир, который даровал земле изобилие плодов, а небо украсил солнцем и луною, должны мы приносить хвалу и благодарение.⁵

Всевышний — бог Абида, — говорят нам, — первоначально проявил силу свою в сотворении бесчисленного множества верхних неведущих миров, известных под именем Нирваны, т. е. Успокоения, с тем же самым смыслом, как и небесный Иерусалим, т. е. Рай.⁶

Там — вечный свет, покой и радость, там не знают суеты и забот, не стареются и не умирают; там текут источники живой воды и благоухает священная диана, там все облечено в чистейшую одежду, все озаряется премудростью верховного Владыки (Мани Гам-бум I). Святые боги наслаждаются там счастьем, и он достоин его. Но для существ менее совершенных, требуются иные условия бытия. И потому оказался необходим и мир стихийный.

Началом его послужил райский цветок Бадма Линхова. Сердцевиною этого растения воспользовался Творец Аб-Ида для произведения воздуха.

Положив затем основание миру и утвердив их своею всемогущей силой, Аб-Ида признал за благо остаться в покое. И дело дальнейшего устройства вселенной предоставил другим таким образом:

Из света правого глаза Аб-Иды родились два бога — Манджушири и Ариаболо. Вот собственные слова книги Мани Гамбум:

«Божественный Абида, по великому милосердию своему, обращая мысль свою к благу существ, испустил из правого глаза своего белый свет, и таким образом произвел мудрого Манджушири и многомилостивого Ариаболу».⁷

¹ Путешествие Палласа, ч. 1, стр. 491 в Ученых записках Казанского Университета 1835 г., кн. II, стр. 385-7.

² Ученые записки Казанского Университета, 1835 г., кн. II, стр. 389.

³ По- монголо-бурятски Теригулеши угей Мунку.

⁴ Амини заягакчи — анхан, теригутен.

⁵ Гадзар делекей болон, Сумбер-агула
теригутени бутуген,
Куджись-ер Сурчиджу,
Октаргой-ги наган сарань-эр чимексен
Бурхандор ачи мандал ургуйе.

⁶ И увидел я.....

⁷ Абийа бурхаг, урущиенгуй-бер амитану туса уилетку, камеку диана
текши ороцахой, барагун нидун-еце ниген-цаган герыл цацораксан-еце
уран аргату Манджушири, ике никулесекчи Ариаболо хоири хобилгагат.

По воле первого, в пустоте над воздушной сферой образовалось облако и пролившийся из него дождь произвел водную сферу, бездонное море, носящееся на воздухе и поддерживаемое только им. Сперва оно бушевало и пенилось, но поверхность его мало помалу отвердевала, образовав «золотой материк».

Это была златосердечная земля первой эпохи мира, земля золотого века. Она имела форму сердца, но далеко не соответствовала целям творения. Покрывавшие ее бесчисленные горы зияли пропастями. Все ее части походило на опрокинутый котел. Лишенная влаги, она не могла быть удобною для жизни органических существ. Она была безобразна и пуста, но вот пролился новый дождь из драгоценного облака, изобиловавшего всеми дарами природы, и дунул бурный воздух чувственного мира (Сансары). Под влиянием этих могучих двигателей получило начало Поверхностное Соленое море и появилась гора Сумбер — вместилище четырех драгоценностей — золота, серебра, яхонта и лазури, с окружающими ее семью золотыми горами и семью веселыми морями, предназначенными для Лусун-хана, царя вод.

К тому же времени относится и разделение земли по странам света, ограждение ее железными стенами и произведение на ней растительности.

Первыми обитателями земли были добрые духи, называвшие себя тенгеринами, вроде ангелов. Остатки их и теперь стоят под управлением славного Ормузды и живут одни на горе Сумбере, другие на солнце, луне и звездах, а некоторые на земле и в разных пространствах воздушной сферы.

Хотя они и способны принимать разные виды, однако же не могут назваться чисто духовными. Существо их связано с материей, которая делает для них необходимую пищу, состоящую в нектаре (аршиаке) и между ними существует и различие пола, как у людей.

Но вот со временем некоторые из них по неосторожной прихоти стали пить сок белоцветного растения, походивший вкусом на мед. Другие стали есть земное масло и плоды и такое поведение их естественно повлекло за собою и пагубные последствия.

По мере питания земными яствами, эфирность их тела огрубевала, блеск исчезал, капризы брали верх над их силами ума и воли, и женская часть их стала превращаться в нечто вроде русалок и нимф.

Как раз в это время верховный Будда приказал своему сыну Ариаболо посмотреть, что деется на земле. И когда сердобольный этот бог взглянул на нас с вершины Сумбера, то ему представилось плачевнейшее зрелище: духи начали падать с высоты, как снег, влекомые вниз какою-то силою. Ариаболо не знал, что ему делать при таком бедствии. Он плакал и терзался до того, что голова его рассеялась на десять частей. Пораженный этим бог Аб-Ида решил произвести величайшие реформы.

Но прежде всего нового дела он возвратил сокрушенной голове своего сына прежнюю целость. Он наделил его затем одиннадцатью лицами и дал ему тысячу рук с таким же числом глаз, и вооружил его шестью таинственными словами: ом, ма, ни, бад, ме, хом, чем-то вроде шести тонов музыкальной гаммы.

Затем он испустил, но уже не из глаз, а из своего тела шесть светов, чем произвел шесть сильных духов-наставников. Это были: Ормузда, Бималазедери, Шинемуни (т. е. Сакья-Муни) и Номун-хан. Все они должны были отправиться в назначенные им места и принять бразды правления над тем ли другим классом существ, вступивших на путь перерождений и переселений.

В это же время были созданы Солнце, Луна и звезды, так как потемневшая натура падших существ не могла уже обойтись без внешнего света.

Устроив таким образом порядок мировых дел, бог-отец Аб-Ида признал за благо произвести новое существо из света своей левой ладони. Это был первый человек по имени Мандза,⁸ по-еврейски Адам.

Бог спросил его, согласен ли он отправиться в Северные страны и там в качестве пустынного совершить испытательный подвиг, чтобы впоследствии сделаться споспешником богов в деле умножения человеческого рода?

И когда первый человек изъявил на это согласие, то Бог-отец даровал ему нужные силы, указал путь и начертал правила жизни.

Благоуханный сад, где водворился Мандза-Адам, встретил пришельца с таинственным безмолвием и представил его взору все величие горных стран, все красоты природы. И пустынный наш вознадеялся доказать, что ему принадлежит право быть представителем мудрости богов на земле.

Но увы! Ему готовилась иная доля. Среди глубоких созерцаний, в часы

молитвенного излияния чувств, неведомо откуда и куда предстала перед ним буддийская Ева — нимфа Ракчиса или Дара (фея), представления о которой расходятся благодаря двойному ее названию. В одних местах на Дару смотрят, как христиане на Деву Марию, равную по своему достоинству с Ариаболо. Он и произошла в одно время с ним, но только не из белого, а из голубого света правого глаза бога-отца.⁹ А по другим сведениям, где она просто называется Ракчисой, она повторяет сказание о Еве. Эта русалка предложила первому человеку быть ее мужем. Мандза-Адам, — говорят нам, — только изумился этому и не удостоил Ракчису-Еву ни словом, ни взглядом, хотя она и рассыпала ему ласки, переменяла не раз свой вид на еще более соблазнительный и наконец стала грозить, что если он не исполнит ее желания, то она принуждена будет вступить в брачный союз с подобным себе духом. И тогда горе живущим тварям! Все они сделаются жертвою племени, которое произойдет от этого. Под гнетом таких испытаний, Мандза-Адам отправился к верховному богу и излил пред ним все свои чувства. Будда ответил, что домогательство Ракчисы не повлечет за собою дурных последствий и благословил их брачный союз, обещав Мандзе главенство над всеми племенами, имеющими от него произойти.

⁸ Мани Гамбун, гл. 33, лист 68.

⁹ Дзергун нидун-еце куку герыл цацарула-кса-еце укин тенгерин дурибер ногон цаган Дара экей-ги хубилган.

Мандза сделался супругом Ракчисы, а потом и отцом шестерых ее детей. Но счастье его, мелькнув, как призрак, мгновенно исчезло. По мере того, как дети приходили в возраст, росло и его горе. Каждый день открывал он в них новые недостатки, испытывал от них новые огорчения. Его дети имели красный цвет лица, головы плешивые, тело мохнатое, были кровожадны. И отличались от зверей тем лишь, что могли говорить. (Мани Гамбун, гл.33).

Первый из сынов его предавался лени и беспечности. Второй искал только вражды и крамол. Третий не был постоянен ни в добре, ни в зле и лишь корыстолюбие никогда не оставляло его. Четвертый не отличался умом от бессловесных тварей. Пятый был обжора, всегда алкал и жаждал. Шестой совмещал в себе упорство и болезненность (Мани Гамбун, гл. 33).

Но как ни дурны были они, а жена его Ракчиса сделалась с возрастом еще хуже их. Сварливость этой фурии не имела границ и потому Мандза решился бежать от нее. Взявши с собой детей, он пошел в правую сторону от их жилища и поселился в степи. Она избавила Мандзу от Ракчисы, но не от тревог и терзаний. Особенно тяжким сделалось его положение, когда его семейство, размножившись до четырех сот человек, уже не нашло в степи средств к пропитанию и должно было умереть голодною смертью.

В этой крайности Мандза явился снова пред богом-творцом Аб-Идою и

повергся ниц. «Я несчастен! — говорил он, — Узы брачного союза влекут меня, как жертву неведения, к неизбежной гибели. Но ты сам разрешил мой союз. Будь же теперь моим избавителем!»

Внявши воплю несчастного мужа и отца, Аб-Ида убеждал его не сомневаться в непреложной верности данных ему обещаний и ожидать с терпением того времени, когда потомки его переменят свое подобие зверей на образ, достойный человека и станут заботиться о нравственном своем усовершенствовании. Наделив Мандзу-Адама семью родами семян, он велел возделывать землю и питаться от ее плодов. И сам вдобавок принял на себя труд засеять снежные страны золотом, серебром и всякого рода драгоценными камнями. А в довершение своих благодеяний, он возвестил, что в тех странах, где будут жить потомки Мандзы, никогда не оскудеют мудрые вожди и наставники.

Мандза, возвратившись к детям, избрал удобнейшие места для посева. И с тех пор плоды земные обратились в пищу для человека.

А дети его, после многих жизненных уроков, должны были от хищничества перейти к мирным занятиям. С переменою образа жизни, стали постепенно смягчаться и их нравы, исчезло их прежнее безобразие, пробудилось сознание человеческого достоинства и, наконец, упрочился порядок, послуживший началом золотого века.

Верный своим обещаниям бог-отец наградил землю новыми милостями. Образовавши из света своей правой руки прекраснейшего епископа, он послал его в качестве наставника. Неуклюжие потомки первого человека смотрели на него, как на чудо и старались лишь узнать причину необычайной его красоты. «Я воздерживался от десяти черных грехов, я стяжал десять доблестей, исполнил шесть барамитов и теперь стараюсь о распространении законов» — отвечал он им.

Тогда люди пожелали иметь царя. И жребий избрания, падший на достойнейшего из них, упрочил общее счастье. Первые пять царствований служили лишь введением в золотой век, начавшийся в династию Загарвадонов. Он отличался высотой своего ума и сердца; все четыре страны света благоденствовали под его мудрым скипетром.

Жены этого Соломона, — а их было более тысячи, — жили в отдельных дворцах, среди утех, никогда не уклонялись от правил строгой нравственности, и особенно отличались они добродетелью гостеприимства. Каждый пришлец, особенно же странствующий брамин, находил пристанище под их кровом. А царь первый служил им примером, внушая, что не слава и богатство, но добродетель делает человека счастливым.

Но он не имел наследника. И это обстоятельство погружало в мрачную думу все его царство, и отравляло горестию веселие и радость его жен. Но сам он, веря в правосудие неба, не терял надежды и всегда успокаивался той мыслию, что боги вспомнят о нем и положат конец его тяжкому испытанию.

И вот однажды заходит в царский дворец бедный старик в образе низшего храмового прислужника. Царицы приняли его радушно, успокоили и наделили щедрою милостыней. И вдруг старец сказал:

— Не могу ли я быть чем-либо полезен для своих благодетельниц и чего бы желали они?

Тысяча жен в один голос отвечали:

— Мы бездетны и горим желанием иметь сына наследника.

Старец спокойно сказал:

— Ваше желание исполнится. Через год у каждой из вас будет сын, но не без моего условия. — Он плюнул на землю и окончил. — Вы, желающие иметь детей, смешайте это брение с землею и, прибавив к нему масла, сделайте опресноки и съешьте по одному.

Как ни странно было такое предложение, но царицы, за исключением трех, не участвовавших в приеме этого жалкого странника, не поколебавшись ни на минуту, поспешили исполнить совет. И вот через год весь двор Загарвадона торжествовал рождение у него тысячи сыновей.

А что же чувствовали три царицы, пренебредшие предложением старца? Желая исправить свою ошибку, всюду искали они его, всюду спрашивали о нем. Но напрасны были их поиски! Убитые горем, они прибегли к последнему средству. Сделавшись скромнее овечек, они побежали на то место, где плюнул прохожий и оросили эту землю горячими слезами, сделали из нее похлебку и съели. И вот через год и эти три царицы имели по сыну божественной красоты.

Последовало откровение, что старик, посетивший царский двор в образе низшего служителя храма, был никто другой, как сам бог-отец Аб-Ида. И радость царя возрастала по мере того, как его дети приходили в возраст. От первого до последнего были они наделены необыкновенными способностями. Они пламенели любовью к богу и к ближним, и были всегда готовы на всякий доблестный подвиг.

Почувствовав, наконец, что он близок к общему для всех смертных пределу, он призвал своих сыновей и сказал им:

— Дети, течение моей жизни совершилось. Но прежде нежели отойду в царство Сукавади,¹⁰ я должен исполнить волю отца богов. Не наделяю вас сокровищами: все земное ниже вашего назначения. Вот стоят тут таинственные золотые урны. Возьмите по одной; но не касайтесь печатей, которыми они запечатаны. Лишь моя смерть даст вам право проникнуть в их тайну. Тогда прославьте бога-отца и идите неуклонно его путем.

¹⁰ Сукавади, царство Аб-Иды (бога-отца), где он восседает на троне на «трехтысячной великой тысяче» мирового пространства от земли.

По смерти Загавадона дети, волнуясь страхом и надеждой, открыли запечатленные урны. И что ж оказалось? Каждая урна содержала предопределение Аб-Иды, относящееся к тому лицу, которому она досталась.

А в общем все тысяча три сына Загарвадон-хана возводятся на степень богов мироправителей и каждый из них должен был править определенное число тысячелетий и в определенные эпохи, по семи мироправлений каждый особого характера, с преобладанием добра или зла.

Дети принесли хвалу и благодарение богу-отцу и вступили в свою череду мироправления.

Первый из них, по праву старшинства, был Шиги. Время его правления было самое блаженное: люди жили по десяткам тысяч лет среди покоя и радости, не возмущаемые ничем, самые стихии находились тогда в постоянной гармонии друг с другом и умножали счастье обитателей земли.

При последующих пяти правителях, мир мало помалу начал клониться к упадку, так что при воцарении седьмого — современного нам, — Шигемуни, люди стали жить не более ста лет и сделались игралищем своих страстей. А когда этому богу придется оставить свой скипетр, по истечении пятидесяти тысяч лет, то время жизни человека уменьшится до десяти годов. И они не будут отличаться от бессловесных животных.

Но во примет бразды правления отец новой полубожественной династии Майдари и начнет новую седмицу преобразованием всеобщим человеческого рода и оно пойдет к совершенству, в течение следующих семи правлений. Затем весь мир опять придет к упадку. И это мировой круговорот будет повторяться до последнего из тысячи трех царей богов — до Очирвани.

В его роковое правление ужасы безнравственности и страшные знамения будут возрастать с каждым годом, предвещая кончину мира. На небе появятся два солнца, потом четыре, и в конце концов шестнадцать. От их невыносимого жара растения и животные иссохнут и земля представит из себя, как написано в книге «Санан Бурхан Судер», раскаленную печь, и все горы будут дышать пламенем. Даже золотая лягушка, это знаменитое существо, живущее под великой горой Сумбером, заметив оскудение потребной для него влаги, принуждено будет оставить теперешнее свое положение и повернуться, отчего — увы! — весь мир пойдет вверх дном.

Но эти представления о ходе мировых дел не во всех буддийских книгах одинаковы. По другим их сведениям, существование нашего мира будет ограничено шестью периодами. Первый из них — период основания, — обнимает время от появления воздушной стихии до образования адских существ. Второй период является периодом землетрясения: получив свое начало, когда люди жили бесчисленные годы, век этот продолжается и теперь и окончится, когда они станут жить не более десяти лет. Третий период будет промежуточный с обратными свойствами. Люди от десятилетней жизни перейдут постепенно к восьмидесятитысячной. Четвертый период будет периодом разрушения, от опустошения земли мечом он перейдет к опустошению ее огнем и водою. Пятый период будет периодом пустоты и продолжится от времени разрушения мира огнем и водою до восстановления его в прежнем виде воздуха. Шестой период будет великий период, от восстановления воздуха до окончания периода пустоты. В нем будет сто малых периодов и каждый из них, продолжаясь 500 лет, будет сопровождаться чувствительными для мира потрясениями.

Глава XIV

Космологические представления современного нам тунгусского, бурятского и калмыцкого буддизма.

Космологические рукописи от имени разных говорливых старцев-священников Индии, Цейлона, Тибета, Монголии и Китая сильно различаются между собой.

«Спросите любого бурята или тунгуса буддийского вероисповедания, — говорит проф. О. Ковалевский,¹ — о предвечной причине всего видимого и вы получите ответ, что творческим началом является бурхан (бог)». И этот бурхан отождествляется с Буддой, так же, как и Иисус-Спаситель у христиан со своим богом-отцом, причем считается, что он тоже существовал предвечно и чрез него бог-отец все сотворил, так что он только вочеловечился через Морскую деву.²

¹ О. Ковалевский. «Буддийская космология».

² Дева Мария или Дева Марина значит Морская дева, но тенденциозно производится с еврейского (МРИМ) — горькая.

Но бог-сын у христиан воплотился только раз, а в буддийской теологии много. Впервые он явился в виде Шакья-Муния, потом в виде его ученика Бодисатвы (иначе Арияпалу, одноименно с Арием). Потом этот Арий воплощался последовательно, как браминский сын Крэйксэн.

Царевич Торху Укгэй

Царевич Хамукга-Баясхуланк

Царевич Тэгри Турулкиту

Царевич Эрдэни Харалик

Царевич Чинк Битралту

Царь Оайн Цокту

Царевич Маши Чингк Бишкрэлту

Царевич Арбин Ойоту

Баясхуланг-барикчи

Тойна Убаши

Магинадра

Саран Кубэкгун

Ратна гар и кубекчун

Падма кубекгун

Крэгэл кубакгун
Царевич Дэкгэду джиргаланкг
Царь Дава-раджа
Царевич Бурсанг-Хувараги арбитхакчи
Кпэс эр хан
Хубилган Таолай
Найман насути Наган
Сурукчи
Брамин Дэкгэду Эрдени
Сайн Диян Кгелункгра
Укэнгерун Иокгачари
Царь малого двипа
Птица Битун ябокчи сролонки
Царь Абурал уккеукчи
Царь Найман саба барикчи
Царь Буяну Вокту

И в ряд других в Индии. А потом, переселившись в Тибет, Будда-Христос воплощался так:

Царь Куцукэун сандалиту

Царь Сронгдзам Кгамбо, как разные лам и вельможи, и наконец, как современный Далай-Лама.

В этих Далай-Ламах воплощается Будда-бог и теперь до прихода последнего Будды Мойтрея (или Майдари).

Вселенная состоит из трех миров:

1. Верхний мир.

Это царство совершенного покоя (Нирвана), там обитает чистейший дух (т. е. ум), невидимый и неосязаемый, первобытная верховная премудрость. Достигшие его называются «переправившимися на противоположный берег премудрости», сливаются с божеством, напоминающим верхний мир. Там 4 области:

1. область самых дальних пределов мысли,
2. область невещественного бытия,
3. область беспредельного всезнания и
4. область беспредельного эфира. Этот мир простирается до бесконечности.

2. Средний мир.

Это место появления Будды-Христа в полном блеске и величии его духовно-видимого состояния. Здесь обитает божественная премудрость, разделившаяся на бесчисленность отдельных духовных индивидуумов, одаренных жизнью. Эти-то индивидуумы духа и ниспадают в наш нижний мир для оживления его существ. Это мир нематериальных форм, и в него прилетают души людей, достигших совершенства. Его 4 отдела называются Дьяны, т. е. божественные созерцания.

А. Самый верхний отдел Дьяна (т. е. среднего мира) 4-й при счете снизу вверх, состоит из девяти этажей. Самый верхний из них есть область пребывания уподобившихся Будде-Христу и бодисат. Вверху ее, в шестом ярусе, живут только сделавшиеся буддами-христами. В ней не слышно никаких слов, нет деревьев, кроме Древа разума (Боды), нет рек и морей, кроме божественного фонтана, разделяющегося на 8 рек. Там нет ночи и дня, солнца и луны, а только яркий свет премудрости воскресенцев (хутуна), нет царей и царедворцев, нет моего и твоего, нет яств, кроме животворящего божественного созерцания, нет напитков, кроме божественного нектара (рашианы), удовлетворяющего всем желаниям, нет одежд, кроме покрова духовного обета, нет ни старости, ни болезней.³

Следующих пяти этажах среднего мира живут перевоплощенцы (хутухты). Из них в пятом ярусе (считая от земли) рост обитателей = 16 000 буддийских миль⁴ и живут они 16 000 мировых эпох.⁵

³ Маги Кгамбо, лист 2. Некоторые другие рукописи над этой седьмой областью указывают еще восьмую — область великого Владыки, браминского бога Шивы.

⁴ По-монгольски БЭРЭ, по-санскритски ИОДЖЯНА, По мнению Джонса (<.....>, IV, 157; VI, 168) она равна 4 немецких миль, около 32 километра, по мнению Самберса она от 9 до 12 географических миль. Абель-Ремюза (в <...>, 1831, с. 602) различает три иоджяны: большая около 40, средняя около 30 и малая около 20 километров, а Шлегель назначает для иоджяны 8 километров.

⁵ Каждая мировая эпоха = 4 320 000 000 лет.

В четвертом ярусе рост обитателей 8 000 миль и живут они 8 000 мировых эпох. В третьем ярусе рост равняется 4 000 миль, а продолжительность жизни 4 000 мировых эпох. Во втором ярусе рост жителей 2000 миль, а продолжительность жизни 2 000 мировых эпох. В первом ярусе рост небожителей 1 000 миль и продолжительность жизни 1 000 мировых периодов. Ниже их находятся три яруса-этажа, назначенные для «заслуженных». Из них третий (от земли) область величайшей заслуги и попавшие в него получают

рост в 500 миль и время жизни 500 мировых периодов.

Второй ярус — область стяжавших своими добродетелями. Рост попавших туда равен 250 милям, а время жизни 250 мировым периодам. Первый ярус называется безоблачным и попавшие туда получают рост в 125 миль и время жизни 125 мировых периодов.

Б. Третий. Считая от земли, небесный отдел среднего мира (III Дьяна) назначен для благодетельных и состоит из трех ярусов. В верхнем ярусе помещаются «Наслаждающиеся совершенным блаженством» и им дан рост в 64 мили и время жизни в столько же мировых периодов. В среднем этаже живут «беспредельно блаженные», и имеют рост в 32 мили и продолжительность жизни в столько же мировых периодов, а в нижнем этаже живут просто «блаженные», получающий рост в 16 миль и время жизни 16 мировых периодов.

В. Второй ярус (по счету снизу вверх) небесного среднего мира (II Дьяна) заключает в себе три светлых яруса. Верхний — светлейший, средний очень светлый и нижний — малосветлый. Попавшие в верхний получают рост в 8 миль, попавшие в средний в 4 мили, и в нижний — 2 мили, а живут там такое же число мировых периодов.

Г. Первая по счету снизу вверх небесная область среднего мира (I Дьяна) населена ангелами (тегриями) прежде всех возобновляющимися после смерти, в ней тоже три яруса. Верхний ярус — это, так сказать, этаж великого Браммы (бога-отца, в чем видна связь с брамаизмом Индии), обитатели которой получают рост в 1½ мили и такое число мировых периодов для пребывания. Средний ярус — этаж министров Браммы и обитатели ее получают рост в 1 милю и 1 мировой период для жизни, и нижний ярус, этаж детей Браммы, с ростом в ½ милю и жизнью в ½ мирового периода. Интересно здесь то, что Брама (т. е. Бог Слово) считается истинным миротворцем и у христиан и у индусов и у буддистов, это он создал телесный нижний мир.

3. Нижний мир.

Это мир явления живого духа в веществе. В нем органические существа беспрестанно размножаются под различными видами. Высшие органические существа, это тегрии, средние — люди и низшие — животные. В нем шесть ярусов, вроде этажей.

А. В первом ярусе (считая сверху) находится жилище «способствующих перерождениям» — шимнусов с их царем Шимнусун-ханом, врагом успокоения (нирваны), владыкой чувственного мира (сансары). Он очень похож на христианского сатану, ставит препятствия к распространению учения Будды, вовлекает в греховные действия, принимает вид и мужчин и женщин, и зверей, устраивает гонения, заразные болезни. Сам Будда неоднократно подвергался от него искушениям.

По-санскритски он называется Смерть (Мара, созвучно с Марс), а по-монгольски Могуущественнейший. Жена его называется «Четконо сицей» и из головы ее выходят пять стрел: гордости, ослепления, бесчувственности, помрачения и искажения ума, от поражения ими и происходят эти недостатки. У нее четыре подруги: одна подстрекает у ссоре, вторая к убийству, третья к

сладострастию, четвертая к злым помыслам.

Под властью царя шимнусов находятся тиртики (русские чертики), но и они служат не только к вовлечению в грех, но и к пробуждению самосознания. Вот, например, рассказ, приведенный О. Ковалевским в его Буддийской Космологии».

«Двое юношей приготовились к поступлению в духовный сан. Шимнус, предвидя, что они, (сделавшись учениками Гоама, т. е. Шакамуния), будут противостоять влиянию его, и через это опустеет царство Шимнусов, вознамерился, приняв на себя другой вид, воспрепятствовать им и ввести в греховные дела. В одно мгновение из палат своих, превратившись в советодателя Асвачи, перелетел на путь, которым шествовали благоговейные юноши. «Напрасно, — говорил он, — прежде я вам советовал искать Гоама. Помощь его вам бесполезна. За добрые и худые деяния везде можете найти возмездие. Наслаждайтесь ныне жизненными удовольствиями, не обращая внимания на мучения, сопровождающие рождение, недуги, старость и кончину человеков». В сих словах один из юношей, приметив хитрость Шимнуса, желающего устранить его от принятия звания Тойна, употребил все средства к убеждению товарища своего, дабы он не оставлял первого намерения приобрести духовную степень, а потом возразил Шимнусу, уверяя его, что никакая сила не возможет ослабить в них духа, устремленного к получению звания Тойна и одержанию победы над всеми плотскими приманками. Голос твой. Подобно голосу лисицы в львиной шкуре, не искусит нас! Небесные Тегрии тотчас восхвалили непоколебимость юношей, прибавив, что на таком пути успеют смирить все мучения в мире, преимущественно потому, что они избрали для себя за образец поведения Воистину-шествоющих, одобренное всеми совершеннейшими Буддами. Потом Шимнус еще превращался в ужаснейший утес, драгоценную, на тысячу миль простирающуюся гору, издавая на оной гневный голос, подобный реву тысячи львов; но, по влиянию Всесовершеннейшего Будды, благоговейные юноши не заметили ни утеса, ни горы, не слышали львиного реву и наконец, удостоились звания Тойна.⁶

Б. Во втором, считая сверху, ярусе, помещаются существа, которые по собственной воле могут принимать всякий вид, или воплощаться в избрнное ими существо.

В. В третьем (считая сверху) ярусе нижнего мира — всерадостном — Будды проповедуют свое учение гениям. Там Будда нашего мирового периода Шакия-Муни просвещал духов, раньше прихода к людям. Там живет теперь и Ожидаемый Будда по имени Хутукту-Майтрей (Майдари).

Г. Четвертый (считая сверху) ярус нижнего мира называется мирным, потому что там нет враждебных действий.

Д. Пятый ярус нижнего мира находится уже в земной атмосфере. В нем живут 33 гения, называемые по-монгольски терриями, по-санскритски траястринсами. Живут они вместе со своим властелином Хормусдой (Ормузд), покровителем земли на великой средиземной горе Сумбере. 8 из этих гениев начальники, одиннадцать — гневные, двенадцать — сыны солнца и двое — юноши. Они вечно борются со злыми духами асуриями, живущими у подножия той же великой горы и желающими выпить их божественного напитка.

Вот как описывает это книга «Чихула Кэрэкчлэгчи»:⁷

⁶ Молон Тойн, л. 6, 7, 8.

⁷ О. Ковалевский. — Буддийская Космология, стр. 71.

«За 81. тыс. миль, под водою, у подошвы горы Сумэру, находится столичный город Бахули царя Асуриев. Под ним, за 11 тыс. миль, в Одон эрикэту городе имеет пребывание царь таких же Асуриев, и еще ниже, за 11 тысяч миль, в городе Чингк бату обитает царь Маши дарукчи, и еще ниже за 11 тысяч миль, в городе Кгун, столице Асуриев, живет Сайн аймакту. У Асуриев, равно как в области Хомусды, находятся города, деревья, камни. Асурии бывают обоего пола. Во время борьбы за священный напиток с Тегриями, они надевают панцири из золота, серебра, лазурита, хрусталя и взяв луки со стрелами и другими доспехами, выступают в поход четырьмя армиями, под предводительством выше приведенных своих царей. Навстречу им являются цари драконов (Нага-раджа); и если не имеют успеха в сражении, то, отступив в область Гар Тегриев, вместе с ними делают нападение на Асуриев; в случае неудачи они переходят в другую область Тегриев и там вместе с ними снова вступают в сражение с общим врагом. Если же и тут не смогут преодолеть его, то, призвав в помощь других гениев, возобновляют нападение, а если и теперь их битва остается безуспешной, они идут в область четырех великих царей (Махараджа) и, надев панцири, осыпанные драгоценными камнями, и вооружившись мечами, делают решительное нападение на Асуриев и большую часть возвращаются победителями. Если и в это время испытают неудачу, то Махараджа. Идя в область тридцати трех Тегриев, обращается к царю их Хормусде со следующими словами:

«Повелитель, внимли нашей просьбе! Пять отрядов нашего охранного войска не могли преодолеть враждебных Асуриев. Пришла пора положить конец их могуществу».

Осведомившись об этом, Хормусда садится на своего слона и повелевает 33 гениям выступить в поле.

«Сподвижники мои! — говорит он, — Небезызвестно вам, что враги наши Асурии от подошвы горы Сумэру проиникунли до наших жилищ. Надевайте прочные панцири, восстаньте против врагов!»

Тогда Тегрии, немедленно возложив на себя драгоценные панцири, в полном вооружении отправляются в рошу, и как неустршимые воины нападают на Асуриев из города Сударасун. Если Асурии и тут одержат верх над добрыми гениями, то последние отступают до города Сурасун; если же Тегрии преодолееут врагов, то преследуют их до моря. Во время сражения, раненые в голову Тегрии или Асурии, лишаются жизни; но остальные члены их целы, хотя бы и изрублены были в куски, опять вылечиваются. Когда в мире находился Всесовершеннейший Будда-Христос и всемирный царь, Асурии не имели желаний бороться с Тегриями, а если когда-либо и дерзали поднять оружие, всегда вынуждены были смириться пред победоносными своими противниками. Да и теперь, если много добродетельных существ населяет землю, Тегрии одерживают верх; а если число грешников слишком усилится, победа остается на стороне Асуриев. По этой причине, Тегрии и охраняют людей, блюстителей добродетели».

Борьба тегриев с асуриями, по мнению поклонников Будды, обнаруживается на земле, преимущественно во время бури. Гром, поражающий какое-либо одушевленное существо, считается следствием ее; и громом пораженное существо, по словам бурят, не должно оставаться на поверхности земли. Создав духовенство для чтения приличных молитв, среди крика многочисленной толпы народа, невинную жертву молнии поднимают они на устроенные нарочно бревна на высоких столбах. Такого рода зрелища посетители Забайкальского края могут видеть у Селенгинских бурят, на долине, известной под именем Тамчи-Тала.

Е. Шестой (считая сверху) ярус нижнего мира оказывается уже на самой нашей земной поверхности. Он называется область «четырех великих царей» (Чатур-Мага-раджа). Первый из царей живет на северной стороне Великой горы Сумбера и повелевает гениям, питающимся человеческим мясом, второй царь живет на восточном склоне и управляет небесными музыкантами; третий живет на южном склоне и повелевает махорагами, а четвертый царь живет на западном склоне и повелевает духами-драконами.

Все гении добрые, покровители земли, морей, гор, рек, солнца, луны, звезд, подчиняются этим четырем Махараджам, которые, в свою очередь, признают над собой владычество Хормусда.

Эти многочисленные гении находятся в нижнем мире под различными видами: добрым предоставлена форма благовидная, злым — ужасная. В Шастре Чихула, как сборники космологических сведений, приведены многие подробности о различиях и свойствах Тегриев в сравнении с жителями прочих частей мира. Чтобы не обременять внимания читателя, повторим здесь некоторые важнейшие замечания: 1) гении, обитающие в шести рассматриваемых нами областях, питаются только благовониями и рашияном (божественным нектаром), между тем, как существа в высших над ними мирах не принимают никакой пищи; 2) они не знают боязни; у них известно уже различие пола, которое не существует в первых двух высших мирах. Есть мужчины и девы, но их любовь заключается только в объятии, пожатии рук, улыбке или одном взгляде. Они могут быть под видом человека, но из них

только высшие пользуются правом воплощения в существа нам подобные. Люди не могут их видеть, если сами Тегрии не пожелают представиться им в своей форме. Одни Бодисатвы и все твари, удостоившиеся состояния Нирваны, одарены способностью узнать каждого гения, в какой бы он ни был оболочке.

Я приведу одну легенду об этих существах.

«Однажды слышал я, — говорит анонимный повествователь, — что, когда Всесовершеннейший Будда находился в обители одного милостынедавателя, где беспомощные получали пищу, пятьсот купцов, предпринимая путешествие для приискания драгоценных камней, согласились избрать из своей среды надежного путеводителя, одного Убати.⁸ Когда они плыли с ним в открытом море, местный Тегри, взяв на себя вид страшного чудовища, с черными ужасными клыками и огнедышащей головой. Явился пред ними и, потребовав себе их корабль, говорит:

— Есть ли у вас столь страшные люди, как я?

⁸ Убаши или Обуши, название мирянина, принявшего на себя духовные обязанности, но еще не посвященного.

— Есть у нас, — отвечал Убати, — люди гораздо страшнее тебя. Это те, которые по безумию и бессмысленности ведут преступную жизнь, умерщвляют другие существа, отнимают чужую собственность, следуют порочным желанием, произносят ложь и неправду, употребляют обман, причиняют жестокости, предаются гневу и чувственным удовольствиям, и идут дурным путем: они-то в будущей жизни низвергаются в Ад, в руки адских стражей, Эрликов. Там некоторых из них рассекают мечами; некоторых привязывают к колесницам, разрывают на куски, или, бросив в ступы, толкут, или измалывают в жерновах; иных заставляют проходить между двух гор, усеянных мечами, сожигают на огненных кострах, втискивают в лед, варят в медных котлах, бросают в смрадную и нечистую воду. Там они в течение ста тысяч лет томятся под нестерпимым наказанием. Такие люди несравненно страшнее тебя!

Услышав это, морской гений немедленно скрылся в свою бездну. Потом, превратившись в человека изможденного худобою, у которого жилы присохли к костям, снова приблизился к мореплавателям с вопросом:

— О, люди! Отдайте мне ваш корабль и скажите: есть ли у вас столь иссохшие существа?

— Есть, — возразил путеводитель Убаши, — есть много таких, которые более иссохли.

— Кто они? — спросил Тенгри.

— Те, — отвечал Убаши, — которые по безумию и бессмысленности своей, завистливы, корыстолюбивы, не подают милостыни, и за это после смерти возродившись биритами, принимают тело величиною в большую гору, а горло как игольное ушко; у них волосы всклокоченные; они иссыхая совершенно, изнемогают и в течение многих сот лет не слышат даже названия воды. Такие гораздо страшнее тебя!

После этих слов гений опять скрылся в морскую пучину, а спустя несколько времени, приняв на себя вид прелестнейшего юноши, снова явился пред мореплавателями, и, потребовав от них по-прежнему корабля, говоря:

— Есть ли у вас такие красивые люди?

— Есть, — возразил Убаши, — во сто тысяч раз красивее тебя!

— Кто же они?

— Премудрые, строгие исполнители добродетелей телесный, устных и душевных, по своим поступкам совершенно чистые и благоговейные к трем сокровищам, приносящие жертву из своего имени. Они-то, окончив поприще нынешней жизни, переселяются в царство блаженных Тегриев и получают наружность во сто тысяч раз красивее твоей, так, что ты в сравнении с ним будешь не что иное, как обезьяна перед львом.

Тогда морской гений, почерпнув в горсть воды, спросил Убаши:

— В горсти ли в море содержится более воды?

— В горсти, — отвечал Убаши, — более, чем в море!

— По-моему, это несправедливо, — сказал Тегри.

— Нет, — возразил Убаши. — Слова мои совершенно справедливы. Со вниманием послушай моих доказательств! Судя по видимому, действительно в море больше воды; но придет время, когда она совершенно высохнет. При разрушении мира, кроме настоящего солнца явится другое, которое иссушит все ручьи и малые воды; третье солнце высушит средние, а четвертое все большие реки, пятое лишит части воды морской, а когда взойдет шестое и седьмое солнце, тогда иссякнут не только великие моря, но и Сумеру гора будет истреблена пламенем и все, что ни находится ниже первой Дияны. А кто из людей от искреннего усердия своего поднесет в жертву Будде горсть воды, кто подает милостыню духовенству, кто душевно почитает своих родителей, кто вспомоществует бедным и нищим, и плотоядным животным, — того добродетели пребудут до скончания мирового периода. Таким образом, морские воды умалятся, а горсть воды возвеличится.

Обрадованный этими ответами Тегрин поднес в дар Убаши множество драгоценных камней и самые лучшие послал для Будды и духовенства. Убаши с купцами, довольствуясь полученными сокровищами, спокойно и мирно возвращается восвояси. Потом, прибыв в обиталище Всесовершеннейшего Будды, и поклонившись к стопам его и духовенства, подносит жертвы, как от себя, так и от имени морского Тегрия, и стоя на коленях, произносит усердную молитву:

— О, Будда! Сподоби нас духовного сана по своему закону!

Будда успел едва похвалить их усердие, как тотчас волосы с головы их сами собою спали,⁹ и усердные поклонники, надев священные ризы, сделались Галунгами¹⁰ и выслушав поучения священного писания и очистив свои прегрешения, удостоились святости Победителя вражьей силы (т. е. Архаша). Присутствующие толпы народа, радостно восхваляя слова Всесовершеннейшего Будды, усугубили свое к нему благоговение.

9 Буддийское духовенство бреет головы.

10 Третья степень священства Буддийского.

Тегри составляют первый главнейший из числа шести разрядов одушевленных существ нашего земного яруса. Вот эти разряды: 1) тегрии, добрые гении; 2) асурии, злые духи; 3) люди; 4) бессмысленные животные; 5) бириты; 6) прета, т. е. жители области голода и жажды, преддверия адского и б) адские существа.

Иногда буддисты вместо шести разрядов считают только пять, помещая в первом всех гениев, превосходнее человека. Фоисты, т. е. китайские буддисты, называют их способами переселения душ: 1) небесным, 2) человеческим, 3) земным, 4) адским, 5) демонским (скотским). Из них добрые духи (или оболочки переселенной души) населяют светлую область над земной поверхностью, а злые — темную под ней. Добрые гении, будучи более или менее ограниченными материей, в которую они облечены, подвергаются разным переменам наравне с обитаемым ими миром и пользуются многими преимуществами перед людьми, в красоте, могуществе, продолжительности жизни и удовольствиях. По мере дел своих, они переходят в высшие или низшие состояния и области.

Ко второму разряду одушевленных существ принадлежат злые, жестокие гении, из которых важнейшие асурии, занимают четыре области под землей, управляемые особыми царями, о которых было уже сказано при описании великой горы Сумбер. К ним причисляют и многих других злых духов, которые имеют свое пребывание на поверхности и внутри земли, не смешиваясь, однако, с жителями ада; но вместе с ними считаются виновниками всякого бедствия в мире.

Третий разряд существ нашего земного яруса многоэтажной вселенной — это люди. Они — среднее звено в цепи, соединяющей высшие твари с низшими. Они должны с помощью самосознания возвышаться духом к верхнему отвлеченному началу, плотью же прилеплены к материальной сансаре. Несмотря на непрерывное искушение, человек действует свободно, ожидая возмездия за свои личные деяния. Для него открыт путь к возрождению и в кругу людей и в кругу высших или низших существ.

За заслуги, стяжанные в нынешней жизни, после смерти переселяется он в царство Тегриев; оттуда за новые добродетели переходит в верхние страны блаженства; а если предается одним лишь удовольствиям в жизни, то после своей кончины низвергается в адские области.

Четвертый разряд существ надземного яруса вселенной — это бессмысленные животные, страждущие от мрака или огня. Здесь слабое существо или гибнет от сильного, или терпит разные страдания. Так. Рогатый

скот или томится под тяжестью работ, или убивается для употребления в пищу или для кожи и т.п. Жизнь их продолжается иногда целый период мироздания (т. е. 4 320 000 000 лет), а иногда слишком скоро заканчивается.

Четвертый разряд земного яруса вселенной — это бириты (по-санскритски прета), томимые вечным голодом и жаждой. «За пятьсот миль, — говорит книга Чихула кэркглэки, — под городом Раджа-гриха, находится город биритов, Кабали, в котором имеет свое пребывание верховный их повелитель Мамун-эрлик с 36 сподвижниками. Там бириты не могут ни есть, ни пить. Когда они захотят принять пищу, рот их делается так мал, как игольное ушко, а горло, как колос; если же успеют принять пищу, то чрево их, сделавшись подобно горе, ни чем не может быть насыщено, а если оно и наполнится, то ноги их делаются тонкими, как спички или как трава ковыль, так что они не могут поддерживать тяжесть их тела. Обыкновенную пищу биритов составляют искры раскаленного чугуна, от которых у них горят все члены. Появляясь в жилищах людей, они часто принимают на себя вид каких-нибудь чудовищ. Жизнь их продолжается до пятисот лет, считая каждый день за наш месяц. В них возрождаются души завистливых людей, не подающих милостыни, рабителей и прелюбодеев.

Последний разряд одушевленных существ земного яруса вселенной состоит из жителей ада в преисподней. Монгольское название этого узилища тварей, таму, явно происходит от нашего слова тьма и оно часто заменяется другим именем наказания, т. е. мрак. Уже одно это словопроизводство указывает на исход этих представлений, если не от русских, то от славян. Да и само описание его очень близко к народным русским представлениям.

Так, буддийские писатели единогласно утверждают, что **ад разделяется на четыре части**, в числе которых первое место занимает горячий ад, состоящий из восьми областей.

В первой области прислужники ада беспрестанно перебрасывают грешников с ножа на нож, и потом, оживив полумертвых, снова мучат по-прежнему. Такого рода наказание продолжается пятьсот лет, в которых каждый день составляет 50 наших обыкновенных лет.

Во второй области блюстители ада, демоны эрлики, распиливают несчастных огненной пилюю, растянувши их на огненной плите. Это мучение продолжается тысячу лет, в которых каждый день равняется сотне наших лет.

Низвергнутые в третью область попадают между двух железных гор, которыми и сжимаются до толщины переносья у овцы. Потом демоны, приведя грешников в прежнее положение, опять возобновляют мучение. Такого рода наказание продолжается две тысячи лет, у которых один день состоит из 200 наших лет.

В четвертой плачевной области виновные, избегая раскаленного железа, прячутся в дремучем лесу, где и горят в течение четырех тысяч лет, каждый день которой состоит из четырехсот наших лет.

Существа пятой области подвергаются ужасным мучениям в железном доме, имеющем двойную ограду, из которой они не могут освободиться прежде окончания 8 000 лет, который каждый день заключает в себе всю жизнь одного

рода Тегриев.

Осужденные в шестую область на огненных железных вилах, горят в огромных чанах, наполненных расплавленным чугуном. Мучение их продолжается не менее 16 000 лет, в которых один день составляет целую жизнь другого рода Тегриев.

В седьмой области демоны Эрлики, пронзив виновных трезубцем, и завернув потом в раскаленный железный лист, варят в кипящем чугуне. Такое страдание продолжается здесь вдвое более предшествовавшего.

Восьмая же область есть неугасимый огонь, в котором горят грешники без малейшей отрады в течение 32 000 лет, где каждый день продолжается половину мирового периода.

Описанные здесь области ада имеют вид четырехугольника, которого каждая сторона простирается на 2000 миль. Перед воротами в стенах вырыты глубокие огненные рвы, препятствующие грешникам самовольно оставлять места, определенные им по мере преступлений, сделанных ими в продолжение жизни.

Второе отделение ада — леденящее, которое является уже дальнейшим развитием христианского, а потому и должно возникнуть позднее, — составлено также из восьми областей, расположенных на снежной равнине, и окруженных снежными горами.

В первой области вся кожа виновных от холодного ветра покрывается пузырями. Мучения здесь продолжаются столько времени, сколько нужно для очищения мешка, заключающего в себе двадцать мер кунжутного семени, вынимая через столетие по одному зерну.

Во второй области пузыри эти прорываются по всему телу страдальцев от усиленного холода. В третьей стискиваются зубы, в четвертой холод ожесточается до такой степени, что причиняет ужасные мучения, достигающие своей высшей степени в следующей, пятой области, названной мучительной. Шестая область заключает в себе преступников, тело которых растрескивается наподобие цветка махровой астры, в седьмой растрескивается наподобие листков тысячелистника, а в восьмой еще более.

Но этого еще мало.

С четырех сторон горячего ада имеются:

- 1) Огненный ров, в котором тело грешника сгорает до костей; но вышедшие из него принимают свой прежний вид.
- 2) Поганое болото, в котором черви съедают виновного также до костей.
- 3) Лес мечей, где вместо ветвей и листьев на деревьях прикреплены мечи, которые приходят в движение от малейшего дуновения ветра и в кусочки разрезают осужденных туда. А собаки с железными зубами бросаются на остатки несчастных, хотя ищут спасения на зловещем дереве Шилмали, не зная, что там ожидают их новые страдания от 16-вершковых иголок и от птиц с железными клювами.

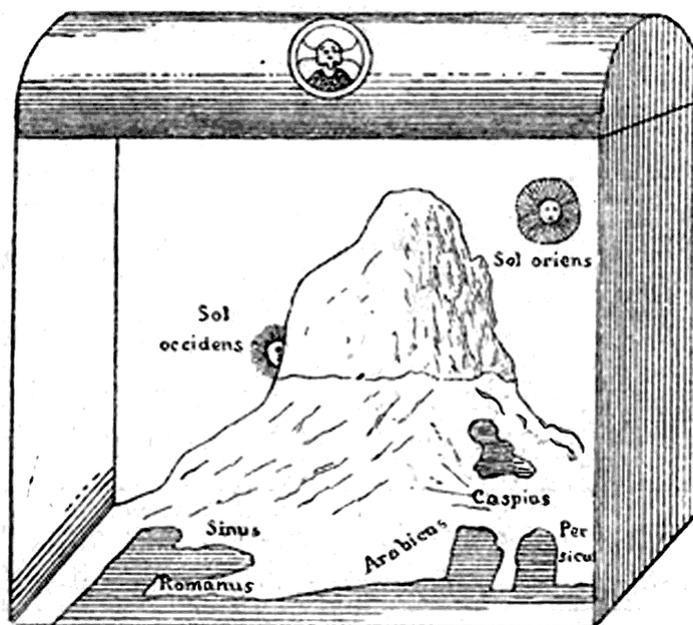
И, наконец, там есть непроходимая река, наполненная раскаленным песком,

которая обтекает три области «ада с мечами». Низверженные в нее существа плавают там, наподобие сарачинского пшена в кипящем котле.

Различные буддийские писатели упоминают и еще о некоторых областях ада, где преступников различными способами истязают Эрлики. Но так как это только вариации христианских сказаний на ту же тему, то лучше не будем тратить на них время, и перейдем из ада снова на земную поверхность, опишем ее чудный вид, руководясь главным образом (как и во всем этом чудесном описании ада) книгой О. Ковалевского «Буддийская космология».

4. Жизнь на земле.

Земля у буддистов считается не шарообразной, но обширной плоскостью, имеющей посредине высочайшую гору Сумбер, окруженную четырьмя большими и восемью малыми частями света (шаиб), со всеми своими морями и водами, простирающимися горизонтально. К этой системе мира принадлежит солнце, луна и все звезды, как прозрачные жилища богов. И зародыш такого представления мы видим у Косьмы Индикоплевиста, греческого автора, относимого к IV веку (рис. Из т. I, стр. 20). Я представляю об этом в переводе один отрывок из Шастры Чихул.

При образовании мира возникла первая из гор Сумэру, которая, во время мироразрушения, после всех исчезнет. Ей дают название Царя гор (агусалун жаган), «Она произошла из взволнованного океана, из верхних волн, а их средних образовались семь золотистых гор, одна железная, а из смешанных волн четыре части света (швиб).

«Сумэру состоит из четырех драгоценностей: восточная сторона ее из серебра, южная из лазурика, западная из яхонта, северная из золота. Семь золотых гор состоят из одного золота, а части света из земли и других веществ и обведены железом. Часть горы Сумэру, скрытая в море, углубляется на 80 000 миль, и другая возвышается над поверхностью воды также на 80 000 миль.

Одна из семи золотых гор сходна с хомутом и имеет в высоту 40 000 миль. Вторая сходна с сошником и имеет в высоту 20 000 миль. Третья сходна с цветком айвы и имеет в высоту 10 000 миль. Четвертая отличается красотой и имеет в высоту 5 000 миль. Пятая сходна с лошадиным ухом и имеет в высоту 2 500 миль. Шестая наклонена своей вершиной к Сумэру и возвышается на 1 250 миль. Седьмая сходна с ободом колеса и имеет в высоту 625 миль.

Среди этих золотых гор находятся места забавы и увеселения царей драконов и семь морей, известных под именем увеселительных. Первое из них, близ горы Сумэру, имеет 80 000 буддийских миль в ширину. Второе — 40 000 миль, третье — на 20 000; четвертое — на 5 000; шестое — на 2 500, и седьмое — 1 250 миль. Вода в них холодна, сладка, легка, прозрачна, благовонна, целебна и безвредна. Сумэру и семь золотых гор и семь морей расположены четырехугольником. Вне их находится соленое море. От разноцветных лучей, идущих от четырех сторон горы Сумэру, вода в соленом море на восточной стороне кажется белой, на южной голубой, на западной красной и на севере желтой. Потому эти четыре моря и получили наименования: белого, голубого, красного и желтого. Граница их заключается 3 600 750, а извне окружающая их железная гора тянется на 3 600 625 буддийских миль.

От горы Сумэру тянутся четыре большие части света и близ них острова (двиды). Вот они по книге Чихул кэрэглэчки:

«На восточной стороне внешнего моря лежит остров в виде треугольника,¹¹ сторона которого, обращенная к Сумэру простирается на 350 миль, остальные на 6 000, а вся периферия составляет 6 350 миль. С севера прилегает к нему один, а с юга — два малых острова (земля прекрасных и рослых лиц¹²).

«На северной стороне внешнего мира четырехугольный остров, каждая сторона которого простирается на 2 000, а периферия составляет 8 000 миль. С востока при нем находятся еще два других малых острова. Богатство здешних жителей заключается в дереве Калбарис, которое своим зловещим голосом предрекает людям о их смерти за семь суток вперед. От того и мир это получил название зловещего.

На западной стороне внешнего моря лежит остров Абарагодания, земля Укэрту джив — привольный для рогатого скота. Это круглая земля, имеющая в поперечнике 2 500, а в окружности 7 500 миль.

Около него расположены два малых острова, один с юга, другой с севера. Название же его произошло от того, что здешние жители большею частью занимаются скотоводством». ¹³

На южной стороне внешнего моря есть остров, в виде телеги, под названием Остров Дерева-Джамбу,¹⁴ у которого однанебольшая, обращенная к железной горе, сторона, а остальные имеют в длину по 200 миль. Вся периферия его составляет 600 372 мили и 4 голоса. Около него находятся два малых острова. А в самой середине его находится царство Макгада, в котором Будды трех времен (прошедшего, настоящего и будущего) преподают учение о вере. Джонс из книг Пурана извлек даже 81 царя этой мифической Макгады. Начальные двадцать исчислены без хронологических указаний. Остальные же разделены на пять династий, из которых в первой, от Прадиоты до нанды считается 16 царей (2100—1502 г. до Р.Х.), царствовавших в среднем по 37 лет. Во второй Мунья, десять лиц, царствовавших по 1365 год до Р.Х., царствовавших в среднем по 14 лет; в третьей Сунга, также десять лиц по 1253 год, царствовавших в среднем по 11 лет; в четвертой Канна, четыре царя по 908 год до Р.Х., царствовавших в среднем по 86 лет; в пятой Андра двадцать один царь по 456 год, со средним царствованием 21 год, а далее, по словам Пандиты, более не упоминается о самостоятельном царстве Макгада.

¹¹ По иртынцуй толи у Бергманна, 1926.

¹² Абель-Ремюза.

¹³ А. Ремюза.

¹⁴ Джамбуджив, в санскритском означает собственно остров, на котором растет дерево Джамбу. Вильсон объясняет это таким образом....

Так давно оно исчезло с лица земли. Но все же и теперь к северу от него за девятью черными горами находится гора Гандеша, которую санскриты считают за Гималаи, хотя это имя и более созвучно с Гиндекушем в Афганистане, а еще далее гора Благовония.

Между этих двух гор находится жилище Царя драконов, по имени Арога (в других списках Мадой, созвучно с Мидией) и четырехугольное озеро Мапама, каждая сторона которого простирается на 50, а вся окружность составляет 200 миль. Вода его холодна, сладка, легка, прозрачна, благовонна, целебна и безвредна.

На этом же острове древа-Джамбу, и на южной стороне земли, находятся, как в библейском земном раю, четыре большие реки, вытекающие из скал, которые находятся на берегу чудного озера Мапама и имеют вид какого-либо животного. С восточной стороны этого райского озера, из скалы, подобной слоновому хоботу, вытекает сереброносная река Ганга, которая, соединившись с пятьюстами речек, впадает в это море. Вода ее вкусна, но густа, как молоко. Из скалы, подобной носу мифической птицы Гагудия, вытекает река Синду (Инд?), которая вместе с пятьюстами других речек вливается с южной стороны в море Мапама. Из скалы, подобно лошадиному рылу, вытекает хрусталеносная река Бакчу (Оксур), которая, соединившись с пятьюстами других, впадает в море с западной стороны. Наконец, из скалы, подобной львиному рылу, вытекает золотоносная река Сата (Систа), которая, слившись с пятьюстами других, впадает в море с северной стороны. И каждая из этих рек, окружив семь раз свое чудесное озеро Мапама, течет далее и наконец впадает во внешнее море.¹⁵ В шаштре под названием Нэрэйдуксэн сказано, что река Ганга, Синду, Бакчу и Сиша очень бурны и освежают прилегающие к ним страны.

¹⁵ По мнению Д. Буханана, мифическое озеро или море Анудаша должно быть источником Китайской Желтой реки, Окса, впадающего в Китайское море, Иртыша в Сибири и известного Ганга.

Само собой понятно, что искать тут что-нибудь действительно географическое смешно, здесь только чувствуются отголоски слышанных авторами мифа некоторых действительных названий, которые они располагали по собственным своим фантастическим представлениям.

Но интересна здесь бросающаяся в глаза аналогия с четырьмя реками библейской книги Бытие.

Ведь остров Джамбу то же самое, что и библейский земной рай, в середине которого росло Древо познания добра и зла.

«Из Эдема, — говорит книга Бытия (2, 10), — выходила река для орошения рая и распадалась на четыре реки: имя одной Фисон, она обтекает всю землю Жавила, где золото и камень оникс. Имя второй Тихон, она обтекает землю Кучи; имя третьей Хиддекель, она протекает по земле Ашур и имя четвертой Евфрат».

Кто же от кого заимствовал?

Это не трудно видеть. В только что изложенном буддийском сказании сделан логический скачок: начало четырех рек отнесено на какой-то южный остров старого света, вроде Цейлона, а потом, как во сне, эти же реки оказываются текущими и по всему азиатскому континенту... Библейское сказание, помещающее земной рай посередине земли и проще и логичнее, а потому и буддийский остров Древа Джамбу, есть его дальнейшее развитие и притом еще и искажение.

Рассмотрим же эту буддийскую географию и далее.

На том же острове Древа, в двадцати милях, на севере Благовонной горы, находится четырехугольная Золотая скала, принадлежащая Асуриям, имеющая 30 миль в длину, а в ширину 300 миль и 4 голоса.

Далее, к северу, в двадцати милях находится Царь деревьев, Сала, корни которого в земле простираются на 40, а пень имеет высоту в 80 сажен. Малые деревья, в семь рядов вьются вокруг него напоподобие четок.

Там же, на востоке, в двадцати милях находится круглое озеро, имеющее в ширину 50 миль, а в окрестностях его 100 000 малых озер, вода которых славится восемью ценными свойствами. На них растут цветы Лилхоа, ствол которых подобен сохе, а сами цветы, толщиной в воловью кожу, подобны колесам. Вкус их медовый.

«На чудном озере Мапама произрастают деревья, под названием Джамбудаши, хотя плоды не так вкусны, как у Линхоа. Когда зрелый плод их упадет в воду, слышен звук Джамбу, который дал начало названию острова Джамбу-двипа. Часть этих плодов служит пищей царю драконов (Магараджа), превращенному в рыбу, а остальные превращаются в золото реки Джамбу.

На том же Джамбудвипе, с западной стороны, в царстве Удияна (что просто значит роща, парк, сад), находится огромный алмазный дворец, обитаемый особыми существами Дакиями, от которых узнали большую часть таинственных знаний, служащих к спасению людей от враждебных сил.

На южной стороне острова Древа находится гора по имени <...> (поддержка корабля или ковчега), на уступе которой имеет пребывание Хэнгшим Бодисатва, воплощающийся в Далай-Ламах, а у подошвы живет Дара-экэ, супруга тибетского царя. На востоке возвышается пятивершинная гора, обиталище Манджушрия. И вот Абель-Ремюза, руководствуясь китайскими авторами, сообщает нам, что в древности страна Джамбудвип (начавшись чем-то вроде острова Цейлона, как во сне превратившись уже во всю земную поверхность), разделялась на четыре государства, управляемые разными царями, из которых 1) на севере жил царь людей; 2) на юге — царь слонов; 3) на западе — тоже царь слонов (в стране, прилегающей к морю, обитатели которой, не зная ни обрядов веры, ни общественных отношений, занимались единственно сокровищами); и 4) на востоке — царь коней, в стране холодной и неплодной. И оказывается даже, что под именем первого царя надобно подразумевать Китайского императора; второй царь, это великий Индийский Раджа; третий Шах Персидский, а последний — царь северных номадов, скифов, гуннов, турков, монголов и пр.

«Близ острова Древа Джамбу лежит остров Сингала-йн, несомненно отголосок Цейлона, жители которого и теперь называются сингалезцами, затем еще острова: Золотой (Алтан двип), Лунный (Саран двип) и многие малые, как бы подвластные первому главному».

К этой системе нижнего мира принадлежит и солнце, и луна, и звезды.

«В атмосфере, простирающейся вверх на 40 000, виднеются солнце, луна и звезды, совершающие круг около горы Сумэру. Там же имею пребывание и воздушные Тегрии».

«Солнце состоит из огненного хрусталя. Оно в поперечнике имеет 51 милю, в окружности 153 (отношение окружности у диаметру взято равным 3, вместо 3,14169), в толщину 6 с лишком миль. На нем находится высокая стена из золота; на восточной стороне дворец серебряный; на юге лазуриковый; на западе хрустальный; на севере золотой. В тронной живет Тегрия Наран со своими товарищами. Солнце, двигаясь по направлению воздуха, в течение суток окружает четыре главных острова земли. Когда оно на севере, дни бывают долгие, и время летнее; когда перейдет на юг, дни уменьшаются и время бывает зимнее; а когда находится на середине между севером и югом, тогда равноденствие. От действия солнечных лучей происходит жар и холод, зима и летом все прочие времена года. Солнце шесть месяцев идет к югу, и столько же к северу».

«Луна состоит из водянистого хрусталя и имеет в поперечнике 50, в окружности 150 и в толщину 6 с лишком миль. На ней четыре дворца: золотой, серебряный, лазуриковый и хрустальный, обитаемые сыном Тегрия, по имени Саран, с его товарищами. Когда луна приближается к солнцу, тогда она, покрывшись тенью в защиту от солнечных лучей, делается невидимою. Пятнадцатого числа каждого месяца, солнце от луны бывает далеко, и потому луна вся ясно представляется нашим глазам. А что же означают пятна на луне? Очень просто. Некогда Шакиямуни Будда принял на себя вид зайца, а Хормусда поместил его на луне, чтоб показать людям. Там, среди огады простирающейся на 12 миль, находятся свои царства, озера, чистые воды, цветы различного рода и дерево Калбаравас».

«Звезды состоят тоже из водянистого хрусталя, и все кругообразны. Большие из них простираются на 3 000, средние на 1 000, малые на 500 полетов стрелы. Числом они доходят до 185 миллионов. На звездах находятся жилища сыновей и дочерей Тегриев, которые подчинены четверем великим царям (Махараджа)».

Но наш третий — нижний мир — мир явления духа в материи, мир органический состоит не из одного нашего старого континента, с прикрывающим его небесным сводом, а из множества континентов, устроенных наподобие теперь описанного (*явный отголосок открытия Колумбом «Нового Света», значит, это составлено после 1504 года*), каждый имеет свою гору Сумэру, свои четыре больших и восемь малых островов, обители божеств, свое солнце, луну и звезды. Все эти миры называются тысячею трехтысячий миров. Из этого числа — Малый Хилиокосм (т. е. малая тысяча континентов) состоит из тысячи отдельных, но совершенно сходных с нашим континентов. А как наш «старый свет» представляется в виде плоскости, прикрытой небом, то и вся тысяча континентов расположены на пространной плоскости, в порядке один за другим и большие горы служат их границей. Над этим-то малым хилиокосмом, во всем его пространстве, возвышается самый низший ярус среднего мира, т. е. малосветный.

Вне пределов этого малого хилиокосма, но в той же плоскости и окружая его со всех сторон, лежит Средний хилиокосм, состоящий из миллиона миров и окруженный также горным хребтом, а сверху покрытый уже средним ярусом (очень светлым), второй Дияны, и областью «блаженных», принадлежащую уже к третьей Дияне.

За пределами среднего хилиокосма, в той же плоскости, но вокруг него, расположен большой хилиокосм, который, вместе с предыдущими составляет тысячу миллионов миров, и пространством своим достигает крайних пределов вселенной. Лежат на нем: верхний ярус второй Дияны, т. е. светлейший, вторая область третьей Дияны (т. е. беспредельно блаженных) и область явления Будд из четвертой Дияны. Все исчисленные миры образовались, населялись и разрушаются в одно время с нашим миром, и тогда во всем пространстве, им занимаемом, будет иметь место действительная пустота, до нового мироздания через один мировой период.

Что же мы здесь видим, читатель?

Мы видим один и тот же процесс мультипликации всех средневековых и даже более поздних «открытий» европейской философии.

У христиан Христос только один, а тут уже множество христов-будителей (Будд), у христиан Христос воплотился, умер и воскрес только один раз, а тут в виде Будд он и умирал и воскресал уже множество раз.

У евреев имелся только один небесный свод над землей, состоящей из трех частей — Европы, Азии и Африки. Христианские астрологи мультиплицировали его до семи небес, а здесь имеем мы уже целых 19, не считая 6 ярусов земного мира.¹⁶

16 В Верхнем мире 4 яруса; в Среднем мире 4 отдела; из них в четвертом снизу 6 ярусов; в третьем 3 яруса; во втором снизу отделе 3 яруса; в первом снизу 3 яруса. В нижнем мире 6 ярусов.

Христианский бог является только в трех лицах (т. е. персонах), а на азиатском востоке, смешав личность с лицом, стали изображать «творца миров» чуть не с 40 головами. Еврейская теология довела время жизни самого долголетнего человека Мафусаила до 969 лет, а тут мы видим счет уже «мировыми периодами».

В Европе Колумб около 1500 года нашей эры открыл только один «Новый свет», по своему устройству сходный с нашим, а тут азиатская фантазия довела число этих «новых светил» уже до трех миллионов.

Мы видим во всем этом настолько однообразную эволюцию религиозных и философских представлений по мере нашего движения от запада «старого света» к его востоку, что нет никакой возможности поверить, будто дело шло наоборот. А то обстоятельство, что тут утысячекратилось даже и открытие Колумбом Нового Света около 1500 года нашей эры, достаточно показывает, что и излагаемая нами «буддийская космология» явилась в таком виде не ранее XVI столетия нашей эры, а по всей вероятности значительно позже.

* * *

Посмотрим теперь и вообще на буддийскую мифологию.

В народных христианских представлениях мы имеем кроме бога-отца, его воплощения и вочеловечения посредством девицы Марии и его проявления в виде святого духа, также и множество добрых и злых духов: архангелов, ангелов, херувимов, серафимов, сатаны, демонов, чертей, а также всяких домовых, ведьм, русалок, нимф, гномов, святых, монахов и монахинь, целых разрядов освященных лиц. В такой же мере, но только под другими национальными костюмами мы имеем их и во внутренней Азии и буддистов. Евангелия нам говорят о лицах, в которых вселялись такие духи, один раз будто бы Христос изгнал их целый легион из одного человека, переселив их в стадо свиней, которые вслед за тем побросались в море. Мы видим тут зародыш представления о переселении душ, так сильно развившийся в буддийском учении. Идеи, что в этом ли другом человеке, возродилась душа кого-либо из его предков, хотя и не входит в канон христианского учения, но время от времени появлялась и у христианских учителей. Особенно интересен в этом отношении конец евангелия Иоанна, где прямо намекается, что его ученик будет жить, когда Христос снова придет на землю, хотя это и не значит еще, что он не умрет.¹⁷

17 См. Евангелие Иоанна (21, 22—23): «Петр говорит Иисусу (об Иоанне): — А он что?»

— Если я захочу, чтобы он пребывал (на земле), когда я приду, то что тебе до этого?»

И пронеслось слово между братией, что человек тот не умрет. Но Иисус не сказал: не умрет, а только: если я хочу, чтобы он пребывал (на земле), когда я приду, то что тебе до этого? Это ученик и написал сие (евангелие)».

Таким образом, даже и учение о переселении душ имеется в христианской теологии, а тем более существовало как бы в союзе с нею в народных представлениях средних веков, и только приняла у буддистов дальнейшую разработку, причем они значительно обработали и усовершенствовали христианский рай (нирвану) и христианский ад.

* * *

Посмотри теперь и на самого буддийского верховного судью всех смертных.

«Не повторяю здесь, — говорит О. Ковалевский в своем «Буддийском космосе» (стр.140), — мнения, которые считают Будду творцом мира и главным судьей деяний всех одушевленных существ», и мотивирует это тем, что такое мнение разделяется не всеми современными буддийскими теологами, от которых мы имеем все наши сведения. Часть из них считает Будду-будителя (как и некоторые послесредневековые христианские секты своего Христа), только олицетворением всепрощающей любви, а не строгости, почему они и предоставляют определение более логично, чем мы видим даже и теперь у ортодоксальных христианских теологов. И это снова показывает, что буддизм, каким мы его видим теперь, есть дальнейшая ступень развития какой-то из восточных христианских сект.

Если руководиться греческими первоисточниками, то можно допустить, что это были первоначально несториане, так как и самое имя их значит «возвращенцы» (очевидно, с того света), а это совершенно однозначнее с «возрожденцами» буддизма. В соответствии с этим, историки христианской церкви нам рассказывают, что они первоначально распространились из Константинополя в 498 году нашей эры по Персии, из нее по Индии и Китаю, а следовательно не могли захватить и Тибет, а в Монголию могли проникнуть через северную Персию, если не через побережья Черного моря, и это как раз был разгар Апокалиптических пророчеств о близком возвращении Иисуса с того света.

Первым возвестил это учение, — говорят нам, — константинопольский патриарх Несторий (т. е. Возвращенец), умерший в 440 году и осужденный на эфеском соборе 431 года за то, что признавал божескую природу только за бессмертным духом Иисуса, а тело его считал, как и современные буддисты у своего многовоплощавшегося Будды, только временной материальной обителью его бессмертного духа, оболочкой. Не имеющей в себе ничего божественного, а такой же, как у остальных людей. И очень интересно, что как

раз во время Эфесского собора, осудившего патриарха-Возвращенца, брат Атиллы Буда основал город Буда-Пещь, очевидно, в виде изобретенной им доменной печи для выплавки железа, что дало возможность его брату и соправителю Атилле объединить под своей теократической властью все мадьярские и славянские племена Балканского полуострова, южной России от Дуная до Волги и Киргизских степей на восток. А на запад его власть доходила даже до Франции и Италии. Все это очень сближает Буду-Пробужденца с Несторием-Возвращенцем и с Будую-Будителем монголов и тибетцев. И кроме того, имя Будда, т. е. будитель, очень сближает его носителя, кто бы он ни был, с современным гипнотизером, так как основное действие гипноза именно и есть усыпление подверженных этому людей утомляющими манипуляциями и звуками и потом пробуждение их по повелению «будителя» к новой жизни, и при этом даже нередко с совершенно новым поведением, как будто прежняя «душа» подменена другой. Это «будительство» и внушение во время сна и было основным приемом распространенной в средние века по Южной Европе черной магии, которая отделилась в Европе от обычных приемов распространения благочестия уже в средние века, но и до сих пор применяется буддийскими и браминскими клерикалами в широких размерах для удержания населения в пределах своего культа и мировоззрения, о чем мне подробно придется говорить далее в главе «Культы и колдовство».

Но возвратимся к нашему предмету. Мы видели сейчас, как ряд сопоставлений показывает нам, что местом первого появления легенды о Будде, который в том виде, как его рисуют теперь, есть, конечно, лицо мифическое, приходится считать не снежные вершины Гималаев в Индии, а современный Буда-Пешт, т. е. Буда-Пещь, как это ни кажется поразительным с первого взгляда, и что миф о Буде есть только ответвление Византийского мифа о Христе.

— Видел я, — говорит он, воплотившись в Шакия-Муни, — все страдания одушевленных существ, и желая освободить их от столь несчастного положения, указывал им путь ко спасению. Из любви к ним, старался я снискать достоинство Будды (будителя) посредством добрых дел. Творите добро, обогащайтесь заслугами для блага собственного и своих ближних! Страхась зла и неминуемого наказания, творите добро! Горе грешникам!»

При таком настроении ему, конечно, не пристало быть строгим судьей грешников и осуждать их на только что описанные жестокие мучения в аду. И вот буддийская теология улучшила евангельскую, передав суд Сатане — царю демонов Эрлик-хану.

Сидя на львином престоле, рассматривает Эрлик-хан деяния существ и назначает своим подсудимым место возрождения. Его представляют, среди пламени, с жезлом в руке, на верхушке которого прикреплен головной череп, а в левой руке — аркан. В лице его виден гнев, как у бога-отца Иеговы в его библейских описаниях. Около шеи и на груди привешена цепь также из черепов.

Ему подчинены бесчисленные демоны Эрлики, которых представляют также в ужасном виде. Голова у них покрыта темно русыми волосами; глаза сверкают на все стороны; оскаленные клыки и страшные мечи в руках служат орудием

для терзания несчастных жертв, низверженных в подземельное судилище.

«Один благоговейный юноша, по совету Будды, вочеловечившегося в виде Шакия-Муни, отправившись в адские области, встретил там грешного брамина, окруженного полчищами яростных бесов, которые тащили его на аркане. Позади осужденного бесы производили ужасную пляску; а другие бесы, идя впереди его в виде лисиц, оглашали воздух пронзительным криком. Из тела брамина кровь лилась ручьями, изо рта и глаз клубился дым. Толпа неистовых бесов нестерпимо ужасными голосами повторяла:

— Влеките преступника, который в продолжение своей жизни предан был одним лишь злодеяниям! Это был заклятый враг всех одушевленных существ!

Среди этих страшных восклицаний едва был слышен плач брамина:

— Увы! — говорил он, — нет мне теперь помощи ни от прежнего богатства, ни от друзей и родных!

На вопрос юноши о причине такого наказания, один из бесов отвечал:

— Он ястребами убивал птиц, собаками умерщвлял зверей, преследовал духовных, обижал нищих, предавался пьянству. На земном поприще окружали его жена, дети, родные: при последнем издыхании не было у него ни товарища, ни друга, а теперь одни только страдания сопровождают грешника».

Скажите сами, читатель, не списано ли все это с христианских сказаний о чертях? Совсем, как в русских народных сказаниях!

Нам остается теперь только изложить сотворение мира по современным нам буддийским авторам.

«В начале, — говорят они, — была пустота. Из пустого пространства произошла масса, в 1 600 000 миль протяжения, масса чрезвычайно крепкая, тонкая, голубоватого цвета. Это была стихия воздуха, от сильного движения которого явилось так называемое золотое облако. Из него полился продолжительный дождь, давший начало нижнему морю, глубиной в 1 120 000, шириной на 1 203 450, а в окружности в 3 610 350 миль. На этом взволнованном море образовалась золотая поверхность земли, как пенка на молоке, покрывающая пространство на 320 000 миль; остальные же 800 000 миль были покрыты водою.

На этом море поднялась буря; из верхних волн произошла гора Сумэру, из средних семь золотых гор, из последних одна железная и из разных волн — четыре острова света. А по Космогонии Ману, наш мир находился в непроницаемом мраке, как бы во сне. Но самосушный и неосязаемый чувствами Владыка, желая сделать его видимым, явился и рассеял тьму. Потом создал он воды, и в них положил зародыш, из которого образовалось яйцо, блестящее как золото, светлое как лучезарная звезда. В этом виде зачался сам Брама, праотец всех существ. По прошествии года, владыка единою мыслью своей разделил яйцо на две части, и из них образовал небо и землю, воздух, восемь царств небесных и постоянное водохранилище.

Брама имеет свои дни и ночи, расположенные периодически. Наш солнечный год составляет только одни сутки у божества. Двенадцать тысяч божеских лет образуют один век богов; тысяча таких веков ни что иное, как один день Браммы. Потому (по словам Ману) тот совершенно понимает значение дня и ночи, кому известно, что тысяча веков составляет лишь святой день Браммы.

Не правда ли, читатель, как это похоже на попытки современных христианских теологов согласовать семь дней библейского творения с геологическими периодами?

Один добрый дух спустился с неба для возрождения на земле. Потомство его, мало помалу увеличиваясь, наполнило наконец семнадцать видимых царств, четыре невидимые области и двадцать областей в мире вождения и составило шесть родов существ. В числе этих существ имел преимущество человек как перерожденец тегрия и жил бессмертным. А хотя люди обитали на поверхности земли, но они не ходили, а летали по воздуху; не употребляли никаких земных нечистых плодов, и питались только чистою самадией. Тогда не было еще различия пола, и люди не родились, а размножались посредством переселения душ. Тело их было лучезарное, и потому никто не чувствовал надобности ни в солнце, ни в луне. Тогда не было слова человек, и все назывались одушевленными существами.

Но одно из них, найдя земное масло, не только отведало его, но и других побудило к тому же. Оттого самади исчезла. Люди лишились способности летать по воздуху, потеряли свой природный блеск, ниспали на землю и принуждены были ходить в темноте. Тогда и произошло солнце. Луна и звезды, рассылающие свои лучи на землю, населенную живыми существами.

В другое время один человек открыл еще новую еду Ногогану и начал употреблять ее. Другие то же сделали и тогда произошло разделение полов мужского и женского; появилась любовь; родились сыновья и дочери.

Потом люди, для обеспечения своего содержания, стали сеять салу, произошли укоризны, а спор о возделанной ниве довел до гнева и смертоубийства. Некоторые, приобретая в большом количестве плоды земледелия, начали скрывать от тех, которые гораздо менее их имели. Открылся источник скупости.

Наконец, явился один красивый, правосудный и умный человек, который, обеспечив собственность каждого, принудил возвратить все неправильно приобретенное. Поля были разделены на равные участки. Весь народ, избрав его своим начальником, единогласно восклицал:

— Мы тебе вручаем полную власть и будем беспрекословно повиноваться твоему повелению.

Этот первый монарх прославился в четырех частях света под именем Всемирного хана.

Тогда же началась и история народов... А какова же будет дальнейшая судьба мира?

Она тоже уже сложнее, чем по христианским представлениям. Вся природа одушевлена. Существа, населяющие мир материальный, непрерывно возрождаются. Души, переменяя вещественную оболочку, переходят из одного

творения в другое, пока не очистятся до степени совершенства, и в высшем мире не сольются в безмятежную единицу. Таким образом, при содействии воплощающихся Будд, мало помалу мир органический лишается своих обитателей, жители нижайшей области ада, по истечении определенного времени мучения, переселяются на четыре острова вокруг горы Сумэру, а те, которым назначено еще претерпевать страдания, переходят в другие места, не столь мучительные, как прежде, до совершенного освобождения оттуда. То же самое происходит в царстве биритов и бессмысленных животных, пока все существа удостоятся спасения и обиталища их опустеют. Люди мало помалу будут возрождаться в странах первого небесного яруса, за ними туда же следуют и все духи. А когда в целой системе мира не останется ни одного одушевленного существа, и все высшие гении исчезнут из него, тогда начинается в нем большой беспорядок. От бездождия и солнечного зноя завянут все растения и деревья. Потом явится второе солнце и иссушит все источники, ручьи и речки. Третье солнце иссушит все большие реки, а от четвертого иссякнет озеро Мапама, от пятого и шестого исчезнет океан, от седьмого вспыхнет гора Сумэру, четыре острова и все области гениев; наконец, сгорит и первый ярус неба, и все пространство от него до самого низшего отделения ада подвергнется разрушению и заменится пустотой. Природа, лишенная оживлявшего ее духа, сама собою уничтожится. Разрушение всей вселенной требует двенадцати средних мировых периодов.

Но период пустоты, заменившей природу, продолжится также двадцать средних периодов. После этого собрание частиц духовности во второй дияне, которые до сих пор были облечены в материю, но еще не успели удовлетворить всем условиям судьбы, сделаются зародышем для развития нового мироздания, в котором и будут продолжать прежде начатую борьбу с вещественностью. Как смерть считается началом другой жизни, так светопреставление скрывает в себе семена будущего возобновления вселенной.

Таким образом совершается весь кругооборот мирозданий, причем в каждом для блага живых существ являются тысяча Будд. Каждый из них, воплотившись в человека, возобновляет забытое людьми учение о вере и, пробуждая в них самосознание, возводит на степень нового совершенства. Четыре уже Будды нисходили в современный мир для распространения веры: Каракуччанда, Канакамуни, Кашяпа и Шакямуни. За ним последует Майтрея (Майдари) и прочие по определенной очередности так, что после тысячного Роча-Будды совершится разрушение мира. Все они царской крови или из браминской касты и появляются в священных местах средней Индии, и если находится между ними какое-либо различие, то разве в их деятельности и продолжительности их учения на земле: Шакимуниевое учение продлится 5 000 лет.

Буддийские книги утверждают, что после семи разрушений мира от огня восьмое случится от воды. Потом опять семь мироразрушений совершится от действия огня, и восьмое от воды. После семикратного повторения этого, вселенная истребится огнем, и потом воздухом в виде неукротимой бури. Таким образом, после 56 разрушений от огня, семи от воды и одного от воздуха, шестьдесят четвертое мироразрушение будет последним, и тогда

иссякнет даже источник будущего образования мира, а с уничтожением материальной природы вся духовность переселится в высшие области, которые считаются вечными.

И вот, в то время, как верующие христиане ожидают теперь только второго пришествия Христа, буддисты ежегодно совершают торжественный ход с молитвословием в честь уже пятого его прихода под именем Будды-Майтреи, но и он по их представлениям не будет последним, останутся еще 995 приходов до конца нашего мира. Мы видим, что в срединной Азии средневековая христианская идеология гораздо дальше подвинулась вперед, чем в Европе. А почему?

Ответ на это совершенно ясен: европейская мысль перешла от фантазии и мистицизма к реализму, и теология не только перестала развиваться, но даже стала отмирать, не сумев приспособиться к опытному и наблюдательному естествознанию и к натуральной философии европейских народов, слабое эхо которой мы видим и в изложенных здесь буддийских представлениях, имеющих для нас ни в каком случае не историческое, а только этнографическое значение.

Изложенная нами (главным образом по проф. О. Ковалевскому) буддийская космография достаточно показывает нам безотрадное состояние науки в буддийской Азии. Когда же свет естествознания, так ярко сияющий теперь в европейских странах, проникнет и в эти темные еще области азиатского континента? Мы можем прямо сказать, что это будет скоро, и также предсказать, что борьба истинной науки с таким отсталым мировоззрением, как только что очерченное здесь, не обойдется для азиатов без страшных социальных потрясений.

Глава XV

Несколько мыслей по поводу классического идеизма, материалистической механизации природы и естественнонаучной энергетики.

Для того, чтобы понять те перемены, которые претерпело за исторический период времени представление, связанное со словами «душа», «дух», необходимо прежде всего выяснить себе общую эволюцию человеческого мировоззрения.

Современное естествознание учит нас, что все бесконечное пространство вселенной наполнено физической энергией, которая проявляется по закону, математически сформулированному произведением массы **M** на квадрат ее скорости **C**, различном каждый момент времени **T**, где $T = T_0$ и сокращается в абсолютную единицу времени, в каждом кубическом сантиметре трехмерного мирового пространства.

<...>

Справедливость ее безусловна, так как на ней основаны все дальнейшие формулы механики, оправдывающиеся на практике так же точно, как формулы

теоретической астрономии на вычислении солнечных и лунных затмений. В механике это то же, что дважды два четыре в арифметике. Гельмгольцем введен коэффициент **S** потому, что всякое действие в природе равно противодействию. Значит, каждое одностороннее проявление физической энергии соответствует такому же проявлению ее в обратном направлении. При векториальном сложении мы получаем ноль, но не в смысле самоуничтожения, а в смысле покоя, т. е. отсутствия всякого действия в данный момент времени в данном объеме трехмерного мирового пространства. Эта вездесущая энергия, не творимая и не уничтожаемая, т. е. в сумме своей вечно неизменная, как поверхность океана, несмотря на все изменения ее волнениями, может при переходе от одного момента времени к другому или переменять свои проявления, или известное время сохранять прежнее состояние.

В первом случае, в каждом данном объеме ее масса **M**, т. е. величина инертности, или величина сопротивления перемещению, иногда остается закрепленной в данном объеме и форме, и он производит на нас физиологическое ощущение твердого и более или менее трудно передвигимого тела, а квадрат ее внутренней скорости производит физиологическое ощущение температуры. Это приводит к выводу, что такое твердое тело состоит из отдельных индивидуумов инертности, называемых молекулами физической энергии, каждая пара которых тоже проявляется внутри тела, а в сумме составляет единицу покоя, что-то вроде буддистской нирваны. Кроме того, все эти молекулы физической энергии сцепились там между собою во что-то вроде сетей или паутины по каждому из трех измерений пространства, при кристаллических формах, и беспорядочных в аморфных твердых телах, а плотность таких тел зависит от числа первичных атомов той же физической энергии, сосредоточенных в каждой его молекуле, что вместе с тем объясняет и различие их удельного веса.

Но внутренние дрожания в молекулярных паутинах твердых тел пропорциональны их абсолютной температуре, считаемой около -273° Цельсия в нашей солнечной системе на расстоянии земной орбиты. Когда абсолютная температура достаточно повысится, кинетическая энергия этих сближений и расхождений разрывает эти сети и каждая молекула становится самостоятельным тельцем и весь их рой называется жидкостью, которая может удерживаться в виде капель или в сосудах лишь давлением какой-то среды, вроде зодиакальной атмосферы нашей солнечной системы, притискивающей их друг к другу.¹ Потом, когда еще более увеличившиеся от повышения температуры размахи молекул преодолеют и эту среду (на что приходится потратить немало калорий теплоты), жидкость превращается в газ, который тоже стремится уравновесить свою плотность расширением во все стороны, чему теперь уже ничто не мешает. В таком состоянии находится наша атмосфера, более значительная плотность которой в нижних слоях обусловлена лишь тяготением составляющих ее молекул азота, кислорода, аргона, неона, криптона и других примесей к земному шару, от различия удельного веса которых происходит выдавливание более легких из смесей этих газов в более высокие слои, чем обуславливается и ее неясно выражающаяся вследствие взаимной диффузии газов, но в общем

совершенно правильная слоистость нашей атмосферы.

¹ См. об этом в мою статью «Почему мы не рассыпаемся?» в книжке «На границах неведомого».

Вследствие раздвижимости молекул жидкостей и газов, они уже не оказывают полного сопротивления давящим на них твердым телам, а являются для них проницаемой средой, так как, раздвигаясь впереди, молекулы ее замыкаются за твердым телом сзади, струйчато огибая его.

Таковы три важнейшие телесные состояния физической энергии. Мы видели теперь их метаморфиз: друг в друга вследствие повышения и понижения температуры, т. е. квадрата их скорости, который конечно не может изменяться иначе, как насчет ее уменьшения где-нибудь в другом месте, подобно тому, как и вершина волны на морской поверхности не может произойти иначе, как на счет ее впадины. И вот перед физиком встал вопрос о полном изучении всех возможных проявлений вечного метаморфоза физической энергии в каждом отдельном объеме мирового пространства, в каждом отдельном физическом теле. Понятие о веществе, о материи как о чем-то самостоятельном исчезло. Вот, например, этот стол. Что он такое? Простая материя (т. е. материал для чего-то²), или энергия? Бросьте его, разломав, в топилку паровоза, и он, метаморфируясь от ее высокой температуры, с пламенем в газ, совершит соответственную работу передвижения поезда на определенное расстояние. Значит, это скрытая заснувшая сила природы, а не «мертвая масса». Так нет и ничего другого мертвого в природе.

Вот, например, еще кусок железа или меди. Они не будут метаморфизироваться в топке паровоза от одной его температуры. Но бросьте их в азотную кислоту. Они сразу проснутся от своего сна, начнут с силою вытеснять ее водород, становясь на его место, а его молекулы помчатся оттуда вон, как стая испуганных воробьев.

Точно то же можно сказать и о всяком камне, и о всяком живом существе. Все процессы так называемой растительной жизни нашего тела суть химические процессы, и проявлениями этой же вечной и физической энергии вселенной является и все остальное. Химическое сродство предметов превращается в их теплоту, теплота в свет, звук и электричество, электричество в процесс тяготения и в человеческое мышление, а человеческое мышление обратно переходит в свет, теплоту, электричество, химическое сродство и так далее. Даже сама разделенность индивидуумов есть только их субъективное ощущение, а на деле все существо постоянно переливается в другие, так что и все частицы тела, а с ними и сознания, которыми мы обладали несколько лет тому назад, находятся уже в других существах. Всякий индивидуум в природе то же, что фонтан: он сохранил свою форму, но вода в нем с каждой секундою уже другая.

С этой точки зрения никакого разделения живого существа на душу и тело нет и не может быть. И наше сознание, и наше тело только местные проявления бесконечной в пространстве и вечной во времени физической энергии,³ всеобщая формула действия которой означает равновесие покоя.

² От латинского <...> — мать, т. е. мать природы.

³ Эти идеи были подробно развиты мною в прежних трудах по физике и химии. Особенно в книгах: 1) «основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы», 402 стр. 22 табл. и 89 рис. 1908 года. 2) Периодические системы строения вещества. Теория возникновения современных химических элементов 483 стр. и 55 таблиц. 1907 г. 3) На границах Неведомого. — Научные полужанры. 1910 г. И в других книгах и статьях.

Люди, чуждые физической математике, легко смешивают энергию с силой, но это два совершенно разные представления. Сила есть работа энергии на данном протяжении, и основная формула ее формула $(MV^2)/2$ показывает с первого взгляда, что это фактор, производный от энергии, как чего-то самодовлеющего, и от длины пути, на котором проявилось действие этого фактора.

Таковы выводы современного нам естествознания, но путь человеческого мышления к этим выводам был очень труден.

Возьмем, прежде всего, Библию.

«Человек, — говорит Старый завет, — много раз был вылеплен богом как статуя из земной глины⁴», а евангелия ни разу не говорят об этой скульптуре. Но статуя человека не была еще живою, пока бог не вдунул в его лице дыхание жизни и он стал живою душою.⁵

А что же такое душа по Библии и евангелию? В еврейской Библии она называется Нефеш, но не считается бессмертною или не материальною. Она находится в крови и вместе с нею может быть выпита — говорит Второзаконие (12.23). Она и сама может пить и есть.⁶ Она может прикасаться к земным предметам, ее можно изловить и убить.⁷ Она умирает и попадает в могилу. Она тождественна с волей⁸ и имеет свои похоти⁹ и свое дыхание¹⁰ и запах, откуда и русское слово душистый и часто смешивается с духом.¹¹

Точно также и в Новом завете, где она по-гречески называется Психэ, откуда и имя психологии. А обращаясь к слову дух, мы находим для него совершенно те же признаки, как и для души, хотя оно по-еврейски и имеет два названия пешама и рух. Первое слово переводится как дыхание,¹² а второе — рух, как

ветер множество раз, но также и как дыхание,¹³ и как ум,¹⁴ а в Новом завете постоянно как дыхание (по-гречески Пневма, откуда и пневматическая машина).

⁴ Бытие 2,7; 3,19; 18,47. Иов 10,9; 34,15, Псалмы 102,14. Экклезиаст Церковник 3,20; 12,7. Исайя 64,8. I Ко-риенфянам 15,47. И ни разу в евангелиях.

⁵ Бытие 2,7; 7,15-22; Иов 12,10; 27,3; 33,4; И у мессиианцев и пророков: Исайя 2,22; 42,5; Иезекиил 37,5-10; Деяния апостолов 17,25; послание Иакова 2,26.

⁶ Числа 11,6; 21,5; Притчи 6,30; 27,7; Исайя 55,2.

⁷ Числа 19,22; Псалмы: 55,7; 123,6; Иезекиил 13,20; Иов 7,15; Второзаконие 19,6-11; Судей 9,17.

⁸ Числа 23,10; Числа 16,30; I Царей 17,4; 20,31; Иов 13,14. Псалмы 32,19; 55,14; 114,8; 118,178; Иона 4,8; Псалмы 93,17.

⁹ Второзаконие 23,24. Псалмы 26,12; 40,3; Иезекиил 16,27; 25,15; II Самуила 17,8; II Царей 9,15; Исход 15,9.

¹⁰ Псалмы 9,24. Михей 7,3; Аввакум 2,10.

¹¹ Иов 41,13. Плач Иеремии 2,12; Псалмы 104,22.

¹² Бытие 2,7; 7,22. Второзаконие 20,16; Псалмы 150,6. Исайя 2,22; 30,33; 42,5; 57,16.

¹³ Бытие 6,17; Иов 10,12; 15,30; 17,1; 33,18. Исайя 11,4; 26,18; 30,28 и т. д.

¹⁴ I Паралипоменон 28,12. Псалмы 33,19 и т. д.

В Ветхом завете слово «душа» встречается в Библии 858 раз, а слово «дух» — 466 раз. В Новом завете душа — 105 раз и дух — 385, так что в сумме мы имеем 1709 случаев применения этих слов и ни единого раза со значением бессмертия. Выражения «бессмертная душа» и «бессмертный дух» в священном писании никогда не встречается. Это новейшая теология, а потому и буддизм со своим переселением душ и окончательным погружением их в

состояние блаженного покоя есть только переходная ступень от библейско-евангельских представлений к самовольным философствованиям современных христианских теологов. А относительно терминологии никак нельзя определить, чем «дух» отличается от «души». В основе представлений о душе лежало несомненное представление о дыхании, а в основе представления о духе — ветер, невидимый, но ощутимый, откуда и слова евангелия Иоанна: дух дышит, где хочет, присутствие его ощущаешь, но не знаешь, откуда он приходит и куда идет.

А с тех пор, как составилось представление о непрерывной атмосфере, и дыхание и ветер обратились для нас в одно и то же: в движение непрерывной атмосферы, наполняющей все обитаемые живыми существами пространства.

От представления о человеческой душе, как об отдельном существе, тождественном с дыханием, недалеко было до вывода, что ее можно и переселять из одного существа в другое. Если бог оживил вылепленное из глины тело Адама, вдунув в него «дыхание жизни», отчего он стал живую душою, то почему же не передунуть тот же самый выдох в другого человека, или выдохнуть себе из него? Возможно, что с этой целью возник и поцелуй, как средство втянуть в себя часть души любимого человека.

Для учения о переселении душ могли легко служить, например, слова от имени Иисуса в евангелии Марка 12,26: «Разве вы не читали в книге Моисея, как бог сказал ему: Я бог Авраама, Исаака и Иакова? Бог не есть бог мертвых, но бог живых». При отсутствии представлений о вечной душе, о чем мы говорим <...> Точно также и разговор Иисуса с фарисеем:

— Ты видел Авраама?

Истинно, истинно говорю:

Вам раньше, чем был Авраам, я был...

Разве не должны были эти слова навести на мысль, что сын божий еще раньше, чем родился от девы Марии «в 31 году царствования Октавиана-Августа», рожден был еще и ранее Авраама, т. е. по еврейской хронологии в 2008 году до начала нашей эры?

То, что идея переселения душ существовала в евангельские времена у евреев, несомненно доказывается и словами фарисеев, что в Христе возродился пророк Илия, живший по средневековым христианским представлениям за 900 или 1000 лет до «Рождества Христова» (Евангелие <...>). А затем мы находим и в конце евангелия Иоанна, что через апокалиптическую тысячу лет, когда ожидалось второе пришествие Христа, будет снова в живых также и любимый его ученик Иоанн.

И если из-за такой нелепости, как слова евангелия Матвея о скопцах <...> могла возникнуть и даже долго существовать секта скопцов, несмотря на ее принципиальное свойство — отсутствие потомства и возмутительность обряда принятия в нее, то как бы не образоваться в христианском мире также и секте верящих в переселение душ (т. е. выдыханий) людей и животных, и в неоднократные возрождения самого Христа, то в виде современника Авраама, то в виде пророка Илии, то в виде евангельского Иисуса, то в виде тибетского

Далай-ламы? Ведь весь буддизм с этой точки зрения есть только дальнейшее развитие идей, зародыши которых положены в евангелиях.

В Европе же, как быстро захваченной естествознанием, развитие дуалистического учения о «теле» и «душе» пошло помимо религиозных представлений. И по-французски <...> первоначально — душа, того же корня, как немецкое <...> — дыхание¹⁵ только отголосок греческого <...>, а французское <...> и английское <...> есть только отголосок итальянского <...>, означавшего первоначально дыхание, как свидетельствует и глагол <...> — дышать. И даже по-немецки <...> одинаково значит и дух, и спирт.

¹⁵ Например, в выражении <...>.

Все это показывает на первоначальное отсутствие понятия об атмосфере и на мистическое представление о газах и ветрах.

Когда-то, еще в Шлиссельбурге, я изобразил все это в стихотворении

В беседке.

<...>

В соответствии с этим, и в христианских представлениях «духи» населяют главным образом то же самое «пустое пространство» между земной поверхностью и прикрывающим ее куполом неба, как и летающие птицы.

А о «душах» умерших людей, т. е. об их улетевших в эту же область между небом и землей невидимых, но помнящих свое прошлое дыханиях, говорится во всех христианских и языческих сказаниях, и за воплощение их в других телах с изгнанием из них прежней души достаточно говорили те случаи психоза, когда человек после мозговой болезни терял память о своем прошлом, переменял сразу свой характер и поведение. А о возможности изгнаний прежней души из человека и ее замене новою достаточно припомнить, что внушение, как способ колдовства, практиковалось в Европе и в средние века колдунами.

Потом со времени введения в употребление печатного станка (откуда только и можно начинать историю действительной науки и культуры) многие мистические духи были разжалованы в бессознательные газы, но мистика все же сохранилась в понятии об особой душе у мистического человека, способной летать по воздуху вне всякого тела. Это представление, поддерживаемое пережитками средневековой мистической теологии, причудливым образом уживалось во многих даже просвещенных головах, с их естественнонаучными познаниями. И на этой почве началась идеистическая философия, которую неправильно называли идеалистической потому, что идея и идеал не одно и то же.

Началась она, собственно говоря, с евангелия Иоанна, которое я приписываю Иоанну Дамаскину, где он определяет бога как Слово, очевидно в том же смысле, как я это изобразил в своем стихотворении о городской беседке. По звуку этого слова произошло все на свете, т. е. имя произошло раньше предмета, которым оно называется. Отсюда в XI веке и произошел номинализм Компьенского каноника Иоанна Росцеллина. Но автор евангелия Иоанна, как бывает и со всеми знающими только свой язык, наивно не догадался, что имена предметов различны на разных языках, и потому учение о логосе (а также и номинализм) вскоре заменилось учением не о развитии предмета, а об идее о нем, вызвавшем его к жизни. Таковы были представления того, кого историки называют Обширным философом (Платоном по-гречески), хотя, как я показал уже в третьем томе Христа, его произведения принадлежат нескольким авторам XV века, собранным в 1481 году Марчеллино Фичино и изданных Лаврентием Бенетом .¹⁶

¹⁶ Христос, [кн. III, стр. 138.](#)

Потом епископ Берклин (1684–1753), родившийся в Англии как раз через три года после выхода Фичинова «Обширного Философа» (Платона по-гречески) повел это учение далее, и пришел к заключению, что все материальные немыслящие вещи находятся лишь в представлении <...> душ, которые одни только реальны, и кроме них да бога, как всеохватывающей бесконечной мировой души, ничего нет. Все не мыслящее лишь признаки душ или духов, летающих в виде ангелов или демонов в пустых пространствах между землей и небом или под землю.

Потом появился так называемый Критический идеализм Канта (1724–1804), раз-вившийся в Германии, в Кенигсберге, и уже отрешившийся, благодаря развитию опытной науки, от христианского символа веры, и от летающих повсюду в атмосфере духов, которых стало уже невозможно отождествлять с сознательными газами, от которых возникла и самая идея о их существовании, оставшаяся теперь без всякой внешней опоры, исключительно в мире субъективных идей. При дальнейшем логическом развитии идеизма, и сама наша жизнь с этой точки зрения стала представляться ничем не отличающейся от сновидения, кроме большей связности и систематизации ее образов и субъективных впечатлений. И вот Кант провозгласил «Непознаваемость самих по себе» причин, порождающих в нашем сознании явления и предметы внешнего мира, к которому относится и само наше тело вместе со всеми его органами чувств. Для достоверного знания, — говорил Кант, а за ним и его последователи, — доступны лишь явления в нашем сознании, которое по существу тоже непостижимо. Само пространство и время лишь наши субъективные представления и сами в себе не существуют, а потому и все, что вмещается в них, тоже не существует вне нас, и является лишь представлениями нашего сознания. Все познаваемое нашим умом, создается им же самим по присущим ему законам в бодрствующем состоянии

и беспорядочно во сне или при помешательстве. Наша сознательная жизнь есть только наш систематический сон, а кто спящий — мы никогда не узнаем.

Но если весь внешний мир есть сон, то и все окружающие нас люди, как принадлежащие к нему, только наши же представления, а не существуют в действительности. Существует только одно сознательное я — ничто иное, как сам я, единственный центр мира, хотя мне и грезится вокруг огромное количество совершенно таких же Я, и даже двух полов — мужского и женского. Но это — мираж.

К каким выводам обязательно приводит идеистическая философия в своем окончательном развитии; например, у Ницше:

— Скажи, философ новый,

В чем сущность бытия?

— Проста его основа:

Есть в мире только я.

Один я есмь и буду,

Один я есть и был.

— А мать твоя откуда?

— Я сам ее родил!

Вполне понятно, что такого рода философия, которая и сама приравнивает себя к простому сну, — могла развиваться только в пессимистическом сознании, и потому связана с пессимизмом, получившим окончательную обработку у Шопенгауэра (1788–1860), который человеческое сознание отождествил с волей, под представление о которой подвел не только сознательное желание, но и бессознательное влечение, включая сюда и все силы неорганической природы.

Во всех этих системах главным камнем преткновения служила явная множественность однородных сознаний, на которое я и пытался указать в только что приведенном стихотворении, написанном еще в середине шлиссельбургского заточения, где пожизненность изоляции от внешнего мира делала некоторых естественно очень склонными к подобного рода представлениям.

Некоторое время, после того, как (благодаря помешательству многих из нас) нам были разрешены прогулки вдвоем, мне пришлось сильно страдать от этой философии. Моим спутником был назначен один из моих товарищей по

заточению Сергей Иванов, как раз после того, как он прочел книгу Гертмана или Шопенгауэра, или Ницше, данную нам для переплета, и так увлекся субъективным идеализмом, что не мог говорить не о чем другом. Это был настоящий психоз, и он продолжал бесконечно повторять те же самые доводы, пока наконец я не сказал ему однажды с тоном глубокого убеждения:

«Я совершенно не понимаю, Сергей, как можешь ты спорить со мною! Ведь тебя же нет, ты существуешь только в моем представлении».

Он рассердился и заявил с раздражением, что со мной не стоит говорить о философских вопросах.

Но это было справедливо не только по отношению ко мне, но и вообще. Всякий спор предполагает наличие двух равноправных спорящих, а что же тут выходит? Один говорит другому:

«Тебя нет! Ты существуешь только в моем воображении».

А другой ему отвечает:

«Врешь! Ты сам существуешь только в моем воображении!»

Как тут решить, кто прав? А раз мы допускаем совместное обсуждение хотя бы двумя лицами этого вопроса, то тем самым уже признаем, что не одно Я существует в мире, хотя каждому «Я» и кажется, что оно, несмотря на все свои передвижения, все время остается центром вселенной, что может быть только в случае ее бесконечности (где всякая точка пространства есть ее центр, подобно тому, как мы видим это на поверхности шара).

С этой точки зрения вполне правильно сказать, что с каждым нарождающимся человеком возрождается вся вселенная, и с каждым умирающим она умирает, чтобы вновь и вновь возродиться в живых существах, обладающих органами чувств. Понятно, что эти отражения общего макрокосма в бесчисленности микрокосмов, какими являемся мы, чрезвычайно разнообразны. У мистически настроенных они принимают чудесную окраску, а у вкусивших естествознания принимают реалистический вид. Но мы можем прямо сказать, что естественнонаучное мировоззрение правильно, так как только одно оно позволяет нам безошибочно предсказывать будущие результаты тех или иных процессов в окружающем нас микрокосме.

Для этой моей книги, — где мне приходится излагать и разбирать философию современных восточных религий, — которым без достаточных доказательств придана глубокая древность, небезынтересно отметить, что пессимизм Шопенгауэра (1880–1860), рассматривающий бытие как страдание, а небытие как избавление от него, выразился ярко и в буддийской религии, начало которой относят за 2000 лет до этого философа, хотя все документы о таком мировоззрении буддистов, насколько мне известно, обнаружены европейскими учеными в Индии в тот же период времени, и рукописи не носят признаков глубокой древности.

Я не буду, конечно, настаивать на том, что буддийские философы взяли это у европейских философов-идеалистов, а скорее на том, что и те и другие лишь завершили этим еще средневековые христианские представления, что земная жизнь есть юдоль страданий, а смерть лишь переселение души туда, где нет

«ни болезни ни въздыхания», как поется и в похоронных гимнах.

Как антитезис идеизму в Европе возник с половины XVII века механический материализм, а потому и считать, что провозгласил его еще Демокрит и его учитель Белый Конь (Левкипп по-гречески), как называлась планета Юпитер, вместе с атомистическою теориею, за полтысячи лет до начала нашей эры, — значит, просто не считаться ни с какими эволюционными законами.

Первые достоверные представления и об атомности вещества мы находим только у Гассенди (1592–1655), откуда ясно, что и почтенный милый Лукреций писал свою поэму «О Натуре Вещества» (<...>) не ранее XVI века. Во все средние века об атомистической теории не было и помину. А пышно развилась эта теория в связи с физикой и химией только в XIX веке, одновременно с механистическим материализмом.

Механистические идеи находим мы впервые в сочинениях Ла-Метри (1709–1750), одни названия которых: «Естественная История души» (1745), «Человек-Машина» (1748), «Человек-Растение» (тоже 1748 год) достаточно показывают его взгляды.

Затем в 1770 году вышла в свет «Система Природы» Поля Гольбаха, являющаяся как бы евангелием материализма, где показывается, что человеческая мысль сводится на движение, а нравственность происходит от стремления к самосохранению, и опровергается существование божества в какой бы то ни было форме.

Завершителями этого мировоззрения в XIX веке был Фейербах (1804–1872) со своими «основами философии будущего», вышедшими в 1843 году и другими книгами в том же направлении. А затем разработка этого мировоззрения перешла от чистых философов к естествоиспытателям. Первым из них был физиолог Молешотт (1822–1895), на-писавший «Кругооборот жизни» в 1852 году. Затем Бюхнер (1824–1900) выпустил в свет в 1855 году свою знаменитую книгу «Материя и Сила» и целый ряд других выдержавших множество изданий.

Главнейшим недочетом механистического материализма было примирить понятия о якобы инертном и бесчувственном атоме вещества с проявлениями чувствительности и сознания своего существования в состоящих только из таких атомов высших биологических организмах. А ведь эти чувствительность и самосознание обнаруживаются в психике всех людей, хотя бы вас самих, читатель, если не говорить о всех животных, без допущения чувствительности уже в самих составляющих вас первичных атомах, хотя бы, например, к прикосновению с ним других столкнувшихся с ним атомов,¹⁷ чем объяснить это ваше свойство? Современное представление о первичном атоме, как об электроны, на котором отзывается всякое малейшее движение других атомов-электронов и составляемых ими молекул, и каждое движение которого отзывается на них даже и без столкновения, стильно облегчит научное объяснение нашей психики и всех ее свойств, но для окончательного подведения ее под математические формулы с возможностью точных вычислений потребуется еще немало времени и напряжения человеческой мысли.

17 Попытка такого объяснения была сделана мною еще в Шлиссельбургской крепости в виде Научной полу-фантазии <...> напечатанной в книжке книжке «На границе неведомого» в 1910 году, где я для простоты допускал, что так называемую душу составляет только один первичный атом нашего мозга, на котором сосредоточивается все действие нашей нервной системы. При допущении, что он ощущает прикосновение соприкасающихся с ним атомов, это выходит даже и без отождествления атома с электроном.

Само собою понятно, что все наши представления о собственном теле и о его непосредственном продолжении — всей бесконечной вселенной, кажущейся нам чем-то посторонним только потому, что в нее не проникает наша нервная система, носят своеобразную окраску от устройства наших органов чувств, приспособившихся только к части сил природы.

Кто мы? Подобья людей,
Только для зренья
обычного
В свете различных лучей
Все мы — строенья
различного.

В самом сознании своем
Словно мельканья
мгновенные,
Мы как миражи плывем,
Только на миг неизменные.

Все мы в катодных лучах
Кажемся легкими дымками,
В электронных волнах
Движемся мы
невидимками.

В мире свободных идей
Мы точно сны нереальные
К цели предвечной своей
Гонят нас силы
фатальные.

Все мы — микробов

конгресс,
Временной плазмы
сплетения.
Кто мы? Мы только
процесс,
Жизни стихийной явление.

Однако же от этого представления о нас самих, как о местных процессах бесконечной и вечной вселенской жизни еще целая бездна до Ницшеанства или крайнего субъективизма. Если не один из наших органов чувств и не показывает нам природу в ее наготе, а только в надеваемой им же на нее своеобразной одежде, то это еще не значит, что наш ум не мог установить уже по одним ее переменам при разных условиях какова и без нее. Так вы сами, читая эту мою книгу, не видите в ней ничего, кроме черных фигурок на белых листках бумаги, а между тем ваш ум повторяет последовательно все мои мысли и даже не как простой фейерверк чужого ума, а критически, соглашаясь с одним и отвергая другое, если находите более правильным заменить его чем-нибудь простым.

Ведь современный естествоиспытатель знает и об обманах своих органов чувств, из которых всякому известны галлюцинации слуха, когда вы, «ослышавшись», принимаете какое-либо слово за похожее на него, и вам кажется, что вы ясно слышали, как его произнесли. Хотя небо и кажется вам голубым куполом, а звезды искорками на нем, обходящими землю каждые сутки, но ум образованного человека уже давно отрешился от этих представлений о вселенной. А в деле изучения прошлого я в этой моей работе уже не раз делал поправки буквального смысла старинных документов на основании законов психологической апперцепции при передаче содержания их от одного лица к другому, и устанавливая их первоначальный смысл и время посредством ряда вспомогательных методов.

Отсюда ясно, что наша мысль, хотя и работает не иначе, как при помощи наших органов чувств, но они только опора для ее общих выводов.

В настоящей главке мне нет возможности говорить о соотношениях новейшего диалектического материализма с его тезисами и антитезисами, к изложенному здесь энергетическому мировоззрению натуралистов. В общем своем виде диалектический материализм был впервые приложен к естествознанию в прекрасной книжке Фридриха Энгельса, имеющейся на русском языке «От классического идеализма (т. е., по нашей терминологии, идеизма) к диалектическому материализму».¹⁸ И по моим представлениям как о нем, так и об электронной энергетике современных физиков и химиков, они только дополняют друг друга, освещая предмет с двух разных сторон.

¹⁸ По-немецки она озаглавлена несколько иначе: <...>.

Глава I Чудеса Востока.

Изучая сырой материал, собранный западно-европейскими коллекторами по древней истории Малой Азии, Сирии, Персии, Месопотамии, Ирана, Индии и Китая, невольно поражаешься огромным количеством заключающихся в нем умышленных и неумышленных мистификаций. Беспристрастному исследователю кажется, как будто он читает историю святых мощей какого-либо монастыря в одной из клерикальных монографий, где атмосфера чудес всегда носится вокруг мощей святого, как запах падали вокруг гниющего трупа.

И все эти монастырские чудеса, главным образом исцеления тяжело больных, подтверждены точными показаниями присутствующих лично свидетелей, с указанием их имен, места жительства и прошлой жизни и с обозначением точного времени чуда и обстоятельств, при которых оно произошло. Кажется, что никакого сомнения в правдивости рассказов тут быть не может, особенно, когда их приведено, как в некоторых «описаниях мощей» целые сотни. И однако же при освидетельствовании таких мощей (какое было, например, у нас в первые годы революции) всегда оказывалось, что они простые засохшие от жары и сухости трупы неизвестных людей, которые никого не могли исцелить.

Как могли произойти такие грандиозные мистификации? Возможно ли это объяснить одним своеобразным экономическим материализмом монахов и монахинь из монастыря, измысливших все это с целью добывания средств для своего пропитания? Конечно, во многих случаях это несомненно. Главари монастыря, в котором из засохших трупов образовались уже настоящие страшилища, не могли этого не видеть при их приемках после смерти своего предшественника и сознательно скрывали настоящее положение дела. Но «истории» отдельных мощей с описаниями многочисленных выздоровлений от них, часто носят характер полной убедительности. Неужели, — спрашиваете вы, — все приходящие сюда поклонники и поклонницы тоже были сознательными обманщиками? Ответ на это очень прост. Из тысяч тяжело больных, привозимых сюда родственниками для исцеления, ведь не все же умирали при самом выходе из монастыря, а некоторый процент и выздоравливал, и особенно были эффектны случаи с истерическими больными, которые не время действительно чувствовали себя поправившимися моментально, что и протоколировалось я жадностью монахами. А о том, что через какой-нибудь месяц истерия во многих случаях возобновлялась по отъезде или уже дома далеко от монастыря, и о том, что огромное большинство тяжело больных уезжали не поправившимися, об этом умалчивалось. И вот, прилагая такую поправку и приняв во внимание сотни тысяч искавших исцеления, приходится удивляться не числу чудес, описанных в таких монографиях, а наоборот их малочисленности.

Но такую же поправку мы должны делать и относительно «исторических мощей», найденных до сих пор в азиатских странах западно-европейскими искателями-специалистами. Не все из них были мистификаторы, а в огромном большинстве самыми честными и добросовестными археологами. Но такое

большинство большею частью возвращалось ни с чем, или с неэффективным материалом. И только меньшинство из авантюристов, способных на мистификацию, или, наоборот, из слишком простодушных ученых, способных поверить местным мистификаторам, естественно налетающим со всех сторон на таких искателей, как мухи на мед, привозило с собой в Европу настоящие «чудеса Востока». Во многих случаях они, при ближайшем рассмотрении, оказываются не хуже носившихся недавно около святых мощей и поднимают историю Восточных народов выше всяких естественных эволюционных законов природы, ставя первичную культуру этих народов совершенно на сверхнатуральные основы. Вот почему эту область и следует особенно внимательно рассмотреть и если тут действительно окажется много шарлатанства, то не ставить этого в укор историкам-мыслителям.

Мы должны всегда помнить, что не всякий коллектор имеет право на звание ученого. Вот, например, я сам еще будучи гимназистом первых классов, сколлектировал и рассадил в ящиках на булавках вероятно, почти все виды и разновидности насекомых Ярославской губернии, где проводил лето. Они потом пропали во время превратностей моей последующей жизни, но были бы несомненно довольно ценным материалом для энтомолога, особенно интересующегося распределением насекомых. Но сам был ли я тогда энтомологом? Нет, я был просто гимназистом.

Вот, например, нечто и побольше — корреспондент американской газеты Стенли. По поручению этой газеты и на ее средства он был отправлен в 1877 году разыскивать затерявшегося в Африке Ливингстона и описал ряд восточно-африканских стран и народов, а более всего свои занимательные приключения. Затем, по поручению той же газеты в 1874—1877 году он проехал по рекам и прошел по лесам поперек всей Африки, что и описал, и наконец, в третий раз он был послан для отыскания Эмина-Паши, т. е. немецкого путешественника Эдуарда Шнитцера, отрезанного от цивилизованного мира восстанием египетских магдистов и нашел его в Верхнем Египте, открыв и описав по пути истоки Конго около 1889 года. Я буду последний из способных отвергать его заслуги в качестве коллектора географического материала, но на вопрос о том, был ли он ученым географом, т. е. способным к обобщению этого материала, и к установлению общих географических основ, я прямо отвечаю: нет! Он был замечательным путешественником-авантюристом, но не ученым-географом.

Возьмем, наконец, и еще нечто побольше, даже Стенли — замечательного коллектора египетских древностей Генриха Бругша. Он был послан из Берлина консулом и дипломатом в Каир и в Персию, поступил на службу египетского хедива под именем Бругаш-паша, сколлектировал и скопировал множество иероглифических и демотических антиков и опубликовал их. И вот, хотя потом, возвратившись в Германию, он и стал профессором Берлинского университета и написал много ценных вещей по египтологии, я прямо должен сказать, что разделяю его жизнь на два периода. В молодости он был просто авантюрист и коллектор и только во вторую половину стал ученым. В первой половине своей жизни он, как коллектор и авантюрист был очень крупная величина, хотя подобно им и бесцеремонен, что покажут нам в следующих же главах этого тома его «Четыре египетские таблетки времен дедушки

астронома Гиппарха», сводящиеся к предумышленному подлогу. А как ученый он был, конечно, хотя очень сведущ в фактическом материале, но без всяких обещающих способностей, благодаря чему и создал ту нелепую хронологию древнего Египта, опровергать которую нам пришлось во второй половине VI тома «Христа».

Все это я сказал здесь для того, чтобы у читателя не возникло недоразумение при чтении последующих страниц. Обнаруживая многочисленные подлоги в древней истории азиатских народов (не известной, кстати, им самим, но созданной для них европейскими учеными и по привозимым от них же и неведомых для них самих документам) я ни в коем случае не хочу бросить тень на добросовестность наших ученых востоковедов. Я резко отделяю ученого историка от простого искателя древних и редких исторических документов, особенно сенсационных и в отдаленных странах, мало известных общеобразованной публике на его родине. Первый похож на охотника за редкой дичью, а второй на ученого зоолога, препарирующего ее, а разница между ними большая: ведь все знают, что называется «охотничьими рассказами».

С психологической точки зрения вполне понятно, что искателю редких документов, совершившему за ними отдаленнейшее путешествие с огромными затратами собственного времени и нередко чужих средств, почти невыносимо, если он не герой добродетели, вернуться домой ни с чем, особенно когда головы соотечественников, как и его самого при начале путешествия, были переполнены фантазиями насчет груд древних обломков и всяких клинописных надписей, валяющихся там чуть ли не на каждом шагу. Да и кто поверит, если возвратившись, он объявит, что там их еще меньше, чем у него на родине, где тоже можно копать землю в разных местах целую жизнь и все-таки не найти ничего особенно сенсационного? Соблазн подделать с отчаянья что-нибудь тут почти непреодолим. Вот почему и надо строго отличать ученого историка от коллектора сырых исторических материалов. Это две совершенно разные категории людей и каждая категория совершенно различной психической закалки. Коллекторы всегда склонны к авантюризму, и при случае не прочь мистифицировать, а вторые, особенно очень узкие специалисты, которым трудно сделать широкие обобщения, часто слишком доверчивы, тем более, что история, как серьезная наука, ищущая в кажущемся хаосе исторических явлений естественной причинности и эволюционной закономерности, возникла лишь со времени выхода в 1858 году гениальной книги Томаса Бокля «История цивилизации в Англии». Правда, что первые попытки этого рода были сделаны еще Вольтером в половине XIX века и отчасти Огюстом Контом в первой половине XIX века. Но Бокль впервые стал на естественно-научную и фактическую почву, а потому и реальную «историческую науку» приходится начинать только с него, и это мое исследование только надстройка заложенного Боклем фундамента.

Научная история начинается только с Бокля, а все, что было до него под названием «Всемирных историй», только рассортированный по векам (да и то с грубыми ошибками) материал для научной истории человечества.